

Дин Кунц Скорость

Аннотация

Кто-то таинственный и безжалостный устилал каждый его шаг трупами, старательно заботясь, чтобы все улики указывали именно на него. Билли Уайлс более не мог считать это просто «игрой» маньяка. Происходящее явно имело определенную цель. Но какую? Кто мог ненавидеть Билли такой лютой ненавистью? Час за часом перед ним разворачивалось дьявольское представление. Автору этого кровавого шоу маской служило лицо, срезанное с очередной жертвы, а ключом к разгадке стало случайно услышанное Билли слово. Он не мог обратиться в полицию. Единственный друг уже погиб от руки маньяка, и Билли оставалось одно - самому стать орудием возмездия.

Дин Кунц Скорость

Человека можно уничтожить, но не победить.
Эрнест Хемингуэй «Старик и море»

*И теперь вы живете, расползшись по резиновым дорогам, И ни один человек не знает, да ему и без разницы, кто его сосед. Если только сосед не начинает причинять слишком много хлопот,
Но все мечутся туда-сюда в своих моторных автомобилях.
Знакомые с дорогами и нигде не осевшие.*
Т. С. Элиот, рефрен из «Скалы»

Часть первая ВЫБОР ЗА ТОБОЙ

Глава 1

Широко улыбаясь, Нед Пирсолл поднял стакан пива, помянув умершего соседа, Генри Фриддла, смерть которого крайне его порадовала.

Убил Генри садовый гном. Сосед свалился с крыши своего двухэтажного дома на эту забавную фигурку. Гнома сделали из бетона. Генри — нет.

Сломанная шея, разбитый череп: Генри скончался на месте.

Гном убил Фриддла четырьмя годами раньше. Нед Пирсолл по-прежнему поминал соседа, как минимум раз в неделю.

И теперь какой-то приезжий турист — кроме него и Неда, у барной стойки красного дерева никого не было — полубопытствовал, чем вызвана столь сильная вражда.

— Вероятно, этот бедняга был уж очень плохим соседом, если вы злитесь на него и через четыре года после его смерти.

Обычно Нед такой вопрос пропускал мимо ушей. Приезжие привлекали его внимание еще меньше, чем претцели[1].

На стойке красовались три миски претцелей, потому что стоили крендельки дешево. Нед предпочитал поддерживать жажду хорошо посоленным арахисом.

Чтобы Нед не забывал про чаевые, Билли Уайлс, хлопотавший за стойкой, иногда давал ему пакетик «Плантерс».

Но чаще всего Неду приходилось платить за орешки. Его это мучило, то ли потому, что он не понимал экономических принципов функционирования таверны, то ли потому, что мучиться ему нравилось, и, вероятно, второй вариант был ближе к истине.

Несмотря на круглую голову, напоминающую мяч для сквоша, и широкие, круглые плечи борца сумо, Нед мог считаться спортсменом только в том случае, если бы соревнования проводились по ссорам в баре. Тут он мог претендовать на олимпийское «золото».

Впрочем, когда речь заходила о покойном Генри Фриддле, Нед мог поговорить как с туристами, так и со старожилами Виноградных Холмов. Впрочем, если, как и теперь, у стойки, кроме него, сидел только один незнакомец, Нед находил молчание более уместным, чем разговор с «заезжим дьяволом».

Билли болтать не любил, не относился к тем барменам, которые воспринимают стойку, за которой они священнодействуют, как сцену. Он был слушателем.

Приезжему Нед заявил:

— Генри Фриддл был свиньей.

— Свинья — это сильное слово, — ответил приезжий, с черными, словно угольная пыль, волосами, чуть тронутыми на висках сединой, яркими серыми глазами и звучным голосом.

— Вы знаете, что этот извращенец делал на крыше? Пытался поссать на окна моей столовой.

— Кем он был, аэрокосмическим инженером? — спросил приезжий.

— Профессором колледжа. Преподавал современную литературу.

— Возможно, чтение и довело его до самоубийства, — предположил незнакомец, отчего Билли решил, что он — более интересный человек, чем показалось на первый взгляд.

— Нет, нет, — возразил Нед. — Падение было случайным.

— Он был пьян?

— Почему вы подумали, что он был пьян? — спросил Нед.

Незнакомец пожал плечами.

— Он же залез на крышу, чтобы помочиться на ваши окна.

— Он был больным человеком, — объяснил Нед и постучал пальцем по пустому стакану, показывая Билли, что хочет повторить.

— Генри Фриддл помешался на мести, — добавил Билли, наливая «Будвайзер» из

крана.

Посоветовавшись с содержимым своего стакана, турист спросил Неда Пирсолла:

— На мести? То есть сначала вы помочились на его окна?

— Там все было по-другому. — Тон Неда явственно давал понять незнакомцу, что не стоит делать скоропалительных выводов.

— Нед сделал это не с крыши, — уточнил Билли.

— Совершенно верно. Я подошел к его дому как мужчина, встал на его лужайке и пустил струю в окна его столовой.

— Генри и его жена в это время обедали, — последовал комментарий Билли.

Поскольку туристу могло не понравиться выбранное для агрессии время, Нед сказал:

— Они ели перепелок, черт бы их побрал.

— Так вы оросили их окна, потому что они ели перепелок?

Нед раздраженно фыркнул.

— Нет, разумеется, нет! Или вы принимаете меня за сумасшедшего? — и посмотрев на Билли, закатил глаза.

Билли вскинул брови, как бы говоря: *«А чего, собственно, ждать от заезжего туриста?»*

— Я просто пытался показать, какие они выпендренные, — заявил Нед. — Всегда ели перепелок, или улиток, или свеклу листовую.

— Пустозвоны. — В голосе незнакомца слышалась легкая усмешка, которую уловил Билли, но не Нед.

— Именно, — подтвердил Нед. — Генри Фридл ездил на «Ягуаре», а его жена — на автомобиле, вы не поверите, автомобиле, сделанном в Швеции.

— Детройт для них — слишком банально, — ввернул незнакомец.

— Именно. Представляете себе, каким нужно быть снобом, чтобы привезти автомобиль из Швеции?

— Как я понимаю, они еще и отдавали предпочтение вину, — предположил турист.

— Естественно! Вы их знали или как?

— Просто знаю такой тип людей. И книг у них было много.

— Полный дом! — воскликнул Нед. — Они сидели на крыльце, принимали к вину и читали книги.

— Прямо у всех на глазах. Подумать только! Но если вы помочились на окна их столовой не потому, что они были снобами, то почему?

— По тысяче причин, — заверил его Нед. — Тот случай со скунсом. С удобрением для лужайки. Засохшие петунии.

— И садовый гном, — поддакнул Билли, который мыл стаканы в раковине.

— Садовый гном стал последней каплей, — согласился Нед.

— Я бы еще понял, если бы вас подтолкнули на поливание мочой их окон розовые пластмассовые фламинго, — сказал незнакомец, — но, признаюсь честно, только не гном.

Нед нахмурился, вспомнив нанесенное ему оскорбление.

— Ариадна дала ему мое лицо.

— Какая Ариадна?

— Жена Генри Фридла. Вы когда-нибудь слышали более вычурное имя?

— Ну, фамилия Фридл делает его более приземленным.

— Она была профессором прикладного искусства в том же колледже. Слепила гнома из воска, сделала литейную форму, залила бетоном, потом сама его раскрасила.

— Создание скульптуры, для которой вы послужили моделью, можно считать за честь.

Пивная пена на верхней губе Неда только добавила ярости его лицу.

— Это был *гном*, дружище. *Пьяный* гном. С красным, как яблоко, носом. В каждой руке он держал по бутылке пива.

— И ширинка у него была расстегнута, — добавил Билли.

— Спасибо, что напомнил, — пробурчал Нед. — Хуже того, из штанов торчала голова и

шея дохлого гуся.

— Какое творческое воображение, — отреагировал турист.

— Поначалу я не понял, что, черт побери, все это означает...

— Символизм. Метафора.

— Да, да. Я до этого допер. Каждый, кто проходил мимо их участка, видел этого гнома и смеялся надо мной.

— Для этого не было необходимости смотреть на гнома, — заметил турист.

Нед, не поняв его, согласился:

— Да. Люди смеялись, даже услышав о нем. Поэтому я разбил гнома кувалдой.

— И они подали на вас в суд.

— Хуже. Они поставили второго гнома. Предположив, что первого я разобью, Ариадна отлила второго и раскрасила его.

— Я думал, жизнь в вашей винной стране тихая и спокойная.

— Потом они мне сказали, — продолжил Нед, — что поставят третьего гнома, если я разобью второго, а еще сделают целую партию и продадут всем, кто захочет иметь гнома «Нед Пирсолл».

— Звучит как пустая угроза, — покачал головой турист. — Неужели нашлись бы люди, которые такое купили?

— Десятки, — заверил его Билли.

— Город стал злее с тех пор, как к нам зачастили приезжие из Сан-Франциско, — тяжело вздохнул Нед.

— И поскольку вы не решились поднять кувалду на второго гнома, вам не осталось ничего другого, как помочиться на их окна.

— Именно. Но я сделал это не с бухты-барахты. Неделью обдумывал свои действия. А *уж потом* обдал их окна, словно из брандспойта.

— И после этого Генри Фриддл залез на крышу с полным мочевым пузырем, чтобы восстановить справедливость.

— Да. Но он подождал, пока я устроил обед в честь дня рождения моей мамы.

— Непростительно, — вынес вердикт Билли.

— Разве мафия нападает на невинных членов семей своих врагов? — негодуя спросил Нед.

И хотя вопрос был риторическим, Билли счел необходимым позаботиться о чаевых:

— Нет, мафия знает, что такое честь.

— Это слово профессора колледжа не могут даже произнести по буквам! — фыркнул Нед. — Маме было семьдесят шесть. У нее мог случиться сердечный приступ.

— То есть, — уточнил турист, — пытаюсь помочиться на окна вашей столовой, Фриддл упал с крыши и сломал шею о гнома «Нед Пирсолл». Ирония судьбы.

— Насчет иронии не знаю, — ответил Нед, — но я испытал чувство глубокого удовлетворения.

— Расскажи ему, что сказала твоя мама, — попросил Билли.

Отхлебнув пива, Нед откликнулся на просьбу бармена:

— Мама сказала мне: «Дорогой, восславим Господа, это доказательство того, что Он есть».

Турист несколько секунд переваривал слова матери Неда.

— Похоже, она религиозная женщина.

— Такой она была не всегда, но в семьдесят два года заболела пневмонией.

— В такой момент очень неплохо иметь Бога на своей стороне.

— Она решила, если Бог есть, Он, возможно, ее спасет. А если Его не существует, то она всего лишь впустую потратит какое-то время на молитвы.

— Время — это самое дорогое, что у нас есть, — заметил турист.

— Правильно, — согласился Нед. — Но мама потратила не так уж много времени, потому что в основном молилась, когда смотрела телевизор.

— Какая захватывающая история, — и турист заказал пива.

Билли открыл бутылку «Хайнекена», поставил перед незнакомцем чистый охлажденный стакан, наклонился над стойкой и прошептал:

— Это за счет заведения.

— Как мило с вашей стороны. Благодарю. Я-то думал, что вы слишком спокойны и молчаливы для бармена, но теперь, возможно, понимаю почему.

Нед Пирсолл, который сидел в некотором отдалении, поднял стакан, чтобы произнести еще один тост:

— За Ариадну. Пусть покоится с миром.

Возможно, турист и не хотел продолжать разговор, но после такого тоста не мог не спросить:

— Неужто еще одна жертва гнома?

— Рак. Через два года после того, как Генри упал с крыши. Я не хотел, чтобы для нее все так закончилось.

Наливая пиво в наклоненный стакан, чтобы избежать появления высокой пены, незнакомец изрек:

— Смерть умеет решать наши мелкие проблемы.

— Мне ее недостает, — признался Нед. — Такая была красавица и бьюстгальтер надевала далеко не всегда.

Туриста передернуло.

— Бывало, она работала в саду или прогуливала собаку, — мечтательно вспоминал Нед, — а груди у нее так перекачивались, что аж дух захватывало.

Турист посмотрел на свое отображение в зеркале, возможно, чтобы убедиться, что на лице виден тот самый ужас, который он испытывал.

— Билли, ведь такие буфера, как были у нее, редко у кого увидишь, а? — спросил Нед бармена.

— Согласен, — кивнул Билли.

Нед слез со стула, направился к мужскому туалету, остановился около туриста.

— Даже когда рак иссушил ее, буфера остались прежними. Она худела, а они словно прибавляли в размерах. Почти до самого конца она выглядела такой соблазнительной. Так жаль, что ее не стало, не правда ли, Билли?

— Очень жаль, — согласился бармен, и Нед проследовал к мужскому туалету.

Затянувшуюся паузу нарушил турист:

— Вы интересный парень, Билли-бармен.

— Я? Никогда не мочился на окна соседей.

— Думаю, вы — как губка. Впитываете в себя все.

Билли взял полотенце, принялся протирать стаканы, ранее вымытые и высушенные.

— Но при этом вы и камень, — продолжил турист, — потому что, если вас сжать, ничего выдавить не удастся.

Билли продолжал полировать стаканы.

Серые глаза, и без того яркие, заблестели еще сильнее.

— Вы — человек с принципами, а это редкость в наши дни, когда большинство людей не знают, кто они такие, во что верят и почему.

К подобным монологам Билли тоже привык, хотя, надо признать, слышать их ему доводилось нечасто. В отличие от Неда Пирсолла, произносить такие монологи мог только эрудит, но, в принципе, это был все тот же пивной психоанализ.

Он испытывал разочарование. На какой-то момент ему показалось, что этот незнакомец отличается от других двущеких нагревателей, которые повышали температуру вина в высоких стульях у стойки.

Улыбаясь, Билли покачал головой:

— Принципы. Вы мне льстите.

Турист маленькими глотками пил «Хайнекен».

И хотя Билл больше не собирался ничего говорить, он услышал собственный голос:
— Не высывайся, сохраняй спокойствие, ничего не усложняй, не ожидай многого, наслаждайся тем, что есть.
Незнакомец улыбнулся.
— Будь самодостаточным, ни во что не вмешивайся, позволь миру катиться в ад, если ему того хочется.
— Возможно, — не стал спорить Билли.
— Это, конечно, не Платон, — сказал турист, — но тоже определенная философия.
— А у вас есть своя? — любопытствовал Билли.
— В данный момент я верю, что моя жизнь станет лучше, если мне удастся избежать продолжения разговора с Недом.
— Это не философия, — улыбнулся Билли. — Это факт.

* * *

В десять минут пятого Айви Элгин пришла на работу. Она была официанткой, такой же, как любая другая, и объектом желания, какие встречаются крайне редко.

Билли Айви нравилась, но желания трахнуть ее он не испытывал. И вот это превращало его в уникала среди тех мужчин, которые работали и пили в таверне.

У Айви были рыжие волосы, ясные глаза цвета бренди и фигура, которую всю жизнь искал Хью Хефнер[2].

В свои двадцать четыре года она вроде бы и не подозревала о том, что для каждого видящего ее мужчины является фантазией во плоти. Никогда никого не пыталась соблазнить. Иногда флиртвала, но исключительно в шутку.

Ее красота и нравственность церковной хористки создавали столь эротичную комбинацию, что от одной ее улыбки мужчина превращался в податливый пластилин.

— Привет, Билли, — поздоровалась Айви, направляясь к стойке. — Я видела дохлого опоссума на Олд-Милл-роуд, примерно в четверти мили от Корнелл-лейн.

— Умер сам или его раздавили?

— Естественно, раздавили.

— И что, по-твоему, это означает?

— Пока ничего особенного, — она протянула ему сумочку, чтобы он положил ее под стойку. — Это первый труп, который я видела за неделю, так что все зависит от того, какие еще трупы будут появляться, если будут.

Айви верила, что она гаруспик. Гаруспиками в Древнем Риме назывались жрецы, которые определяли волю богов по внутренностям животных, принесенных в жертву.

Другие римляне их уважали, им даже поклонялись, но, скорее всего, на вечеринки приглашали нечасто.

Айви в крайности не бросалась. Предсказание будущего по трупам не являлось главным в ее жизни. С посетителями таверны она говорила об этом крайне редко.

Опять же слабость желудка не позволяла ей копаться во внутренностях. Для гаруспика она была слишком уж брезгливой.

Вместо этого она искала некое значение в обстоятельствах, при которых столкнулась с трупами, в положении каждого из этих самых трупов относительно сторон света и в других скрытых для непосвященных аспектах их состояния.

Ее предсказания сбывались крайне редко, если вообще сбывались, но Айви не сдавалась.

— Во что бы это ни вылилось, — она взяла блокнот и карандаш, — знак дурной. От мертвого опоссума не приходится ждать ничего хорошего.

— Я это заметил.

— Особенно если он лежит носом на север. А хвостом — на восток.

Страдающие жаждой мужчины повалили в таверну вслед за Айви, словно она была оазисом, к которому они шли весь день. Только считанные сели у стойки. Остальные заставляли ее метаться от столика к столику.

Хотя клиенты таверны (главным образом представители среднего класса) деньгами не сорили, доход Айви от чаевых наверняка превосходил ее жалованье в том случае, если бы она защитила докторскую диссертацию по экономике.

Часом позже, в начале шестого, появилась Ширли Трублад, вторая вечерняя официантка. Пятидесяти шести лет от роду, крупная, благоухающая жасминовыми духами, Ширли имела своих поклонников. В барах хватало мужчин, которым не доставало материнской заботы. Женщин, впрочем, тоже.

Бен Вернон, дневной повар блюд быстрого приготовления, ушел домой. Вахту принял Рамон Падильо, вечерний повар. Таверна предлагала только такие блюда: чизбургеры, картофель фри, жареные кольца лука, кисадильи[3], начо[4]...

Рамон заметил, что в те вечера, когда работала Айви, острые блюда продавались в куда большем количестве, чем когда ее в таверне не было. Посетители отдавали предпочтение соусу «Томатильо», брали «Табаско», просили к бургерам нарезанный острый перец.

— Я думаю, — как-то Рамон поделился с Билли своими наблюдениями, — они подсознательно разогревают свои половые железы на случай, если она согласится пойти с кем-то из них.

— С Айви ни у кого нет ни шанса, — заверил его Билли.

— Как знать, — игриво возразил Рамон.

— Только не говори мне, что и ты закусываешь перчиками.

— Ем их так много, что иногда не знаю, куда деться от изжоги, — ответил Рамон. — Но зато я всегда готов.

Вместе с Рамоном пришел вечерний бармен, Стив Зиллис. Один час они всегда работали вместе, их смены накладывались друг на друга. В свои двадцать четыре, на десять лет моложе Билли, в зрелости он отставал лет на двадцать.

Для Стива вершиной изооренного юмора был столь похабный анекдот, что от него краснели даже взрослые мужчины.

Он мог языком завязать в узел черенок вишни, зарядить правую ноздрю арахисом и точно отправить орешек в стакан-цель, а еще — выдувать сигаретный дым из правого уха.

Как обычно, Стив перепрыгнул через дальний конец стойки, вместо того чтобы войти где положено.

— Все нормально, Кемосабе? — задал он свой фирменный вопрос.

— Еще час, и я снова стану хозяином своей жизни.

— Вот где жизнь, — протестовал Зиллис. — Центр существования.

В этом и была трагедия Стива Зиллиса: он верил в то, что говорил. Для него обыкновенная таверна была сверкающим кабаре.

Завязав фартук, он выхватил из вазы три оливки, подбросил в воздух одну за другой. А потом поймал ртом.

Когда двое пьяниц, сидевшие у стойки, захлопали, Стив наслаждался их аплодисментами ничуть не меньше, чем тенор со звездным статусом наслаждается овацией взыскательной публики в «Метрополитен-Опера».

Несмотря на присутствие за стойкой Стива Зиллиса, последний час смены Билли пролетел быстро. Посетителей в таверне было много, так что работы хватало обоим барменам: коротающие здесь вторую половину дня не спешили домой, да еще прибывали любители вечерней выпивки.

Если таверна и нравилась Билли, то, пожалуй, именно в это время. Посетители еще могли изъясняться связно, и настроение у них было получше, чем в более поздний час, когда алкоголь ввергал их в глубокую меланхолию.

Поскольку окна выходили на восток, а солнце скатывалось к западному горизонту, дневной свет окрашивал интерьер в мягкие тона. Потолок светился медью над стенными

панелями и кабинками красного дерева.

Пахло пивом, свечным воском, чизбургерами, жареным луком.

Однако Билли не любил таверну так сильно, чтобы задерживаться на рабочем месте после смены. Ушел он ровно в семь.

Будь он Стивом Зиллисом, то устроил бы из своего ухода целое представление. Вместо этого отбыл незаметно, как дематериализовавшийся призрак.

Снаружи от летнего дня оставались какие-то два часа. Небо на востоке было ярко-синим, как на картинах Максфилда Пэрриша[5], и светло-синим на западе, где его еще отбеливало солнце.

Подходя к своему «Форду Эксплорер», Билли заметил белый бумажный прямоугольник, подсунутый под «дворник» со стороны водителя.

Сев за руль, еще с открытой дверцей, он развернул бумажку, рассчитывая увидеть рекламу мойки автомобилей или предложение по уборке квартиры. Вместо этого обнаружил аккуратно напечатанное послание:

«Если ты не обратишься в полицию и они не начнут расследование, я убью симпатичную блондинку-учительницу где-то в округе Напа.

Если ты обратишься в полицию, вместо нее я убью пожилую женщину, активно занимающуюся благотворительностью.

У тебя есть шесть часов, чтобы принять решение. Выбор за тобой».

В тот момент Билли не почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, но она ушла. В самом скором времени его жизни предстояло радикальным образом перемениться.

Глава 2

Микки-Маус получил пулю в горло.

Пистолет калибра 9 мм громыхнул еще трижды, в быстрой последовательности, превратив в месиво мордочку Дональда Дака.

Лэнни Олсен, стрелок, жил в конце двухполосной асфальтовой дороги, под каменистым склоном, на котором не мог расти виноград. И из окон его дома не открывался вид на сказочную Напа-Вэлью.

Немодный адрес компенсировался тем, что участок окружали прекрасные сливовые деревья и огромные вязы, под которыми росли яркие дикие азалии. Не говоря уже об уединении.

Ближайший сосед жил на таком расстоянии, что Лэнни мог устраивать вечеринки в режиме нон-стоп изо дня в день, двадцать четыре часа в сутки, и никого бы не побеспокоил. Лэнни от этого проку не было никакого, потому что обычно он ложился спать в половине десятого. Для него понятие «вечеринка» заключалось в ящике пива, чипсах и покере.

Однако местоположение дома способствовало тому, что он смог устроить на участке тир. Так что в управлении шерифа ни у кого не было такой стрелковой практики.

Мальчиком он хотел стать художником-мультипликатором. У него был талант. Портреты диснеевских Микки-Мауса и Дональда Дака, по которым стрелял Лэнни, он нарисовал сам.

Вынимая из пистолета пустую обойму, Лэнни повернулся к Билли:

— Тебе следовало приехать сюда вчера. Я подряд прострелил головы двенадцати Бегающим Кукушкам.

— Злобный Койот[6] пришел бы в восторг, — ответил Билли. — Ты когда-нибудь стреляешь по обычным мишеням?

— А какое в этом удовольствие?

— Ты стреляешь и в Симпсонов?

— В Гомера, Барта... во всех, кроме Мардж. В Мардж — никогда.

Лэнни мог бы поступить в художественную школу, если бы его властный отец, Энсел, не решил, что сын должен пойти по стопам родителя и стать полицейским, точно так же, как сам Энсел пошел работать в полицию по стопам своего отца.

Перл, мать Лэнни, поддерживала сына, насколько позволяло ее слабое здоровье. Когда Лэнни исполнилось шестнадцать, у Перл обнаружили злокачественное заболевание лимфатической системы.

Радиационная терапия и лекарства отнимали у нее последние силы. Даже в периоды ремиссии она испытывала постоянную слабость.

Прекрасно понимая, что отец — никудышная сиделка и медсестра, Лэнни не поехал в художественную школу, остался дома, поступил в полицию и ухаживал за матерью.

Но так уж вышло, что первым умер Энсел. Он остановил водителя за превышение скорости, а водитель остановил его, выстрелив в упор из пистолета калибра 0,38 дюйма.

Заболев лимфомой в необычно молодом возрасте, Перл прожила с ней на удивление долго. И умерла только десять лет назад, когда Лэнни исполнилось тридцать шесть.

Он был еще достаточно молод, чтобы сменить профессию и поступить в художественную школу. Инерция, однако, оказалась сильнее желания начать новую жизнь.

Он унаследовал дом, красивый викторианский особняк с верандой вокруг, который поддерживал в безупречном состоянии. Работа не стала для Лэнни еще и хобби, семьи не было, поэтому у него оставалось достаточно свободного времени, которое он и уделял дому.

Когда Лэнни вставил в рукоятку пистолета новую обойму, Билли достал из кармана листок с отпечатанным на нем посланием.

— Что ты на это скажешь?

Лэнни читал, а вороны, воспользовавшись паузой в стрельбе, вернулись на верхние ветви окрестных вязов.

Прочитав текст, Лэнни не нахмурился, не улыбнулся, хотя Билли ожидал если не первого, то второго.

— Где ты это взял?

— Кто-то сунул мне этот листок под «дворник» на лобовом стекле.

— Где стоял автомобиль?

— Около таверны.

— Листок лежал в конверте?

— Нет.

— Кто-нибудь наблюдал за тобой? Я хочу сказать, когда ты доставал листок из-под «дворника» и читал записку?

— Никто.

— И что ты на это скажешь?

— Этот вопрос я задал тебе, — напомнил Билли.

— Чья-то проказа. Шутка с дурным вкусом.

Билли посмотрел на аккуратные строчки.

— Поначалу я тоже так подумал, но потом...

Лэнни шагнул в сторону, повернулся к полноразмерным рисункам Элмера Фудда и Багса Банни.

— Потом ты задался вопросом: «А что, если?...»

— Разве у тебя его не возникло?

— Будь уверен. Каждый коп им задается постоянно, иначе он умирает раньше, чем ему хотелось бы. Или начинает стрелять, когда не следует.

Не так уж и давно Лэнни ранил агрессивного пьяницу, решив, что тот вооружен. Но вместо пистолета у парня в кармане лежал сотовый телефон.

— Но ты не можешь вечно задавать этот вопрос, — продолжил Лэнни. — И тебе приходится полагаться на интуицию. А интуиция у тебя такая же, как у меня. Это чья-то злая шутка. Кроме того, ты представляешь себе, кто мог это сделать.

— Стив Зиллис, — ответил Билли.

— Бинго!

Лэнни изготовился для стрельбы. Правую ногу чуть сдвинул назад, левую согнул в колене, обеими руками взялся за пистолет. Глубоко вдохнул и пять раз выстрелил в Элмера, сорвав ворон с вязов и отправив их высоко в небо.

Насчитав четыре смертельные раны и одну тяжелую, Билли сказал:

— Проблема в том... не похоже это на все, что делал Стив... или может сделать.

— Почему?

— Он из тех, кто готов носить в кармане резиновый пузырь, чтобы громко перднуть, если решит, что это будет забавно.

— То есть?

Билли сложил листок с отпечатанным текстом и убрал в нагрудный карман рубашки.

— Для Стива это слишком сложно, слишком... тонко.

— Да, с тонкостью у нашего Стива не очень, — согласился Лэнни.

В наступившей тишине он разрядил оставшуюся половину обоймы в Багса, нанеся ему пять смертельных ранений.

— А если так и произойдет? — спросил Билли.

— Не произойдет.

— Но если?

— Маньяки-убийцы играют в такие игры только в кино. В реальной жизни они просто убивают. Власть над людьми — вот что им нужно, власть и иногда сексуальное насилие, а не загадки и шарады.

В траве блестели отстрелянные гильзы. Снижающееся к западному горизонту солнце окрашивало медные цилиндры в кроваво-золотой цвет.

Понимая, что развеять сомнения Билли не удалось, Лэнни продолжил:

— Но даже если так и будет, чего точно не будет, что можно сделать, исходя из этой записки?

— Учительницы-блондинки, пожилые женщины.

— Где-то в округе Напа.

— Да.

— Округ Напа — не Сан-Франциско, — заметил Лэнни, — но и не безлюдная местность. Множество людей во множестве городков. Управлению шерифа и всем прочим правоохранительным ведомствам округа не хватит сил, чтобы прикрыть всех.

— Всех прикрывать не нужно. Он обозначил цель: красивая блондинка-учительница.

— Это вопрос вкуса, — возразил Лэнни. — Та блондинка-учительница, которую ты сочтешь красавицей, мне может показаться уродиной.

— Я не представлял себе, что у тебя такие высокие стандарты, когда дело касается женщин.

Лэнни улыбнулся:

— Я разборчив.

— И потом, пожилая женщина, которая активно занимается благотворительностью.

Лэнни загнал в рукоятку третью обойму.

— Множество пожилых женщин активно занимаются благотворительностью. Они из того поколения, которое заботилось о соседях.

— Так ты ничего не собираешься предпринять?

— А что, по-твоему, я должен сделать?

Билли ничего не предложил, лишь отметил:

— Вроде бы мы должны что-то сделать.

— По своей сущности, полиция реагирует, а не упреждает.

— То есть сначала он должен кого-то убить.

— Он никого не собирается убивать.

— Он пишет, что убьет, — запротестовал Билли.

— Это шутка. Стив Зиллис наконец-то перерос пластиковую блевотину на полу.
Билли кивнул:
— Возможно, ты прав.
— Я уверен, что прав, — Лэнни указал на яркие фигуры, оставшиеся на стене из тройного слоя тюков с сеном. — Перед тем как сумерки помешают прицельной стрельбе, я хочу разобраться с персонажами «Шрека».
— Я думал, это хороший фильм.
— Я — не критик, — нетерпеливо бросил Лэнни, — просто человек, который хочет поразвлечься и отточить навыки, способные помочь в работе.
— Ладно, ухажу. Встретимся в пятницу за покером.
— Принеси что-нибудь.
— В смысле?
— Хосе принесет запеканку из свинины и риса. Лерой принесет пять видов сальсы[7] и много кукурузных чипсов. Почему бы тебе не принести пирог с тамалем?
Лэнни еще говорил, а у Билли скривилось лицо.
— Такое ощущение, будто мы — старые девы, собирающиеся на отходную вечеринку.
— Нас можно пожалеть, — признал Лэнни, — но мы еще не умерли.
— Откуда ты знаешь?
— Если бы мы умерли и находились в аду, — ответил Лэнни, — там не позволили бы мне получать удовольствие, рисуя персонажей мультфильмов. И это точно не рай.
К тому времени, когда Билли вернулся к своему «Эксплореру», стоящему на подъездной дорожке, Лэнни Олсен уже открыл огонь по Шреку, принцессе Фионе, Ослу и их друзьям.
На востоке небо стало сапфировым, на западе синева начала исчезать, открывая скрывавшееся под ней золото, в Котором едва чувствовалась краснота.
Стоя у внедорожника, под сенью удлиняющихся теней, Билли еще несколько мгновений наблюдал, как Лэнни оттачивает свое стрелковое мастерство и, должно быть, в тысячный раз пытается убить нереализованную мечту стать художником-мультипликатором.

Глава 3

Заколдованная принцесса, заточенная в башне и спящая много лет в ожидании поцелуя, который ее разбудит, не могла быть прекраснее Барбары Мандель, лежащей на кровати в «Шепчущихся соснах».

В свете лампы ее волосы, рассыпанные по подушке, насыщенностью цвета не уступали золоту, выливающемуся из плавильного ковша.

Стоящий у кровати Билли Уайлс никогда не видел бисквитной куклы со столь бледным и безупречным цветом лица, как у Барбары. Ее кожа казалась прозрачной, словно свет проникал под поверхность и подсвечивал лицо изнутри.

Если бы он откинул тонкое одеяло и простыню, его глазам открылось бы нечто, недостойное заколдованной принцессы: трубка, хирургически введенная в желудок.

Врач прописал равномерное и постоянное кормление. Вот и сейчас работал насос, подавая в желудок строго дозированную смесь питательных веществ.

Барбара пребывала в коме почти четыре года.

Ее кома не была абсолютной. Иногда она зевала, вздыхала, поднимала правую руку к лицу, горлу, груди.

Случалось, она произносила максимум несколько отрывочных слов, обращаясь не к кому-то из людей, оказавшихся в комнате, а к призраку, которого видело ее сознание.

Но, даже говоря или двигая рукой, она не отдавала себе отчета в том, что происходило вокруг нее. Была без сознания, не реагировала на внешние раздражители.

В этот момент она лежала недвижно, с гладким, как молоко в ведре, лбом, застывшими

под веками глазами, чуть раскрыв губы. Даже призрак не мог бы дышать столь беззвучно.

Из кармана пиджака Билли достал маленький блокнот с листочками, соединенными металлической спиралью, и маленькую, закрепленную на блокноте шариковую ручку. Положил их на прикроватный столик.

Обстановка комнаты была предельно простой: больничная кровать, прикроватный столик, стул. Давным-давно Билли добавил к этому высокий стул, какие обычно бывают у стойки бара, чтобы сидеть достаточно высоко и видеть Барбару.

Интернат «Шепчущиеся сосны» обеспечивал хороший уход за пациентами, но не мог похвастаться роскошью интерьеров. Половина его пациентов восстанавливалась после тяжелых операций, инсультов, инфарктов, для второй половины интернат служил постоянным и последним прибежищем.

Сев на высокий стул, откуда он хорошо ее видел, Билли рассказал Барбаре про свой день. Начал описанием рассвета, закончил тиром Лэнни, в котором мишенями служили знаменитые персонажи мультфильмов.

Хотя Барбара никогда не реагировала на его рассказы, глубоко в душе Билли надеялся, что она все-таки может его слышать. Ему хотелось верить, что его присутствие, голос, любовь утешают ее.

Рассказав все, что мог, он продолжал смотреть на нее. И не всегда видел ее нынешней. Иной раз она становилась прежней (живой и веселой), какой была бы сейчас, если бы не жестокость судьбы.

Какое-то время спустя он достал из кармана сложенную записку и прочитал ее вновь.

Едва закончил, как Барбара проговорила, причем так тихо, что он едва мог расслышать ее слова:

— Я хочу знать, что она говорит...[8]

Он вскочил со стула словно ошпаренный. Наклонился над оградительным поручнем, пристально всмотрелся в Барбару.

Никогда раньше сказанное ею в коме не имело никакого отношения к тому, что он говорил или делал, приходя к ней.

— Барбара?

Она оставалась в той же позе, с закрытыми глазами, чуть приоткрытым ртом, и жизни в ней, похоже, было не больше, чем в объекте скорби, отправившемся в последний путь на катафалке.

— Ты можешь меня слышать?

Дрожащими пальцами он коснулся ее лица. Она не отреагировала.

Он уже рассказал ей о содержимом этой странной записки, но теперь прочитал вслух, на случай, если слова, которые она прошептала, как-то связаны с запиской.

Дочитав до конца, посмотрел на Барбару. Никакой реакции. Произнес ее имя. Тот же результат.

Снова усевшись на стул, он взял со столика маленький блокнот. Маленькой ручкой записал произнесенные Барбарой семь слов, поставил дату.

Каждый год ее неестественного сна он начинал новый блокнот. И хотя в каждом была всего лишь сотня страниц размером три на четыре дюйма, практически все они оставались чистыми, потому что во время его визитов говорила она крайне редко.

«Я хочу знать, о чем она говорит».

Поставив дату после этой совершенно сознательной фразы, он пролистал странички назад, обращая внимание не на даты, а на произнесенные слова:

*«барашки не могут прощать
мальчишки с мясистыми лицами
мой младенческий язык
власть его надгробного камня
папа, картофель, домашняя птица, сливы,
призма[9]*

*сезон темноты
оно раздувается вперед
один большой подъем
все уносится прочь
двадцать три, двадцать три».*

В ее словах Билли не мог отыскать ни связи, ни ключа к чему-либо.

Время от времени — между этими случаями проходили недели и месяцы — Барбара улыбалась. Дважды при нем тихонько смеялась.

Бывало, что шептала слова, которые тревожили его, от которых по коже бежали мурашки:

*«избитый, в синяках, задыхающийся,
кровоточащий
кровь и огонь
топоры, ножи, итыки
красное в их глазах, в их бешеных глазах».*

Но в голосе, которым произносились эти слова, не чувствовалось ужаса. Барбара шептала их точно так же, как все остальное.

Тем не менее они пугали Билли. Он волновался, а не попала ли она, впад в кому, в какое-то темное и страшное место, где ощущала себя в западне и совсем одинокой.

На лбу появились морщинки, она заговорила снова:

— Море...

Когда он это записал, последовало:

— Что оно...

Тишина в комнате сгустилась, словно набившиеся в нее призраки остановили всякое движение воздуха.

Правая рука поднялась к губам, как будто хотела пощупать слова, которые слетали с них.

— Что оно продолжает говорить?

Это была самая связная фраза, произнесенная Барбарой за годы комы, да и никогда во время его визита она не говорила так много.

— Барбара...

— Я хочу знать, что оно говорит... море.

Рука спустилась к груди. Морщинки на лбу разгладились. Глаза, которые двигались под веками, пока она говорила, застыли.

Билли ждал, рука замерла над блокнотом, но Барбара молчала. Тишина все сгущалась и сгущалась, пока Билли наконец не почувствовал себя доисторической мухой, замершей в янтаре.

Она могла так лежать часы, дни, вечность...

Он поцеловал ее, но не в губы. Такого позволить себе не мог. Ее щека была мягкой и холодной.

Три года, десять месяцев и четыре дня прошло с того момента, как Барбара впала в кому, а еще месяцем раньше приняла от Билли обручальное кольцо.

Глава 4

Вдоль дороги, у которой находился дом Билли (стоял он на участке площадью в акр, заросшем черной ольхой и кедрами), жили еще несколько семей, так что он не мог наслаждаться уединением в той же степени, что и Лэнни.

Соседей своих он не знал. Наверное, не стал бы с ними знакомиться, даже если бы их дома смотрели окна в окна. И его весьма радовало отсутствие любопытства с их стороны.

Первый владелец его дома и архитектор, похоже провели немало времени над проектом,

потому что дом представлял собой некий гибрид между бунгалом и коттеджем, какие строят в горах. По очертаниям вроде бы он более всего походил на бунгало, но обшивка из кедра, посеребренного временем, и переднее крыльцо с мощными стойками, которые поддерживали крышу, определенно принадлежали коттеджу.

В отличие от многих других домов, которым смешение стилей не шло на пользу, этот выглядел очень уютным. Особенно с диким виноградом, увивавшим стены.

Гараж стоял отдельно, за домом, в нем же Билл устроил столярную мастерскую.

Поставив «Эксплорер» в гараж и закрыв ворота, Билли через двор направлялся к дому, когда вдруг с крыши гаража заухала сова.

Никакая другая сова ей не ответила, но Билл подумал, что услышал, как пискнула мышь, и буквально почувствовал, как шебуршатся они в кустах, должно быть, бежали к высокой траве, которая росла за пределами двора.

На него навалилась усталость, мысли путались. Остановившись, Билли глубоко вдохнул, смаю воздух, пропитанный ароматом коры и иголок кедра. Этот резкий запах прочистил голову.

Нельзя сказать, что Билли к этому стремился. В этот вечер мог бы и обойтись без ясности в мыслях. Он пил редко, но сейчас ему хотелось осушить бутылку пива или стаканчик виски.

Звезды выглядели очень уж жестокими. Да еще они и ярко сверкали в безоблачном небе, но он почему-то буквально физически ощущал их жестокость.

Ни ступени, ни половицы заднего крыльца не скрипели. Ему, как и Лэнни, хватало времени, чтобы следить за домом.

На кухне все шкафы и полки он смастерил сам. Из вишневого дерева. Пол выложил темными гранитными плитками. Столешницу подобрал под цвет того же гранита.

Просто и чистенько. В таком же стиле он намеревался отделать весь дом, но потом энтузиазм куда-то подевался.

Он достал из холодильника бутылку «Гиннеса», налил в большую кружку, добавил бурбона. Если уж он хотел выпить, то отдавал предпочтение такому коктейлю.

Телефон зазвонил, когда он готовил сэндвич с копченой колбасой.

— Алло?

На другом конце провода не отреагировали, и тогда Билли повторил:

— Алло?

В другой раз он бы подумал, что его не слышат, но не в этот вечер. Точно знал, что на том конце провода его слышат, и очень хорошо.

Слушая тишину в трубке, Билли достал из кармана отпечатанное послание. Развернул и разглядел на столешнице.

Из трубки не доносилось даже треска статических помех, не говоря уж о дыхании звонившего. С другой стороны, если ему звонил мертвяк, то он уже и не дышал.

Шутником был этот человек или убийцей, свою задачу он видел в том, чтобы запугать. Вот Билли и не стал в третий раз повторять «алло».

Они слушали молчание друг друга, словно могли почерпнуть из тишины какую-то важную информацию.

Примерно через минуту Билли задался вопросом: а может, он лишь вообразил себе, что на другом конце провода кто-то есть?

Если он действительно «говорил» сейчас с автором записки, бросить трубку первым было бы ошибкой. Такое поведение этот человек мог расценить как проявление страха или, самое меньшее, как демонстрацию слабости.

Жизнь научила его терпению. А кроме того, он не боялся показаться глупцом в собственных глазах. Поэтому ждал.

И когда связь разорвалась, он явственно услышал щелчок, доказывающий, что на том конце провода положили трубку. Лишь после щелчка пошли гудки отбоя.

Прежде чем вновь заняться сэндвичем, Билли обошел все четыре комнаты дома,

заглянул и в ванную. На всех окнах опустил жалюзи.

За кухонным столом съел сэндвич и два маринованных огурца. Выпил вторую бутылку пива, уже без бурбона.

Телевизора у него не было. Развлекательные шоу вызывали зевоту, новости не волновали.

Так что пообедал он в компании собственных мыслей. Сэндвич съел быстро.

В гостиной одну стену от пола до потолка занимали полки с книгами. Большую часть жизни Билли много читал.

Интерес к чтению угас тремя годами, десятью месяцами и четырьмя днями раньше. Взаимная любовь к книгам, к литературе во всех ее жанрах и свела его и Барбару вместе.

На одной полке стояло собрание сочинений Диккенса (все книги с одинаковыми корешками), которое Барбара подарила ему на Рождество. Диккенса она обожала.

В эти дни он испытывал настоящую потребность чем-то себя занять. Сидение с книгой вызывало у него тревогу. Он чувствовал себя уязвимым.

Помимо этого, в книгах хватало будоражащих идей. Они побуждали думать о том, что тебе хотелось забыть, и хотя мысли становились непереносимыми, заглушить их не было никакой возможности.

Резной деревянный потолок появился в гостиной, потому что Билли требовалось как-то занять себя. Каждую панель украшал резной орнамент, а по центру располагалась веточка с листочками, вырезанная из белого дуба, цветное пятно на красном дереве панели.

Такие потолки не подходили ни бунгало, ни коттеджам. Билли это не волновало. На реализацию этого проекта у него уже ушли месяцы, а работы еще предстояло много.

В кабинете потолок украшала еще более изощренная резьба, чем в гостиной. Билли не подошел к столу, где стоял давно уже не используемый компьютер. Сел за верстак с разложенными на нем столярными инструментами.

Здесь также лежали и заготовки из белого дуба. Из них он собирался вырезать украшения потолочных панелей в спальне. Там еще не было и панелей.

На столе стоял проигрыватель компакт-дисков и два маленьких динамика. Билли включил проигрыватель.

Резал дерево, пока не заболели руки и перед глазами не поплыли круги. Тогда выключил музыку и пошел спать.

Лежа на спине в темноте, уставившись в потолок, который не мог увидеть, ждал, пока глаза сами закроются. Ждал.

Услышал какой-то шум на крыше. Что-то скреблось по кровельным плиткам. Должно быть, сова.

Сова не заухала. Возможно, енот. Может, кто-то еще.

Он посмотрел на светящиеся цифры электронных часов на прикроватном столике. Двадцать минут первого.

«У тебя есть шесть часов. Выбор за тобой».

Утром все будет хорошо. Все всегда было хорошо. Ну, не так чтобы совсем хорошо, но и не так плохо, чтобы не хотелось жить.

«Я хочу знать, что оно говорит, море. Что оно продолжает говорить?»

Несколько раз он закрывал глаза, но без толку. Обычно сон приходил, лишь когда они закрывались сами.

Он смотрел на часы, когда «12:59» переменялось на «1:00».

Записку, которую сунули под «дворник» на лобовом стекле, он нашел в семь вечера. Шесть часов прошло.

Кого-то убили. Или нет. Конечно же, нет.

Под скрежет когтей совы, если это была сова, он заснул.

Глава 5

Таверна не имела названия, точнее, названием было ее функциональное назначение. На вывеске, закрепленной на вершине столба, который стоял у поворота с шоссе на обсаженную вязами автомобильную стоянку, значилось только одно слово: «ТАВЕРНА».

Принадлежало заведение Джекки О'Харе. Толстый, веснушчатый, добродушный, он для всех был другом и добрым дядюшкой.

И не имел ни малейшего желания видеть свое имя на вывеске.

В детстве Джекки хотел стать священником. Хотел помогать людям. Вести их к Богу.

Время научило его, что он не может обуздать даже свой аппетит. Еще молодым он пришел к выводу, что будет плохим священником, а вот этого ему как раз и не хотелось.

Его чувство собственного достоинства нисколько не страдало от того, что ему принадлежало чистенькое и спокойное питейное заведение, он испытывал удовлетворенность от своих достижений, но полагал, что выносить собственное имя на вывеску — потакание тщеславию.

По мнению Билли Уайлса, из Джекки вышел бы прекрасный священник. Каждому человеку трудно обуздать свои аппетиты, но редко кому свойственны человечность, мягкость, осознание собственных слабостей.

Таверна «Виноградные холмы». Таверна «Под сенью вязов». Таверна «При свете свечей». «Придорожная таверна»...

Завсегдатаи часто предлагали названия для таверны. Джекки находил их предложения неудачными, неподходящими, а то и просто глупыми.

Когда во вторник Билли приехал на работу в 10:45, на стоянке находились только два автомобиля, Джекки и Бена Вернона, дневного повара блюд быстрого приготовления.

Выйдя из «Эксплорера», Билли оглядел низкие, иззубренные холмы на другой стороне шоссе. Темно-коричневые там, где велись строительные работы, светло-коричневые, где солнце выжгло зеленую по весне траву.

«Пирлес Пропертис», транснациональная корпорация, строила там курорт высшего класса, который назвали «Виноградской страной», на участке площадью в девятьсот акров. Помимо отеля с полем для гольфа, тремя бассейнами, теннисным клубом и прочими удобствами, на территории велось строительство 190 коттеджей, каждый стоимостью во много миллионов долларов, для тех, кто привык серьезно относиться к своему досугу.

Ранней весной заложили фундаменты. Теперь поднимались стены.

Гораздо ближе, чем будущие дворцы на холмах, менее чем в сотне футов от шоссе, на лугу близилось к завершению строительство гигантского скульптурного сооружения. Высотой в семьдесят футов, длиной в сто пятьдесят, трехмерного, из дерева, выкрашенного в серый цвет с глубокими черными тенями.

В соответствии с традициями арт-деко, скульптура представляла собой стилизованный образ мощной техники, включая колеса и приводные тяги паровоза. Были там и огромные шестерни, и странные механизмы, и много чего другого, никак не связанного с поездом.

Гигантская стилизованная фигура мужчины в рабочем комбинезоне находилась в той части панно, которая вроде бы являла собой паровоз. Наклонившись, словно под сильным ветром, мужчина пытался то ли повернуть одно из колес, то ли его руки случайно попали под колесо и теперь его затачивало туда целиком.

Движущиеся части скульптурного сооружения пока еще не двигались, однако они уже создавали убедительную иллюзию движения, скорости.

Спроектировал это чудо знаменитый художник и скульптор по имени Валис (фамилии не было), и теперь он строил его с командой из шестнадцати рабочих.

Скульптурное сооружение символизировало суетность современной жизни, где индивидуума сокрушали силы общества.

В день открытия курорта Валис собирался поджечь свою скульптуру и спалить ее дотла, символизируя свободу от безумного темпа жизни, которую представлял собой новый курорт.

Большинство жителей Виноградных Холмов и окрестных городков подсмеивались над скульптурой и, когда называли ее *искусством*, словно брали это слово в кавычки.

Билли, наоборот, скульптура нравилась, а вот в намерении сжечь ее смысла он не находил.

Тот же художник однажды привязал двадцать тысяч наполненных гелием красных шариков к мосту в Австралии, чтобы создалось впечатление, что шарики держат мост на весу. С помощью дистанционного управления все шарики взорвались одновременно.

В том проекте Билли не понимал ни самого «искусства», ни необходимости его взрывать.

Не будучи критиком, он, однако, чувствовал, что это скульптурное сооружение или низкое искусство, или высокое ремесленничество. А сжигать его... смысла нет, все равно что ожидать, когда какой-нибудь музей отправит в костер полотна Рембрандта.

Но в современном обществе его ужасало столь многое, что он и не думал переживать из-за такого пустяка. Впрочем, в ночь сожжения не собирался наблюдать за этим действием.

Он вошел в таверну.

Воздух наполняли запахи специй. Бен Вернон готовил соус «чили».

За стойкой Джекки О'Хара проводил инвентаризацию спиртного.

— Билли, вчера вечером ты не видел специального выпуска по «Шестому каналу»?

— Нет.

— Ты не считаешь, что сообщения о НЛО и похищениях людей инопланетянами требуют специальных выпусков новостей?

— Я занимался резьбой по дереву под музыку.

— Этот парень говорит, что его забрали на материнский корабль, находящийся на околоземной орбите.

— Что в этом нового? Об этом говорят постоянно.

— Он говорит, что группа инопланетян провела ему практологическое обследование.

Билли толкнул дверцу, ведущую за стойку.

— Все они так говорят.

— Я знаю. Ты прав. Но я этого не понимаю, — Джекки нахмурился. — Представители высшей инопланетной цивилизации, в тысячи раз более разумные, чем мы, пролетают триллионы миль, пересекают межзвездное пространство, и все для того, чтобы заглянуть кому-то из нас в зад? Они что, извращенцы?

— В мой они никогда не заглянут, — заверил его Билли. — И я сомневаюсь, что они обследовали прямую кишку этого парня.

— Но ему можно верить. Он — писатель. Я хочу сказать, и до этой книги он опубликовал несколько других.

Билли достал из ящика фартук, завязал на талии.

— Публикация книги — не повод доверять человеку. Гитлер тоже публиковал книги.

— Правда? — спросил Джекки.

— Да.

— Тот Гитлер?

— Ну, я говорю не про Боба Гитлера.

— Ты смеешься надо мной.

— Посмотри в библиотеке.

— А что он писал? Детективы или что-то еще?

— Что-то еще.

— А этот парень писал научную фантастику.

— Ты меня удивил.

— Научную фантастику, — повторил Джекки. — К счастью, то будущее, о котором он писал, так и не реализовалось. — С рабочего столика он взял маленькую белую миску, недовольно фыркнул. — Мне что... уменьшить Стиву жалование за перерасход продуктов?

В миске лежали от пятнадцати до двадцати черенков вишен, все завязанные узлом.

— Посетители находят его забавным.
— Потому что наполовину пьяны. В любом случае, он прикидывается забавным парнем, но на самом деле он не такой.
— У каждого свое представление о том, что забавно, а что — нет.
— Я про другое. Он только прикидывается весельчаком, которому все легко и по барабану.
— Другим я его не видел, — заметил Билли.
— Спроси Селию Рейнольдс.
— Это кто?
— Живет рядом со Стивом.
— У соседей особые отношения, — напомнил Стив. — Нельзя верить всему, что они говорят.
— Селия говорит, что он буйствует у себя во дворе.
— Что значит... буйствует?
— Она говорит, сходит с ума. Рубит вещи.
— Какие вещи?
— Скажем, стул из столовой.
— Чьей?
— Своей. Рубил его, пока не превратил в щепки.
— Почему?
— Рубил и сыпал ругательствами. Вроде бы срывал злость.
— На стуле?
— Да. И он рубит топором арбузы.
— Может, он любит арбузы, — предположил Билли.
— Он их не *ест*. Рубит и рубит, пока не остается ничего, кроме отвратительного месива.
— И при этом ругается.
— Совершенно верно. Ругается, рычит, ревет, как зверь. Превращает арбузы в месиво.
Пару раз набрасывался на кукол.
— Каких кукол?
— Ну, ты знаешь, женщин, которых выставляют в витринах.
— Манекены?
— Да. С ними он расправлялся топором и кувалдой.
— Где он брал манекены?
— Понятия не имею.
— Что-то тут не так.
— Поговори с Селией. Она тебе все расскажет.
— Она спрашивала Стива, зачем он это делает?
— Нет. Боится.
— Ты ей веришь?
— Селия — не лгунья.
— Ты думаешь, Стив опасен? — спросил Билли.
— Вероятно, нет, но кто знает?
— Может, тебе лучше уволить его?
Брови Джекки взлетели вверх.
— А если потом он окажется одним из тех парней, которых показывают по *ти-ви*?
Придет *сюда* с топором?
— В любом случае что-то тут не так. Ты ведь сам до конца в это не веришь.
— Я верю. Селия трижды в неделю ходит к мессе.
— Джекки, ты всегда шутишь со Стивом. Он тебя смешит.
— С ним я постоянно держусь настороже.
— Я этого не заметил.

— Держусь. Но не хочу быть несправедливым по отношению к нему.

— Несправедливым?

— Он — хороший бармен, делает свою работу, — на лице Джекки отразился стыд. Пухлые щеки покраснели. — Не следовало мне так говорить о нем. Завелся вот из-за этих черенков вишен.

— Двадцать вишен, — кивнул Билли. — И сколько они стоят?

— Дело не в деньгах. Этот фокус с языком... в нем есть что-то непристойное.

— Никогда не слышал, чтобы кто-то жаловался. Многим женщинам, которые приходят сюда, очень нравится смотреть, как он это делает.

— И геем, — добавил Джекки. — Я не хочу, чтобы это был бар одиночек или геев. Я хочу, чтобы это был семейный бар.

— Неужто есть семейные бары?

— Абсолютно, — в голосе Джекки слышалась искренняя обида. Он держал таверну, а не вертеп. — Мы предлагаем детям картофель фри и жаренный кружочками лук, не так ли?

Прежде чем Билли успел ответить, появился первый клиент: часы показывали 11:04. Мужчина заказал «Кровавую Мэри» и корешки сельдерея.

Джекки и Билли вместе работали за стойкой во время ленча, и Джекки разносил на столики еду, которую Бен раскладывал по тарелкам.

В этот день народу у них было побольше, чем в другие дни, потому что вторник был днем соуса «чили», но им все равно не требовалась дневная официантка. Треть посетителей обходилась ленчем в стакане, еще трети хватало орешков, горячих сосисок и бесплатных претцелей.

Смешивая напитки и наливая пиво, Билли Уайлс не мог отделаться от «картинки», которая вновь и вновь возникала перед его мысленным взором: Стив Зиллис, рубящий манекен на куски, рубящий, рубящий...

Смена продолжалась, и, поскольку никто не приносил весть о застреленной учительнице или убитой пожилой филантропке, нервы Билли начали успокаиваться. В сонном городке Виноградные Холмы, в мирном округе Напа-Вэлью, новости о жестоком убийстве распространились бы быстро. Похоже, записка действительно оказалась чьей-то злой шуткой.

После ленча время потекло медленно, но в четыре часа на работу пришла Айви Элгин, а за ней последовали страдающие жаждой мужчины. И будь у них хвосты, они бы отчаянно махали ими из стороны в сторону, чтобы привлечь внимание Айви.

— Сегодня кто-нибудь умер? — спросил Билли, и от этого вопроса его буквально передернуло.

— Молящийся богомол на моем заднем крыльце, прямо у двери, — ответила Айви.

— И что это означает?

— Кто молился, тот умер.

— Не понимаю тебя.

— Сама пытаюсь разобраться.

Ширли Трублад прибыла в пять часов, величественная в светло-желтой униформе с белыми лацканами и манжетами.

После нее появился Рамон Падильо, который принюхался к запаху соуса «чили» и пробурчал:

— Нужно добавить чуточку корицы.

Войдя в таверну в шесть часов, Стив Зиллис, благоухающий вербеновым лосьоном после бритья и мятной жидкостью для полоскания рта, спросил Билли:

— Все нормально, Кемосабе?

— Ты мне вчера не звонил? — ответил Билли вопросом на вопрос.

— Кто, я? С какой стати?

— Не знаю. Мне позвонили, связь была плохая, но я подумал, может, ты.

— Ты мне не перезвонил?

— Нет. Я едва слышал голос, но почему-то подумал, что это мог быть ты. Выбрав три толстые оливки, Стив ответил:

— Нет, я не звонил и провел прошлую ночь с другом.

— Ты закончил работу в два часа ночи, а потом еще куда-то отправился?

Стив широко улыбнулся и подмигнул Билли.

— В небе луна, а я — собака.

— Если бы я закончил работу в два часа ночи, то тут же улегся бы спать.

— Ты уж не обижайся, пилигрим, но тебя никому не стоит ставить в пример.

— В каком смысле?

Стив пожал плечами и начал жонглировать оливками.

— Люди удивляются, почему такой симпатичный парень, как ты, живет, будто старая дева.

— Какие люди? — спросил Билли, оглядев посетителей таверны.

— Многие. — Стив поймал ртом первую оливку. Затем вторую, третью и сжевал их под аплодисменты зрителей первого ряда, сидевших на высоких стульях у стойки.

В последний час своей смены Билли более внимательно, чем обычно, приглядывался к Стиву Зил — лису, но не заметил ничего подозрительного.

Или Стив не был тем шутником, кто написал записку, или он был куда более хитрым и злобным, чем казалось.

Впрочем, значения это не имело. Никого не убили. Записка обернулась шуткой; рано или поздно выяснится, ради чего ее написали.

Когда Билли покидал таверну в семь вечера, Айви Элгин подошла к нему, ее глаза цвета бренди возбужденно сверкали.

— Кто-то должен умереть в церкви.

— С чего ты так решила?

— Богомол. Кто молился, тот умер.

— В какой церкви? — спросил Билли.

— Надо подождать, и мы все узнаем.

— Может, это произойдет не в церкви. Может, умрет кто-то из местных священников.

Она пристально смотрела ему в глаза.

— Я об этом не подумала. Возможно, ты прав. Но как это связано с мертвым опоссумом?

— Понятия не имею, Айви. В отличие от тебя, предсказания по внутренностям для меня — темный лес.

— Я знаю, но ты такой милый. Всегда меня слушаешь, никогда не смеешься надо мной.

Хотя Билли работал с ней пять дней в неделю, сочетание экстраординарной красоты и сексуальности Айви временами могло заставить его забыть, что она кое в чем оставалась скорее девочкой, чем женщиной, нежной и простодушной, добродетельной, пусть и не невинной.

— Я подумаю насчет опоссума, — пообещал Билли. — Может, во мне есть толика провидца, о которой я ничего не знаю.

Ее улыбка могла свалить мужчину с ног.

— Спасибо, Билли. Иногда этот дар... тяжелая ноша. И от помощи я не откажусь.

Снаружи солнечные лучи окрасили воздух летнего вечера в лимонно-желтый цвет, а крадущиеся к востоку черные тени вязов чуть отливали лиловым.

Подходя к «Форду Эксплорер», Билли увидел записку под «дворником» лобового стекла.

Глава 6

Хотя до сих пор не сообщалось о найденном трупе учительницы-блондинки или

пожилой женщины, Билли остановился в паре шагов от «Эксплорера», не решаясь подойти ближе, не испытывая ни малейшего желания читать вторую записку.

Ему хотелось только одного: немного посидеть с Барбарой, а потом поехать домой. Он не навещал ее семь раз в неделю, но как минимум через день, а чаще — два дня из трех.

Визиты в интернат «Шепчущиеся сосны» были одним из краеугольных камней, на которых строилась его незатейливая жизнь. Каждого он ожидал с нетерпением.

Он не был глупцом, но и не отличался особым умом. Знал, что его уединенная жизнь может легко перейти в полное одиночество.

Узкая черта отделяет уставшего затворника от боящегося всего отшельника. И черта эта еще уже между отшельником и ожесточившимся человеконенавистником.

Вытащить записку из-под «дворника», скомкать, отбросить в сторону непрочитанной, несомненно, означало бы переход первой черты. И, возможно, пути назад уже не будет.

Он не имел многого из того, что хотел бы получить от жизни. Но по натуре был достаточно честен с собой, чтобы понимать: выбросив записку, он бы выбросил все, что сейчас его поддерживало. Жизнь не просто бы переменялась — стала ужасной.

Погруженный в раздумья, он не услышал, как на стоянку въехала патрульная машина. И когда вытаскивал записку из-под «дворника», вздрогнул, увидев внезапно появившегося рядом с ним Лэнни Олсена, одетого в полицейскую форму.

— Еще одна, — по голосу Олсена чувствовалось, что он ожидал появления второй записки.

В голосе слышались нервные нотки, на лице отражалась тревога, в глазах читался страх.

Так уж распорядилась судьба, что Билли пришлось жить в то время, когда отрицалось существование жуткого, отчего жуткое называли всего лишь ужасным, ужасное становилось преступлением, преступление — правонарушением, правонарушение — сущей ерундой. Тем не менее именно жуткость захлестнула Билли еще до того, как он окончательно понял, что привело Лэнни Олсена на автомобильную стоянку.

— Билли. Господи Боже, Билли!

— Что?

— Меня прошиб пот. Посмотри, какой я потный.

— И что? В чем дело?

— Потею и потею. А ведь не так уж и жарко.

Внезапно Билли почувствовал, что лицо у него покрыто грязью. Провел на нему рукой, посмотрел на ладонь, ожидая, что она будет черной. Но нет, ладонь осталась чистой.

— Мне нужно выпить бутылку пива, — продолжил Лэнни, — две бутылки. Мне нужно посидеть. Мне нужно подумать.

— Посмотри на меня.

Лэнни не встретился с ним взглядом. Не мог оторвать глаз от записки в руке Билли.

Он ее так и не развернул, но что-то вдруг развернулось в его желудке, пышно расцвело, поднялось к самому горлу. Тошнота, рожденная интуицией.

Не следовало задавать вопрос: «Что?» Правильным был другой вопрос: «Кто?»

И Билли его задал.

Лэнни облизал губы.

— Гизель Уинслоу.

— Я ее не знаю.

— Я тоже.

— Где?

— Преподавала английский в дальней части Напа-Вэлью.

— Блондинка?

— Да.

— И красавица, — предположил Билли.

— Когда-то была. Кто-то избил ее чуть ли не до смерти. Ее били долго, били умело,

чтобы она протянула как можно дольше.

— *Чуть ли* не до смерти.

— Он задушил Гизель ее же колготками.

Ноги Билли стали ватными. Он привалился к «Эксплореру». Не мог проронить ни слова.

— Сестра нашла ее два часа тому назад.

Глаза Лэнни по-прежнему не отрывались от сложенного листка в руке Билли.

— Юрисдикция управления шерифа на те места не распространяется, — пояснил Лэнни. — Этим убийством будет заниматься полиция Напы. Это уже что-то. Дает мне возможность для маневра.

К Билли вернулся дар речи, но голос стал таким хриплым, что удивил его самого.

— В записке говорилось, что он убьет школьную учительницу, если я не обращусь в полицию, но я поехал к тебе.

— Он сказал, что убьет ее, если ты не обратишься в полицию и *они не займутся этим делом*.

— Но я поехал к тебе, я пытался. Господи, я пытался обратиться в полицию, не так ли?

Лэнни наконец-то встретился с ним взглядом.

— Ты приехал ко мне не на службу. Ты не обратился в полицию. Ты обратился к другу, который, так уж вышло, был полицейским.

— Но я поехал к тебе, — запротестовал Билли, отдавая себе отчет, что правота, конечно же, на стороне Лэнни.

Тошнота пыталась прорваться в горло, но он стиснул зубы, отчаянно пытаясь подавить рвотный рефлекс.

— Кто бы мог подумать, что это реально.

— Что?

— Первая записка. Это же была шутка. Глупая шутка. Нет такого копа, который, прочитав ее, почувствовал бы, что угроза настоящая.

«Тойота» въехала на автостоянку, припарковалась в семидесяти или восьмидесяти футах от «Эксплорера».

В молчании они наблюдали, как из кабины выходит мужчина и направляется к двери в таверну. На таком расстоянии он не мог услышать их разговор. Однако они предпочли перестраховаться.

Когда открылась дверь, из таверны донеслась музыка. Алан Джексон пел о разбитом сердце.

— Она была замужем? — спросил Билли.

— Кто?

— Эта женщина. Учительница. Гизель Уинслоу.

— Думаю, что нет. Нет. Во всяком случае, о муже ничего не сообщалось. Дай мне взглянуть на записку.

Билли убрал руку с запиской за спину.

— Дети у нее были?

— Разве это имеет значение?

— Имеет.

Он вдруг осознал, что вторая рука сжалась в кулак. А ведь перед ним стоял друг. Ему пришлось приложить усилие, чтобы разжать пальцы.

— Для меня имеет, Лэнни.

— Дети? Не знаю. Вероятно, нет. Насколько я слышал, она жила одна.

Мимо по шоссе, один за другим, в шуме моторов проехали два грузовика.

Как только воцарилась тишина, Лэнни прямо объяснил, в чем проблема:

— Послушай, Билли, потенциально у меня могут быть неприятности.

— Потенциально? — Выбор слова показался ему забавным, но, разумеется, сейчас было не до смеха.

— Ни один человек в управлении не воспринял бы эту чертову записку серьезно. Но они скажут, что мне следовало воспринять.

— Может, и мне следовало, — вздохнул Билли.

— Задним умом мы все крепки! — вскинулся Лэнни. — Чушь собачья. Не говори так. Мы должны защищаться вместе.

— Защищаться против кого?

— Без разницы. Послушай, Билли, формуляр десять у меня не идеальный.

— Что такое формуляр десять?

— Личное дело. В нем у меня пара отрицательных отзывов.

— Что ты сделал?

Когда Лэнни чувствовал обиду, он щурился.

— Черт побери, я не продажный коп.

— Я этого не говорил.

— Мне сорок шесть, я никогда не брал грязных денег и никогда не возьму.

— Хорошо. Я тебя понял.

— Я ничего такого не сделал.

Возможно, Лэнни только изображал обиду, потому что прищур сразу пропал. А может, перед его мысленным взором возникло что-то пугающее, вот глаза и раскрылись. Он пожевал нижнюю губу, словно это была гложущая мысль, которую хотелось раскусить, выплюнуть и больше к ней не возвращаться.

И хотя Лэнни посмотрел на часы, Билли ждал продолжения.

— Дело в том, что иногда я — ленивый коп. От скуки, ты понимаешь. А может, потому что... не хотел для себя такой жизни.

— Ты ничего не должен мне объяснять, — заверил его Билли.

— Знаю. Но дело в том... хотел я такой жизни или нет, теперь это моя жизнь. Это все, что у меня есть. И мне нужен шанс сохранить ее. Я должен прочитать новую записку, Билли. Пожалуйста, дай мне ее.

Сочувствуя, но не желая расставаться с запиской, которая стала влажной от его пота. Билли развернул листок и прочитал аккуратно отпечатанный текст:

«Если ты не обратишься в полицию и они не начнут расследование, я убью неженатого мужчину, исчезновения которого мир не заметит.

Если ты обратишься в полицию, я убью молодую мать двоих детей.

У тебя есть пять часов. Выбор за тобой».

Уже при первом прочтении Билли уловил все ужасные подробности, однако прочитал записку второй раз и лишь потом отдал ее Лэнни.

Озабоченность, ржавчина жизни, покрыла лицо Лэнни, когда тот читал записку.

— Этот сукин сын просто безумец.

— Мне нужно ехать в Напу.

— Зачем?

— Чтобы отдать обе записки в полицию.

— Подожди, подожди, подожди! — выпалил Лэнни. — Ты же не знаешь, что и второго человека убьют в Напе. Это может произойти в Сент-Элене или Рутефорде...

— Или в Энгвине, — перебил его Билли, — или Калистоге.

Лэнни продолжил, словно и не услышал слов Билли:

— ...или в Йонтвилле, или в Серкл-Оукс, или в Оуксвилле. Ты не знаешь, где это произойдет. Ты ничего не знаешь.

— Что-то я знаю, — ответил Билли. — Я знаю, что правильно.

— Настоящие убийцы не играют в такие игры, — Лэнни смахнул пот со лба.

— Этот играет.

Сложив записку и сунув ее в нагрудный карман форменной рубашки, Лэнни взмолился:

— Дай мне минутку, чтобы подумать.

Вытащив записку из кармана его рубашки, Билли ответил:

— Думай сколько хочешь. Я еду в Напу.

— Это плохо. Неправильно. Не глупи.

— На этом его игра закончится, раз уж я не буду в нее играть.

— Значит, ты собираешься убить молодую мать двоих детей. Взять и убить, так?

— Будем считать, что ты этого не говорил.

— Тогда я повторю. Ты собираешься убить молодую мать двоих детей.

Билли покачал головой:

— Я не собираюсь никого убивать.

— Выбор за тобой, — процитировал Лэнни. — Ты собираешься своим выбором оставить двоих детей сиротами?

Такого лица, таких глаз своего друга раньше Билли не видел, ни за покерным столом, ни где-то еще. Перед ним стоял незнакомец.

— Выбор за тобой, — повторил Лэнни.

Билли не хотел рвать с ним отношения. Он жил на более общительной стороне границы между затворничеством и отшельничеством и не собирался границу эту пересекать.

Возможно, понимая состояние друга, Лэнни изменил тактику:

— Я лишь прошу тебя бросить мне веревку. Сейчас я на зыбучем песке.

— Да перестань, Лэнни.

— Я знаю. Он засасывает. И ничего с этим не поделаешь.

— Не пытайся манипулировать мной. Не дави на меня.

— Не буду. Извини. Дело в том, что наш шериф — отменный говнюк. Ты знаешь, что он — говнюк. С таким личным делом, как мое, для него это будет достаточным поводом отобрать у меня жетон полицейского, а мне еще шесть лет до полной выслуги.

Глядя Лэнни в глаза, Билли видел отчаяние и еще что-то похуже отчаяния, нечто такое, что и называть не хотелось, но при этом не мог пойти ему навстречу. Билли пришлось отвести взгляд и при твориться, будто он говорит с Лэнни, которого знал до этой встречи.

— О чем ты меня просишь?

Услышав в этом вопросе согласие на капитуляцию, Лэнни заговорил еще более примирительным тоном:

— Ты об этом не пожалеешь, Билли. Все будет хорошо.

— Я не сказал, что сделаю то, о чем ты меня попросишь. Просто хочу знать, о чем пойдет речь.

— Я понимаю. И ценю это. Ты настоящий друг. Я прошу дать мне один час. Ровно час, чтобы подумать.

Билли перевел взгляд с таверны на черный, потрескавшийся асфальт автостоянки.

— Времени не так много. В первой записке указывался срок шесть часов. Теперь — пять.

— Я прошу только один. Один час.

— Он должен знать, что смена у меня оканчивается в семь часов, и с этого момента, вероятно, начинается отсчет. Полночь. А потом, до рассвета, он убьет одного или другую, в зависимости от моего действия или бездействия, от моего выбора. Он все равно убьет, но я не хочу думать, что принимал решение за него.

— Один час, — пообещал Лэнни, — а потом я пойду к шерифу Палмеру. Мне просто нужно подготовиться, изложить информацию так, чтобы прикрыть собственный зад.

Знакомый крик, но редко слышимый в здешних местах, заставил Билли оторвать взгляд от асфальта и посмотреть на небо.

Белые пятна на сапфировом фоне, три морские чайки кружили на востоке. Они редко залетали так далеко на север от Сан-Пабло-Бэй.

— Билли, мне нужны эти записки, чтобы показать их шерифу Палмеру.

— Я бы предпочел оставить их у себя, — ответил Билли, наблюдая за чайками.

— Записки — вещественные улики, — указал Лэнни. — Этот мерзавец Палмер проделает мне новую дырку в зад, если я не принесу вещественные улики.

Когда летний вечер начинает переходить в ночь, чайки всегда возвращаются к своим гнездовьям на побережье. Поэтому их появление в такой дали от моря следовало расценивать как знак свыше. И от пронзительных криков чаек волосы на затылке Билли встали дыбом.

— У меня только та записка, которую я сейчас нашел.

— А где первая? — спросил Лэнни.

— Я оставил ее на кухне, рядом с телефоном.

Билли подумал о том, чтобы вернуться в таверну и спросить Айви Элгин, что могли означать кружащие в небе морские чайки.

— Ладно. Хорошо. — кивнул Лэнни. — Дай мне ту записку, что сейчас у тебя. Палмер все равно захочет поговорить с тобой. Тогда ты и отдашь ему первую записку.

Проблема заключалась в том, что Айви, по ее же словам, могла что-либо предсказывать только по трупам.

Билли колебался, и Лэнни усилил напор:

— Ради бога, смотри на меня. Что ты углядел в этих птицах?

— Не знаю, — ответил Билли.

— Чего ты не знаешь?

— Не знаю, что означает появление этих птиц. — С неохотой Билли выудил из кармана записку, протянул Лэнни: — Один час.

— Это все, что мне нужно. Я тебе позвоню.

Лэнни уже отворачивался, но Билли остановил его, положив руку на плечо:

— Что значит позвонишь? Ты сказал, что привезешь Палмера.

— Сначала я позвоню тебе, как только решу, что нужно сказать Палмеру, чтобы уберечь собственный зад.

Накричавшись, чайки полетели к скатывающемуся к западному горизонту солнцу.

— Я изложу тебе свою версию, чтобы мы оба говорили одно и то же. А потом пойду к нему.

Билли сожалел, что отдал записку. Но логика требовала: вещественные улики должны быть у Лэнни.

— Где ты будешь через час... в «Шепчущихся соснах»?

Билли покачал головой:

— Я заеду туда, но лишь минут на пятнадцать. Потом буду дома. Позвони туда. Но есть еще один момент.

— Полночь, Билли, — нетерпеливо бросил Лэнни. — Помнишь?

— Откуда этот псих знает, какой я сделал выбор? Как он узнал, что я поехал к тебе, но не в полицию? Как сможет узнать, что я буду делать последующие четыре с половиной часа?

Лэнни не ответил, но нахмурился.

— Никак, если не следит за мной, — сам же и ответил Билли.

Лэнни оглядел автомобили на стоянке, таверну, вязы.

— Все шло очень уж гладко.

— Правда?

— Как река. А теперь этот порог.

— Пороги встречаются всегда.

— Это правда, — и Олсен направился к патрульному автомобилю.

Единственный сын своей матери, Олсен сейчас напоминал побитую собаку, ссутулившийся, с болтающимися, как плети, руками.

Билли хотел спросить, по-прежнему ли они друзья, но такой вопрос был бы очень прямым. А сформулировать его иначе не получалось.

А потом вдруг услышал собственный голос:

— Никогда тебе этого не говорил, а зря.

Лэнни остановился, оглянулся, настороженно посмотрел на него.

— Все эти годы, когда твоя мать болела, а ты ухаживал за ней, отказавшись от того, что хотел... для этого нужно быть не просто хорошим полицейским, а хорошим человеком.

Словно смутившись, Лэнни вновь глянул на деревья, а потом дрогнувшим голосом ответил:

— Спасибо, Билли. — Лэнни определенно порадовалось, что его жертвенность не осталась незамеченной. А потом добавил, словно возвращаясь в настоящее: — Но за это не платят пенсию.

Билли наблюдал, как он сел за руль патрульной машины и уехал.

Чайки улетели, никто более не нарушал тишину, день спешил навстречу ночи, тени удлинялись и удлинялись.

На другой стороне шоссе сорокафутовый деревянный мужчина пытался выскочить из-под перемалывающих все и вся колес то ли промышленности, то ли жестокой идеологии, то ли современного искусства.

Глава 7

Лицо Барбары на белом фоне подушки было отчаянием Билли и его надеждой, утратой и ожиданием чуда.

Она была его якорем, с одной стороны, помогала устоять над напором любых жизненных ветров, но с другой, воспоминания о том времени, когда она радовалась жизни и радовала его, опутывали Билли, как тяжелая цепь. И если бы из комы она провалилась в полное забвение, он бы тоже не выдержал, утонул в черных глубинах.

Он приезжал сюда не для того, чтобы составить ей компанию и в надежде, что она узнает о его присутствии, даже не покидая внутренней тюрьмы, но чтобы научиться заботиться о другом человеческом существе, сидеть неподвижно и, возможно, обрести умиротворенность.

В этот вечер, однако, с обретением умиротворенности что-то не складывалось.

Его взгляд постоянно смещался с ее лица на часы и окно, за которым едко-желтый день медленно переходил в сумерки.

В руке он держал маленький блокнотик. Пролистывал его, читая загадочные слова, которые произносила Барбара.

Если попадалась любопытная последовательность, озвучивал ее:

«...мягкий черный легкий дождь...»

«...смерть солнца...»

«...костюм пугала...»

«...печень жирного гуся...»

«...узкие улицы, высокие дома...»

«...цистерна для тумана...»

«...странные формы... призрачное движение...»

«...чистый звон колоколов...»

Он надеялся, что Барбара, услышав слова, произнесенные ею в коме, заговорит вновь, возможно, продолжит какие-то из этих фраз, и они обретут смысл.

Иногда, после чтения записанного в блокноте, она что-то и говорила. Но не было случая, чтобы разъяснила ранее сказанное. Вместо этого в блокноте появлялись новые ничего не значащие обрывки фраз.

В этот вечер она реагировала молчанием да иногда вздохом, лишенным эмоций, словно была машиной, которая дышала в некоем ритме с более громкими выдохами, вызванными случайными энергетическими всплесками.

Прочитав вслух еще несколько обрывков фраз, Билли убрал блокнот в карман.

Взволнованный, он произносил ее слова слишком громко, слишком торопливо. В какой-то момент услышал себя и подумал, что голос его звучит злобно, не принося Барбаре никакой

пользы.

Он прошелся по комнате. Окно так и манило его.

Интернат «Шепчущиеся сосны» находился рядом с пологим склоном, полностью занятым виноградником. Так что из окна открывался вид на посаженные стройными рядами виноградные лозы с изумрудно-зелеными листьями, которым осенью предстояло стать алыми, и гроздьями маленьких ягод, только начавших наливаться.

Проходы между рядами лозы были черными от теней и пурпурными от выжимок винограда, используемых в качестве удобрения.

В семидесяти или восьмидесяти футах от окна, в одном из проходов стоял мужчина. Никаких инструментов при нем не было, похоже, он пришел туда не для того, чтобы поработать.

А если оказался там, совершая прогулку, то, судя по всему, никуда не торопился. Стоял, расставив ноги, сунув руки в карманы.

И смотрел на интернат.

С такого расстояния и при таком освещении Билли не мог разглядеть мужчину. Стоял он между рядами виноградной лозы спиной к заходящему солнцу, так что видел Билли только его силуэт.

Вслушиваясь в шум бегущих ног по ступеням, а на самом деле в удары собственного сердца, Билли предостерег себя от паранойи. Какая бы ни возникла проблема, для ее решения ему требовались спокойные нервы и ясная голова.

Он отвернулся от окна, прошел к кровати.

Глаза Барбары двигались под веками — признак того, утверждали специалисты, что человеку снится сон.

Поскольку любая кома — гораздо более глубокий сон, чем обычный, Билли задавался вопросом, а может, в таком состоянии и сны снятся более интенсивные, наполненные лихорадочными действиями, громовыми звуками, ослепляющим светом.

Его волновала мысль: а вдруг ее сны — кошмары, яркие и непрерывные?

Когда он поцеловал Барбару в лоб, она прошептала:

— Ветер на востоке...

Билли подождал, но больше она ничего не сказала, хотя глаза продолжали метаться туда-сюда под закрытыми веками.

Поскольку в словах не было угрозы, а по голосу не чувствовалось, что она в опасности, Билли решил, что сон мирный.

И пусть без особого желания, Билли взял с прикроватного столика квадратный, кремового цвета конверт, на котором летящим почерком было написано его имя. Сунул в карман, не читая, потому что знал: письмо оставлено врачом Барбары, Джорданом Феррьером.

Медицинские вопросы доктор всегда обсуждал с ним по телефону. А к письмам прибегал, когда дело касалось чего-то другого.

Подойдя к окну, Билли увидел, что мужчины, который наблюдал за интернатом из виноградника, нет.

Минуту спустя, выходя из здания, пожалуй, не удивился бы, увидев на лобовом стекле третью записку. Но нет, Бог миловал.

Скорее всего, тот мужчина был обычным человеком, который пришел в виноградник по каким-то делам. Только и всего.

Билли поехал домой, загнал «Эксплорер» в отдельно стоящий гараж, поднялся на заднее крыльцо и обнаружил, что дверь на кухню отперта и приоткрыта.

Глава 8

Ни в одной из записок Билли не угрожали. Он мог не опасаться за свою жизнь. Но

предпочел бы схлестнуться с автором записок, чем брать на себя моральную ответственность за смерть других людей.

Тем не менее, увидев приоткрытую дверь, он по думал: а не лучше ли подождать прибытия Лэнни и шерифа Палмера во дворе?

Однако тут же отогнал эту мысль. Если бы Лэнни и Палмер решили, что он трусоват, его бы это не волновало, но вот он сам не хотел так думать о себе.

Билли вошел в дом. На кухне его никто не поджидал.

Тающий дневной свет, просачиваясь в окна, практически не разгонял темноту. Билли обошел дом, везде зажигая лампы.

Не нашел незваного гостя ни в комнатах, ни в чуланах. Более того, не обнаружил и следов вторжения.

К тому времени, когда вернулся на кухню, уже задался вопросом: а может, он просто забыл запереть дом, когда утром уезжал на работу?

Впрочем, этот вариант отпал сам по себе, когда Билли увидел на одном из кухонных столиков запасной ключ, рядом с телефонным аппаратом. Он держал его приклеенным скотчем ко дну одной из двадцати банок с морилкой и лаком для дерева, которые стояли на полке в гараже.

Последний раз Билли пользовался этим ключом пятью или шестью месяцами ранее. Едва ли за ним следили так давно.

Скорее всего, убийца, подозревая о существовании запасного ключа, предположил, что гараж — наиболее вероятное место, где он может храниться.

Профессионально оборудованная столярная мастерская Билли занимала большую половину гаража. Там хватало ящиков, шкафчиков и полок, где можно было спрятать маленький ключ. Поиск мог занять не один час.

Однако если убийца, проникнув в дом, собирался дать знать хозяину о том, что у него побывали незваные гости, тогда, казалось бы, он мог не тратить время на поиски ключа. Вышиб бы одну из стеклянных панелей двери на кухню, и все дела.

Раздумывая над этой головоломкой, Билли вдруг осознал, что запасной ключ лежит на том самом месте, где он оставил первую записку убийцы. Сама записка исчезла.

Повернувшись на триста шестьдесят градусов, он не обнаружил записки ни на полу, ни на каком другом столике. Выдвинул ближайший ящик, но записки не было ни в нем, ни в соседнем ящике, ни в остальных...

И тут же до него дошло, что у него в гостях побывал не убийца Гизель Уинслоу, а совсем другой человек: Лэнни Олсен.

Лэнни знал, где хранился запасной ключ. Когда он попросил отдать ему первую записку, вещественную улику, Билли сам сказал, что записка здесь, на кухне.

Лэнни также спросил, где он найдет его через час, поедет ли Билли сразу домой или заглянет в «Шепчущиеся сосны».

Билли охватило предчувствие дурного. Он понял, что оказался слишком доверчивым, и у него засосало под ложечкой.

Если бы Лэнни хотел сразу приехать сюда и забрать первую записку как вещественную улику, а не потом, с шерифом Палмером, он должен был сказать об этом. Его обман предполагал, что он не собирался служить и защищать общество, не собирался прийти на помощь своему другу. Нет, он реализовывал другую цель: спасал собственную шкуру.

Билли не хотел в это верить. Попытался найти оправдание для Лэнни.

Может, уехав от таверны в патрульной машине, он решил, что к шерифу Палмеру лучше идти с обеими записками. И, возможно, не стал заезжать в «Шепчущиеся сосны», потому что знал, насколько важны эти визиты для Билли.

В этом случае, однако, он бы наверняка написал короткое объяснение и оставил на месте записки киллера.

Если только... Если только он не ставил своей целью уничтожить обе записки, вместо того чтобы нести их к шерифу Палмеру, а потом заявить, что Билли не приходил к нему,

чтобы предупредить об убийстве Уинслоу.

Но в любом случае Лэнни Олсен всегда казался ему хорошим человеком, пусть и не лишенным недостатков, однако честным, справедливым и порядочным. Он же пожертвовал своей мечтой ради того, чтобы много лет ухаживать за болеющей матерью.

Билли сунул запасной ключ в карман брюк. Больше он не собирался прикреплять его липкой лентой к одной из банок, стоящих в гараже.

Задался вопросом, сколько отрицательных отзывов в личном деле Лэнни, до какой степени он ленивый коп.

Теперь-то Билли слышал в голосе друга куда большее отчаяние, чем тогда, на автостоянке: *«Я не хотел для себя такой жизни... но дело в том... хотел я такой жизни или нет, теперь это моя жизнь. Это все, что у меня есть. И мне нужен шанс сохранить ее»*.

Даже очень хорошие люди могут ломаться. Лэнни, возможно, был гораздо ближе к критической точке, чем предполагал Билли.

Настенные часы показывали 8:09.

Менее чем через четыре часа, независимо от выбора, который сделает Билли, кто-то умрет. Он хотел сбросить со своих плеч такую ответственность.

Лэнни обещал позвонить в половине девятого.

Билли ждать не собирался. Снял трубку с настенного телефона, набрал номер мобильного Лэнни.

После пяти гудков переключился в режим звуковой почты. Сказал:

— Это Билли. Я дома. Какого черта? Зачем ты это сделал? *Немедленно* перезвони мне.

Интуиция подсказывала ему, что нет смысла пытаться найти Лэнни через диспетчера управления шерифа. Он бы оставил след, который мог привести к непредсказуемым последствиям.

Предательство друга, если оно имело место быть, заставляло Билли вести себя с осторожностью провинившегося человека, хотя он сам и не сделал ничего предосудительного.

Наверное, было бы понятно, почувствуй он укол обиды и злости. Вместо этого его переполнило негодование до такой степени, что грудь сжало и он с трудом мог проглотить слюну.

Уничтожив записки и солгав, что не видел их, Лэнни, конечно, смог бы избежать увольнения из полиции, но Билли оказывался в крайне незавидной ситуации. Без вещественных улик он едва ли сумел бы убедить власти в том, что говорит правду и его история поможет выйти на след убийцы.

Если бы он сейчас поехал в управление шерифа или в полицию Напы, там бы могли решить, что он или жаждет дешевой популярности, или перебрал напитков, которые смешивал. А то и вообще определить в подозреваемые.

Потрясенный последней мыслью, он застыл на добрую минуту, обдумывая, возможно ли такое. *Подозреваемый в убийстве*.

Во рту у него пересохло. Язык прилип к нёбу.

Он прошел к раковине, налил стакан холодной воды. Поначалу едва смог проглотить несколько капель, потом осушил стакан тремя большими глотками.

Слишком холодная, выпитая слишком быстро, вода изгнала резкую боль из груди и смысла обратно в желудок поднимающееся к горлу его содержимое. Он поставил стакан на сушилку. Постоял, наклонившись над раковиной, пока не убедился, что его точно не вырвет.

Сполоснул потное лицо холодной водой, вымыл руки горячей.

Покружил по кухне. Присел к столу, поднялся, вновь принялся кружить по кухне.

В половине девятого стоял у телефона, хотя уже и не верил, что он зазвонит.

В 8:40 по своему сотовому позвонил на мобильник Лэнни. Ему опять предложили оставить сообщение после сигнала.

В кухне было слишком тепло. Он задыхался.

Без четверти девять Билли вышел на заднее крыльцо, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Дверь оставил широко открытой, чтобы услышать звонок.

Темно-синее на востоке, на западе небо еще подсвечивалось багряным закатом.

Окрестные леса, уже темные, становились только темнее. Если настроенный к нему враждебно наблюдатель занял бы позицию между папоротниками и филодендронами, его присутствие почувствовала бы лишь собака с острым нюхом.

Сотня лягушек, все невидимые, заквакали в сгущающейся темноте, но в кухне, за открытой дверью, царила тишина.

Возможно, Лэнни потребовалось больше времени на подготовку убедительной версии.

Конечно, его заботила не только безопасность собственного зада. Не мог он так внезапно, так быстро превратиться в эгоиста, которому наплевать на чьи-либо проблемы, кроме своих.

Он оставался копом, ленивый или нет, пребывающий в отчаянии или нет. Рано или поздно он понял бы, что не сможет так жить. Препятствуя расследованию, он способствовал появлению новых трупов.

Чернила на восточной части небосвода грозили залить все небо, но западный горизонт пока еще сиял огнем и кровью.

Глава 9

В девять вечера Билли покинул заднее крыльцо и вернулся на кухню. Закрыв и запер дверь.

Через три часа судьба примет решение, жертва будет определена, и, если убийца последует заведенному порядку, до рассвета кто-то погибнет.

Ключ от внедорожника лежал на обеденном столе. Билли взял его.

Он подумывал над тем, чтобы отправиться на поиски Лэнни Олсена. То, что ранее он принимал за негодование, на самом деле было всего лишь легким раздражением. Настоящее негодование охватило его сейчас, переполнило горечью. Он жаждал встречи лицом к лицу.

«Убереги меня от врага, которому есть что приобрести, и от друга, которому есть что потерять».

Лэнни сегодня работал днем. То есть уже сдал смену.

Скорее всего, он сидит дома. Если не дома, то мог быть лишь в считанных ресторанах, барах, домах друзей.

Чувство ответственности и тлеющая искорка надежды держали Билли на кухне, у телефонного аппарата, как пленника. Он уже не ждал звонка Лэнни. А вот убийца мог позвонить.

Тот молчун, что позвонил вчера, и был убийцей Гизель Уинслоу. Доказательствами этого Билли не располагал, но и сомнений не было.

Убийца мог позвонить и в этот вечер. Если бы Билли удалось с ним поговорить, возможно, он сумел бы чего-то добиться, что-то узнать.

Билли не рассчитывал, что такого монстра можно разговаривать. Убийца-социопат обычно в дебаты не вступал, уговорить его сохранить кому-либо жизнь не представлялось возможным.

Но даже несколько произнесенных им слов могли дать ценную информацию. Голос позволял судить об этническом происхождении, регионе проживания, образованности, приблизительном возрасте и еще о многом другом.

В случае удачи убийца мог сказать что-то и о себе. Одна зацепка, одна крошечная подробность при тщательном анализе могла обернуться очень важной информацией, с которой он мог бы идти в полицию.

Конфронтация с Лэнни Олсеном принесла бы эмоциональную удовлетворенность, но не могла выволить Билли из угла, в который загнал его убийца.

Он повесил ключ от внедорожника на гвоздик.

Вчера вечером, занервничав, он опустил жалюзи на всех окнах. Этим утром, до завтрака, поднял их на кухне. Теперь опустил вновь.

Постоял в центре кухни.

Посмотрел на телефон.

Собравшись сесть за стол, положил правую руку на спинку стула, но не отодвинул его.

Просто стоял, разглядывая полированные плитки из черного гранита.

В доме он поддерживал идеальный порядок. Вот и гранит, без единой пылинки, блестел.

Чернота под ногами вроде бы не имела материальной составляющей, он словно стоял на воздухе, высоко в ночи, без крыльев, в добрых пяти милях над землей.

Билли отодвинул стул от стола. Сел. Не прошло и полминуты, как вновь поднялся.

В сложившихся обстоятельствах Билли Уайлс понятия не имел, как ему действовать, что делать. Он не мог справиться даже с таким простым заданием, как коротание времени, хотя последние годы только этим и занимался.

Поскольку пообедать он не успел, то направился к холодильнику. Голода не испытывал. И ничего из того, что лежало на холодных полках, его не зацепило.

Он вновь посмотрел на ключ от внедорожника, висевший на гвоздике.

Подошел к телефонному аппарату, постоял, глядя на него.

Сел за стол.

«Учить нас заботиться, но не суетиться».

Какое-то время спустя Билли прошел в кабинет, где провел столько вечеров, вырезая по дереву за верстаком в углу.

Взял несколько инструментов, заготовку из белого дуба, на котором вырезал веточку с листочками. Вернулся с ними на кухню.

В кабинете был телефон, но в этот вечер Билли отдал предпочтение кухне. В кабинете был удобный диван, и Билли боялся, что не устоит перед искушением прилечь, а потом крепко заснет, и его не разбудит звонок убийцы, ничто не разбудит...

Могло такое произойти или нет, он уселся за обеденный стол с заготовкой и инструментами.

Продолжил вырезать веточку и листочки. Резец скрипел по дереву, словно по кости.

В десять минут одиннадцатого, менее чем за два часа до крайнего срока, он вдруг решил, что поедет к шерифу.

Его дом находился вне территориальных границ любого города. На него распространялась юрисдикция шерифа. Таверна располагалась в Виноградных Холмах, но городок был слишком маленький, чтобы иметь свой полицейский участок. Управление шерифа Палмера поддерживало порядок и там.

Билли сдернул ключ с гвоздика, открыл дверь, вышел на заднее крыльцо... и остановился.

«Если ты обратишься в полицию, я убью молодую мать двоих детей».

Он не хотел выбирать. Не хотел, чтобы *кто-либо* умер.

В округе Напа могли быть десятки молодых матерей с двумя детьми. Может, и сотня, две сотни, может, больше.

Даже за пять часов полиция не смогла бы составить список и предупредить всех потенциальных жертв. Пришлось бы обратиться к прессе, чтобы предупредить общественность. На это, возможно, понадобились бы дни.

А теперь, когда до крайнего срока оставалось менее двух часов, они вообще бы ничего не сделали. На допрос Билли ушло бы больше времени.

И молодая мать, очевидно выбранная киллером заранее, погибла бы.

А если бы дети проснулись, киллер убрал бы и их, как ненужных свидетелей.

Безумец не обещал убить *одну лишь* мать.

Влажный ночной воздух нес к крыльцу ароматы леса.

Билли вернулся на кухню и закрыл дверь.

Позже, вырезая один из листьев, уколол большой палец. Пластыря у него не нашлось. Впрочем, ранка была маленькая, Билли не сомневался, что она затянется сама.

Царапнув костяшку пальца, он не стал прерываться, продолжая резать дерево. Так увлекся работой, что потом не мог вспомнить, когда поранил руку в третий раз.

Будь здесь сторонний наблюдатель, он мог бы подумать, что Билли *хотел* пустить себе кровь.

Поскольку кисти пребывали в постоянном движении, на ранках не могла образоваться корочка свернувшейся крови. Поэтому белое дерево меняло цвет на красный.

В какой-то момент Билли заметил, что заготовка безнадежно испорчена. Прекратил работу, отложил резец.

Посидел, тяжело дыша, безо всякой на то причины. Наконец кровотечение прекратилось и не началось вновь, когда он вымыл руки над раковиной.

В 11:45, вытерев руки посудным полотенцем, он достал из холодильника бутылку «Гиннеса» и выпил из горла. Очень быстро.

Еще через пять минут открыл вторую бутылку. На этот раз налил пиво в стакан, чтобы пить его маленькими глоточками, потянуть время.

Встал со стаканом перед настенными часами.

Одиннадцать пятьдесят. Десять минут до контрольного срока.

И как бы ни хотелось Билли солгать себе, от правды он никуда уйти не мог. Он сделал выбор, все так. «*Выбор за тобой*». Бездействие и есть выбор.

Мать двоих детей не умрет в эту ночь, если маньяк-убийца сдержит слово, мать проспит эту ночь и увидит завтрашний рассвет.

Билли стал пособником. Он мог это отрицать, мог убежать, мог не поднимать жалюзи на окнах до конца своих дней и превратиться из затворника в отшельника, но все это не изменило бы главного: он стал пособником.

Убийца предложил ему партнерство. Он не хотел в этом участвовать. Но, как теперь выяснилось, их отношения укладывались в рамки того, что на языке экономических разделов газет называлось «недружественным поглощением».

Вторую бутылку «Гиннеса» Билли допил в полночь. Ему хотелось сразу же выпить третью. А потом и четвертую.

Он говорил себе, что ему нужна ясная голова. Спрашивал себя, а зачем, но не мог дать внятного ответа.

Свою часть работы на эту ночь он уже закончил. Сделал выбор. Теперь за дело предстояло браться безумцу.

Здесь же в эту ночь более ничего не могло случиться, разве что Билли не смог бы заснуть без пива. Может, опять взялся бы за резьбу по дереву.

Руки болели. Не от трех крошечных порезов. Просто он слишком крепко сжимал инструменты. А дубовую заготовку держал мертвой хваткой.

Не выспавшись, он не сумел бы подготовиться к следующему дню. Утром, когда придут новости о еще одном трупе, он узнает, кого обрек на смерть.

Билли поставил стакан в раковину. Необходимость в нем отпала, потому что теперь не имело значения, быстро он опорожнит очередную бутылку или медленно. Пожалуй, быстрый вариант его больше устраивал. Хотелось как можно скорее отключиться.

С третьей бутылкой Билли прошел в гостиную, сел в кресло. Выпил ее в темноте.

Эмоциональная усталость может истощать так же, как физическая. Силы покинули его.

В 1:44 его разбудил телефон. С кресла он вскочил, словно подброшенный катапультой. Пустая бутылка покатила по полу.

Надеясь услышать Лэнни, он сорвал трубку с настенного телефонного аппарата в кухне на четвертом звонке. На его «алло» ответа не последовало.

То есть звонил этот выродок. Убийца.

Билли уже знал по собственному опыту, что молчанием он ничего не добьется.

— Чего ты хочешь от меня? Почему я?

Ему не ответили.

— Я не собираюсь играть в твою игру, — продолжил Билли, но оба знали, что это ложь, поскольку он в нее уже играл.

Он бы порадовался, если бы убийца пренебрежительно рассмеялся, но ничего не слышал.

— Ты болен, ты свихнулся. — Не получив ответа, добавил: — Ты — шваль.

Он и сам понимал, что такими словами убийцу не пронять.

И действительно, выродок отвечать не стал. Просто оборвал связь.

Билли повесил трубку и осознал, что у него трясутся руки. Ладони стали влажными от пота, он вытер их о рубашку.

И тут его осенило: мысль эта должна была прийти ему в голову еще прошлой ночью, но не пришла. Он вернулся к телефонному аппарату, снял трубку, какое-то время послушал длинный гудок, потом набрал «*69», включив режим «Ответный звонок».

На другом конце провода телефон звонил, звонил, звонил, но никто не снимал трубку.

Однако на дисплее высветился знакомый Билли номер: Лэнни.

Глава 10

Залитая звездным светом, в окружении дубов, церковь стояла рядом с автострадой, в четверти мили от поворота к дому Лэнни Олсена.

Билли проехал в юго-западный угол автостоянки. Там, под кроной громадного дуба, выключил фары и заглушил двигатель.

Мощные оштукатуренные стены с декоративными башнями поднимались к оранжевой черепичной крыше. В нише колокольни стояла статуя Девы Марии с распростертыми руками, приглашая в церковь страждущее человечество.

Здесь каждый крестившийся ребенок был потенциальным святым. Здесь каждое венчание обещало счастье на всю жизнь, независимо от характера жениха и невесты.

У Билли, разумеется, было оружие.

Пусть и старое, не из недавних покупок, но надежное. Билли регулярно его чистил и хранил как положено.

Компанию револьверу составляла коробка патронов калибра 0,38 дюйма. И на патронах не было следов коррозии.

Когда Билли доставал револьвер из металлического ящика, в котором тот хранился, ему показалось, что оружие стало тяжелее. И теперь, беря револьвер с пассажирского сиденья, он мог бы сказать то же самое.

Этот конкретный «смит-и-вессон» весил всего лишь тридцать шесть унций, так что, возможно, веса револьверу добавляла его история.

Билли вышел из «Эксплорера» и запер дверцы.

По трассе проехал одинокий автомобиль. Фары осветили автостоянку в каких-то тридцати ярдах от Билли.

Дом священника находился по другую сторону церкви. Даже если бы священник страдал бессонницей, он бы не увидел и не услышал въехавшего на стоянку внедорожника.

На дорогу Билли возвращаться не стал, вышел на луг. Трава доходила до колен.

Весной здесь росло столько маков, что луг становился оранжево-красным. Теперь все они засохли под ярким солнцем.

Билли постоял, дожидаясь, пока глаза привыкнут к безлунной темноте.

Прислушался. Воздух, казалось, застыл. С автомагистрали не доносился шум проезжающих машин. В его присутствии замолкли цикады и лягушки. Он мог услышать звезды, если бы те заговорили с ним.

Убедившись, что глаза приспособились к звездному свету, Билли двинулся по чуть поднимающемуся лугу к двухполосной дороге, которая заканчивалась у дома Лэнни.

Его тревожили гремучие змеи. В такие вот теплые летние ночи они охотились на полевых мышей и зайчат. Однако до дороги он добрался неукушенный и миновал два дома, оба темные и молчаливые.

Во дворе второго дома за забором спущенная с цепи собака бегала взад-вперед, но не лаяла.

Дом Лэнни и дом с собакой во дворе разделяла треть мили. Здесь, наоборот, в каждом окне горел свет.

Во дворе Билли присел за сливовым деревом. Он видел западную стену дома, которая находилась прямо перед ним, и часть северной.

Оставалась вероятность того, что все это действительно шутка, а шутником был Лэнни.

Билли не знал наверняка, что в городе Папа убили блондинку-учительницу. Он положился на слово Лэнни.

Он не видел в газете сообщения об убийстве. Возможно, убитую обнаружили слишком поздно и материал не успел в последний выпуск. Кроме того, он редко читал газеты.

Опять же, он никогда не смотрел телевизор. Иногда слушал прогноз погоды по радио, когда ехал на автомобиле, но в основном обходился музыкой с компакт-дисков.

Художник-мультипликатор, в принципе, должен быть шутником. Но если у Лэнни и имелись задатки шутника, то они очень уж долго подавлялись. Общаться с ним было приятно, но обычно он никого не смешил.

И Билли не поставил бы свою жизнь (или даже десятицентовик), что Лэнни Олсен столь жестоко подшутил над ним.

Он вспомнил, каким потным, озабоченным, расстроенным был его друг на автомобильной стоянке у таверны вчерашним вечером. Лэнни ничего не умел скрывать. Если бы он мечтал стать актером, а не художником-мультипликатором и если бы его мать не заболела раком, в итоге он бы все равно оказался копом с отрицательными отзывами в личном деле.

Присмотревшись к дому, убедившись, что никто не наблюдает за ним из окна, Билли пересек лужайку, прошел мимо парадного крыльца, посмотрел на южную сторону дома. И там светились все окна.

Он обошел дом сзади, держась на некотором расстоянии, увидел, что дверь черного хода открыта. Полоса света, словно ковер, лежала на заднем крыльце, приглашая переступить порог кухни.

Такое откровенное приглашение предполагало наличие ловушки.

Но Билли уже не сомневался, что в доме он найдет мертвого Лэнни.

«Если ты не обратишься в полицию и они не начнут расследование, я убью неженатого мужчину, исчезновения которого мир не заметит».

На похороны Лэнни не пришли бы тысячи скорбящих, их не набралась бы и сотня, хотя некоторые заметили бы, что его нет с ними. Не весь мир, но некоторые.

Когда Билли делал свой выбор, сохраняя жизнь матери двоих детей, он понятия не имел, что выносит смертный приговор Лэнни.

Если бы знал, возможно, принял прямо противоположное решение. Обречь на смерть друга куда труднее, чем безымянного незнакомца. Даже если незнакомец этот, точнее, незнакомка — мать двоих детей.

Ему не хотелось об этом думать.

В конце двора находился пень, оставшийся от давно срубленного дуба. Диаметр четыре фута, высотой — два.

С восточной стороны в пне было дупло, в дупле лежал пластиковый пакет с запасным ключом.

Взяв ключ, Билли осторожно обошел дом, вернувшись к сливовому дереву. Вновь оглядел фасад. Лампы никто не выключил. В окнах не мелькали лица. Нигде не шевелились портьеры.

Какая-то его часть хотела позвонить по номеру 911, вызвать подмогу, рассказать обо

всем. Но он подозревал, что это будет поспешным и непродуманным решением.

Билли не понимал правил этой странной игры, не знал, что убийца полагает *выигрышем*. Может, этот выродок просто хотел подставить невинного бармена, повесить на него два убийства.

Билли уже побывал в шкуре подозреваемого. Подобные ощущения изменили его. Существенно.

И повторения пройденного ему никак не хотелось. В тот раз он потерял слишком большую часть себя.

Билли вышел из-за сливового дерева. Не торопясь поднялся на переднее крыльцо, прямоком направился к двери.

Ключ сработал. Замок не заскрежетал, петли не заскрипели, дверь открылась без единого звука.

Глава 11

В викторианском доме было викторианское фойе с темным деревянным полом. Обшитый деревянными панелями коридор вел в глубину дома, лестница — на второй этаж.

На стене, приклеенный скотчем, висел лист бумаги с нарисованной на нем кистью руки. Вроде бы Микки-Мауса: толстый большой палец, еще три пальца, запястье.

Два пальца прижимались к ладони. Большой и указательный образовывали револьвер со взведенным курком, нацеленный на ступени.

Билли послание понял, все так, но предпочел на какое-то время проигнорировать.

Дверь оставил открытой, на случай, если ретироваться придется быстро.

Держа револьвер дулом к потолку, прошел через арку в левой части фойе. Гостиная выглядела точно так же, как при жизни миссис Олсен, десятью годами раньше. Лэнни ею практически не пользовался.

То же самое относилось и к столовой. Лэнни ел главным образом на кухне или в кабинете перед телевизором.

В коридоре, на другом листе бумаги, приклеенном скотчем к стене, вторая рука целилась в сторону фойе и лестницы.

Хотя телевизор в кабинете не работал, языки пламени мерцали в газовом камине, а под псевдозолой светились псевдоугли.

В кухне на столе стояла бутылка «Бакарди», двухлитровая пластиковая бутылка «Кока-колы», ведро со льдом. На тарелке лежал нож с зазубренным лезвием, лайм, три отрезанных от него кружка.

За тарелкой стоял высокий запотевший стакан, до середины наполненный темной жидкостью. В стакане плавал кружок лайма и несколько наполовину растаявших кубиков льда.

Выкрыв первую записку с кухни Билли и уничтожив ее вместе со второй, чтобы спасти свою работу и надежду на пенсию, Лэнни пытался заглушить чувство вины ромом с «кокой».

Если бутылки «Кока-колы» и «Бакарди» были полными, когда он взялся за сей труд, то пройденного пути вполне хватило для того, чтобы пары алкоголя до утра затуманили память и заглушили совесть.

Дверь в кладовую была закрыта. И хотя Билли сомневался, что выродок затаился среди полок с консервами, ему не хотелось поворачиваться к закрытой двери спиной, не выяснив, что за ней находится.

Прижимая правую руку к боку, выставив перед собой револьвер, левой он резко повернул ручку и рванул дверь на себя. В кладовой его никто не ждал.

Из ящика столика у раковины Билли достал чистое посудное полотенце. После того как тщательно протер и ручку ящика, и ручку двери в кладовую, засунул один конец полотенца за пояс и оставил висеть как тряпку, которой обычно протирали стойку.

На столике около плиты лежал бумажник Лэнни, ключи от автомобиля, карманная мелочь и мобильник. А также табельный пистолет калибра 9 мм с кобурой «Уилсон комбат», в которой он носил оружие.

Билли взял телефон, включил, нашел в меню голосовую почту. Единственное сообщение он сам и отправил:

«Это Билли. Я дома. Какого черта? Зачем ты это сделал? Немедленно перезвони мне».

Прослушав собственный голос, он стер сообщение.

Может, и допустил ошибку, но не видел другого способа доказать свою невиновность. Поскольку сообщение указывало на то, что он рассчитывал увидеться с Лэнни прошедшим вечером и злился на него.

Злость превращала его в подозреваемого.

Он размышлял об оставленном на мобильнике Лэнни сообщении, пока ехал к автостоянке у церкви и шел по лугу к дороге, ведущей к дому Лэнни. Решил, что лучше всего сообщение стереть, если уж он найдет на втором этаже то, что ожидал найти.

Он выключил мобильник и посудным полотенцем стер все отпечатки пальцев. Положил на столик, откуда и брал.

Если бы кто-то наблюдал сейчас за Билли, то решил бы, что тот предельно спокоен и хладнокровен. На самом же деле его мучило от ужаса и тревоги.

Наблюдатель мог бы прийти к выводу, что Билли, уделяющий такое внимание мелочам, приходилось не раз и не два замечать следы после совершения преступлений. Это было не так, но собственный печальный опыт научил его осмотрительности. Так что Билли прекрасно понимал, какую опасность представляют собой косвенные улики.

Часом раньше, в 1:44, убийца позвонил Билли из этого дома. И телефонная компания зафиксировала этот короткий звонок.

Возможно, полиция сочтет этот факт доказательством того, что Билли не мог быть здесь во время убийства.

С другой стороны, они могли предположить, что Билли сам и позвонил своему сообщнику, который находился в его доме, с тем чтобы доказать, что в момент убийства он был совсем в другом месте.

Копы всегда подозревали худшее. Их научил этому жизненный опыт.

В данный момент он не мог придумать, что можно сделать с архивами телефонной компании. И выбросил эту проблему из головы.

Внимания требовали более сложные вопросы. Скажем, поиск трупа, если он таки был.

Билли не думал, что стоит тратить время на розыск двух записок убийцы. Если бы они еще существовали, он бы, вероятнее всего, нашел их на том самом столе, за которым Лэнни пил ром с «кокой», или на столике, где лежали его бумажник, карманная мелочь и сотовый телефон.

Горящий газовый камин в теплую летнюю ночь приводил к логичному заключению о судьбе записок.

На боковой стенке одного из кухонных шкафчиков висел еще один лист с изображением руки-револьвера. На этом листе палец-ствол указывал на вращающуюся дверь и уходящий к фойе коридор.

Билли уже хотел двинуться в том направлении, но внезапно накатившая волна страха остановила его.

Обладание оружием и готовность пустить его в ход не прибавили ему храбрости. Он не рассчитывал на встречу с вырождаком. В определенном смысле, убийца был не так страшен, как то, что он ожидал найти.

Бутылка рома манила к себе. Три выпитые бутылки «Гиннеса» никак не давали о себе знать. Сердце большую часть часа стучало, как паровой молот, обмен веществ ускорился, так что алкоголь в основном уже вышел из организма.

Для человека, практически не пьющего, в последнее время ему слишком часто приходилось напоминать себе, что внутри его живет алкоголик, который рвется заполучить

контроль над телом.

Столь нужную смелость дал ему другой страх: если он не пойдет в выбранном направлении, то эта партия останется за вырожденком.

Он покинул кухню и зашагал к фойе. По крайней мере, лестница не куталась в темноту. Свет горел и в фойе, и на лестничной площадке, и в коридоре второго этажа.

Поднимаясь, он не стал выкликать имя Лэнни. Знал, что ответа не получит, и сомневался, что сможет издать хоть один звук.

Глава 12

Второй этаж занимали три спальни, ванная и чулан. Четыре из пяти дверей были открыты.

С обеих сторон двери в главную спальню висели листы с такой же рукой-револьвером на каждом. Пальцы-стволы, понятное дело, указывали на открытую дверь.

Недовольный тем, что его ведут, думая о животных на бойне, Билли оставил главную спальню напоследок. Сначала проверил ванную, дверь которой выходила в коридор. Потом чулан и две другие спальни, в одной из них Лэнни держал стол для игры в покер.

После того как необследованной осталась только одна комната, Билли застыл в коридоре и прислушался. Тишина, ни единого звука.

Что-то застряло у него в горле, и проглотить это «что-то» никак не удавалось. Не мог проглотить, потому что ничего материального в горле не было, как и кусочек льда не сползал вниз по спине к пояснице.

Он вошел в главную спальню, где горели две лампы на прикроватных столиках.

Обои с розами, которые выбирала еще мать Лэнни, оставались на стенах и теперь, через несколько лет после того, как Лэнни перебрался сюда из своей старой комнаты. Со временем розы потемнели, цветом стали напоминать чайные пятна.

На кровати лежало любимое покрывало Перл Олсен: большая роза по центру, орнамент из маленьких роз по периметру.

В периоды ее болезни, после курсов химио— и радиационной терапии, Билли часто сидел в этой комнате. Иногда разговаривал с ней или наблюдал, как миссис Олсен спит. Бывало, читал ей вслух.

Она обожала приключенческие истории, действие которых разворачивалось на экзотическом фоне: об индийских раджах, о гейшах и самураях, о китайских военачальниках, пиратах Карибского моря.

Перл умерла, а теперь та же участь постигла и Лэнни. В полицейской форме, он сидел в кресле, положив ноги на подставку, но мертвый.

Пулю пустили ему в лоб.

Билли не хотелось это видеть. Он боялся, что образ этот врежется ему в память. Он хотел уйти.

Однако понимал, что бегство — не вариант. Никогда им не было, ни двадцать лет тому назад, ни теперь, ни в промежутке между этими датами. Быстрота ног спасти его не могла. Эта быстрота никогда не спасала лисицу. Чтобы убежать от собак и охотников, лисице требовались хитрость и решимость рискнуть.

Билли не чувствовал себя лисом. Скорее зайцем, но не собиравшим бежать, уподобляясь трусохвосту.

Отсутствие крови на лице указывало на то, что смерть была мгновенной и пуля разнесла затылок.

Однако ни кровавых пятен, ни ошметков мозга на обоях за креслом не было, Лэнни убили не в кресле, в котором он сейчас сидел, вообще не в этой комнате.

Поскольку в доме Билли нигде крови не видел, получалось, что его друга убили снаружи.

Возможно, Лэнни поднялся из-за кухонного стола, оторвался от рома и «колы», вышел за дверь, чтобы подышать свежим воздухом. Или сообразил, что может не попасть в унитаз, и решил похвалиться харчишками во дворе.

Выродок, должно быть, воспользовался полотнищем из пластика или чем-то еще, чтобы протаскать труп по дому, не оставив кровавого следа.

Даже если природа и не обидела убийцу силой, переправить труп со двора в главную спальню, учитывая лестницу, было делом нелегким. Нелегким и вроде бы ненужным.

Однако убийца затащил труп в спальню, следовательно, на то была важная для него причина.

Оба широко открытых глаза Лэнни чуть вылезали из орбит. Левый немного ушел в сторону, словно Лэнни при жизни косил.

Давление. В тот момент, когда пуля пролетала сквозь мозг, внутричерепное давление возросло, прежде чем упасть после того, как пуля разнесла затылок.

На коленях Лэнни лежала закрытая книга, издание книжного клуба, меньших размеров и более дешевое, чем издание того же романа, экземпляры которого продавались в книжных магазинах. По край ней мере две сотни подобных книг стояли на полках у одной стены спальни.

Билли видел название, фамилию автора, иллюстрацию на обложке. Роман был о поиске сокровищ и истинной любви в южной части Тихого океана.

Давным-давно он читал этот роман Перл Олсен. Ей он понравился, но, с другой стороны, ей нравились все такие романы.

Правая рука Лэнни покоилась на книге. Из нее торчал уголок фотографии, ею Лэнни вроде бы заложил страницу, на которой остановился.

Все это устроил социопат. «Живая картина» то ли имела для него некое значение, то ли служила посланием: головоломкой, загадкой.

Прежде чем порушить эту «живую картину», Билли внимательно ее изучил. Но ничего особенного не увидел, не понял, что именно могло побудить киллера приложить столько усилий для ее создания.

Билли скорбел по Лэнни, но куда сильнее ненавидел Лэнни за то, что тот не мог сохранить достоинства даже в смерти. Выродок проволока его по всему дому и усадил в кресло, как манекен, словно и существовал Лэнни лишь для того, чтобы стать игрушкой в руках этого подонка.

Лэнни предал Билли, но теперь это не имело никакого значения. На краю Тьмы, над Бездной, об этом не стоило и вспоминать. Билли полагал, что лучше сохранить в памяти куда более приятные моменты, когда они были друзьями и радовались жизни.

И если в последний день жизни Лэнни у них возникло непонимание, то теперь они снова стали одной командой, и противник у них был один.

Билли показалось, что из коридора донесся шум.

Без малейшего колебания, ухватив револьвер обеими руками, он вышел из спальни, направив оружие сначала направо, потом налево. Никого.

Двери в ванную, обе спальни и чулан были закрыты, такими он их и оставил.

Заглядывать в них по новой желания у него не было. Он не мог сказать, что это был за шум, может, дом скрипнул под собственным весом, но точно знал, что это не было звуком открываемой или закрываемой двери.

Билли вытер о рубашку влажную ладонь левой руки, перекинул в нее револьвер, вытер ладонь правой, вернул в нее оружие и двинулся к лестнице.

С первого этажа, из открытой двери доносились лишь обычные звуки теплой летней ночи.

Глава 13

Стоя на верхней лестничной площадке, прислушиваясь, Билли почувствовал, как боль запульсировала в висках. И тут же понял, что зубы его сжаты сильнее, чем щеки тисков.

Он попытался расслабиться, начал дышать через рот. Покачал головой из стороны в сторону, чтобы размять закаменевшие мышцы шеи.

Стресс мог пойти на пользу, только если повышал концентрацию и бдительность. Страх мог парализовать, а мог и обострить инстинкт выживания.

Билли вернулся в главную спальню.

Подходя к двери, внезапно подумал, что и тело, и книга за время его отсутствия исчезли. Но Лэнни по-прежнему сидел в кресле.

Из коробки с бумажными салфетками, которая стояла на одном из прикроватных столиков, Билли достал несколько штук. Используя их вместо перчатки, сдвинул руку мертвеца с книги.

Оставив ее на коленях трупа, раскрыл на заложенных фотографией страницы.

Ожидал увидеть подчеркнутые предложения или абзацы: еще одно послание. Но никаких пометок в тексте не было.

Все так же используя бумажную салфетку вместо перчатки, поднял фотографию, моментальный снимок.

Женщина была молода, светловолоса, красива.

По фотографии не было никакой возможности понять ее профессию, но Билли знал, что она была учительницей.

Убийца, должно быть, нашел эту фотографию у нее в доме, в Напе. А до того или после того, как нашел, превратил это красивое лицо в кровавое месиво.

Несомненно, выронок положил фотографию в книгу, чтобы у полиции не осталось сомнений в том, что оба убийства совершил один человек. Он похвалялся. Хотел, чтобы все знали о его достижениях.

«Единственная мудрость, которую мы можем надеяться приобрести, — это мудрость человечности».

Выродок не выучил этого урока. Возможно, эта «двойка» и приведет к его падению.

Если сердце и может разбиться из-за гибели незнакомого человека, то фотография молодой женщины смогла бы разбить сердце Билли, если бы он слишком долго смотрел на нее. Поэтому он вернул фотографию в книгу и закрыл пожелтевшие страницы.

Вернув руку покойника на книгу, Билли скомкал салфетки в кулаке. Прошел в ванную, которая примыкала к главной спальне, нажал бумажным комком на кнопку спуска воды, бросил комок в сливающуюся по стенкам унитаза воду.

Вернувшись в спальню, постоял у кресла, не зная, что предпринять.

Лэнни не заслуживал, чтобы его оставили здесь одного, не вызывая священника и стражей охраны правопорядка. Он был другом, пусть и не близким. Кроме того, он был сыном Перл Олсен, а это тоже многое значило.

И, однако, звонок в управление шерифа, даже анонимный, стал бы ошибкой. Они могли бы любопытствовать, почему отсюда звонили в дом Билли чуть ли не сразу после убийства, а он все еще не решил, что им ответить.

И что-то еще, о чем он даже не знал, могло бросить на него тень подозрения. Косвенные улики.

Возможно, итоговая цель выродка состояла в том, чтобы повесить на Билли эти убийства и другие, еще не совершенные.

Соответственно, только этот выродок и знал, что для него станет победой. Сорвать банк, взять в плен короля, принести победное очко, вот что могло означать для него осуждение Билли на пожизненный срок. При этом выродок не только оставался безнаказанным, но и мог похихикать над объектом своей шутки.

Прекрасно понимая, что он даже не представляет себе форму и размеры игрового поля. Билли не хотел бы попасть на допрос к шерифу Джону Палмеру.

Ему требовалось время, чтобы подумать. Как минимум несколько часов. Скажем, до

рассвета.

— Очень сожалею, — извинился он перед Лэнни.

Выключил лампу на одном прикроватном столике, потом на втором.

Если дом светился в ночи, как праздничный торт с сотней свечек, кто-то мог это заметить. И удивиться. Все знали, что Лэнни Олсен рано ложился спать.

Дом стоял в конце тупиковой дороги. Сюда приезжали только те, кто хотел повидаться с Лэнни, и едва ли кто навестил бы его в ближайшие восемь или десять часов.

В полночь вторник уступил место среде. Среда и четверг были у Лэнни выходными. На службе его могли хватиться только в пятницу.

Тем не менее Билли вновь заглянул во все комнаты второго этажа и везде выключил свет.

То же самое сделал и с коридорными светильниками и спустился по лестнице, время от времени подозрительно оглядываясь на темноту за спиной.

В кухне закрыл дверь на заднее крыльцо и запер ее.

Запасной ключ Лэнни он намеревался взять с собой.

Затем прошелся по всему первому этажу, выключил как свет, так и газовый камин, к выключателям прикасался не пальцем, а стволом револьвера.

Выйдя на переднее крыльцо, запер за собой дверь, вытер ручку.

Спускаясь по ступеням, почувствовал, что за ним наблюдают. Оглядел лужайку, деревья, оглянулся на дом.

Окна темные, ночь темная, и Билли уходил из темноты, ограниченной стенами, в открытую темноту под черным небом, в котором то ли плавали, то ли дрожали звезды.

Глава 14

Быстрым шагом он спускался вниз по обочине дороги, готовый метнуться в лес при появлении фар приближающегося автомобиля.

Оглядывался он часто. Но, насколько мог заметить, вроде бы никто его не преследовал.

Впрочем, безлунная ночь благоволила к преследователю. С другой стороны, она благоволила и к Билли, он понимал, что лунный свет выставил бы его напоказ всем и вся.

Около дома с забором по грудь едва различимая во тьме собака снова принялась носиться взад-вперед. Она отчаянно скулила, умоляя Билли обратить на нее внимание.

Он сочувствовал животному и понимал его состояние. Однако не было у него ни одной минутки, чтобы остановиться и попытаться успокоить собаку.

А кроме того, проявление дружеских чувств могло вылиться в укус. Как ни крути, каждая улыбка обнажает зубы.

Поэтому он продолжал шагать по обочине узкой дороги и оглядываться, крепко сжимая в правой руке револьвер, а потом свернул на луг, где к прежним добавился еще один страх: как бы не укусила змея.

Один вопрос занимал его больше остальных: он знает убийцу или имеет дело с совершенным незнакомцем?

Если этот выродок вошел в жизнь Билли задолго до появления первой записки, просто этот тайный социопат более не мог сдерживать желания убивать, тогда он, пусть и не без труда, сможет идентифицировать этого подонка. Анализ взаимоотношений и поиск в памяти чего-либо аномального могли дать желаемый результат. Дедуктивная логика на пару с воображением могли нарисовать лицо, найти мотив.

Если же выродок был незнакомцем, который совершенно случайно выбрал Билли, чтобы поглумиться над ним, а потом уничтожить, поиск его значительно усложнялся. Представить себе лицо, которое никогда не видел, найти мотив, который мог быть любым... шансы на успех не слишком отличались от нулевых.

Не так уж и давно в истории мира рутинное, каждодневное насилие (оставим в стороне

войны между государствами) определялось личными причинами. Зависть, оскорбление чести, прелюбодеяние, споры из-за денег — вот что приводило к убийствам.

В современном мире, больше в постсовременном, главным образом в постпостсовременном, бытовое насилие стало обезличенным. Террористы, уличные банды, одиночки-социопаты, социопаты, объединившиеся в группы, убивали незнакомых людей, лично к которым у них не было никаких претензий, убивали ради того, чтобы привлечь внимание, сделать заявление, напугать, даже просто из-за острых ощущений.

Этот выродок, знакомый или незнакомый Билли, был страшным противником. Судя по его действиям, смелым, но не безрассудным, сохраняющим полный контроль над своими поступками, умным, хитрым, изворотливым.

В противоположность ему Билли Уайлс всегда старался жить просто и идти по прямой. Не плел паутины, чтобы кого-либо в нее заманить. И желания у него были самые незамысловатые. Надеялся просто жить и жил благодаря надежде.

Шагая по высокой траве, которая заговорщицки о чем-то шептала, касаясь его брюк, он ощущал себя скорее полевой мышью, чем совой с острым клювом.

Впереди стоял дуб с огромной раскидистой кроной. Когда Билли вошел под нее, на ветвях зашевелилась невидимая живность, но обошлось без хлопанья крыльев.

Позади «Эксплорера» высилась церковь, напоминающая огромное ледяное, чуть фосфоресцирующее сооружение.

Подходя к «Эксплореру», он открыл центральный замок, нажав кнопку на брелке дистанционного управления. Внедорожник дважды пикнул и мигнул подфарниками.

Билли сел за руль, захлопнул дверцу, запер ее. Револьвер положил на пассажирское сиденье.

Когда попытался вставить ключ в замок зажигания, что-то ему помешало. К рулевой колонке скотчем прикрепили сложенный листок бумаги.

Записка.

Третья записка.

Должно быть, убийца занял позицию на автостраде, наблюдая за поворотом к дому Лэнни Олсена, чтобы увидеть, проглотил ли Билли приманку. Должно быть, заметил, как «Эксплорер» свернул на стоянку у церкви.

Внедорожник он запер. Выродок мог проникнуть в кабину, разбив стекло, но все стекла были целыми. И система сигнализации не сработала.

До этого Билли все понимал ясно и отчетливо. Теперь же появление третьей записки в кабине надежно запертого внедорожника, казалось, забросило его из реального в какой-то фантастический мир.

Вне себя от ужаса, Билли отлепил записку от рулевой колонки.

Развернул листок.

Свет в кабине, включившийся автоматически, как только он открыл дверцу, еще не погас, потому что в современных моделях конструкторы придумали так называемый «свет любезности»: после закрытия дверцы лампочка гасла не сразу, а через какое-то время. Так что короткую записку, один вопрос, прочитать Билли успел:

«Ты готов к своей первой ране?»

Глава 15

«Ты готов к своей первой ране?»

Словно эйнштейновский переключатель перевел время в замедленный режим: записка выскользнула из пальцев и, как перышко, спланировала ему на колени. Свет погас.

Охваченный ужасом, потянувшись правой рукой к револьверу на пассажирском сиденье, Билли одновременно повернулся направо, с намерением посмотреть через плечо на заднее сиденье.

Места за спинкой переднего сиденья было немного, наверное, мужчина не смог бы там спрятаться, но в «Эксплорер» Билли забирался торопливо, не подумав о том, что в кабине его может поджидать сюрприз.

Рука его искала револьвер, пальцы уже взялись за рифленую рукоятку, и тут безопасное стекло[10] окна в водительской дверце взорвалось.

Лавиной крошек обрушилось ему на грудь и бедра, револьвер выскользнул из пальцев и упал на пол.

Стеклянные крошки еще падали, Билли не успел повернуть голову к окну, когда выродок сунул руку в кабину, ухватился за волосы на макушке, крутанул их и сильно дернул к себе.

Зажатый между рулем и консолью, не имея возможности перебраться на пассажирское сиденье и достать с пола револьвер, Билли ухватился за руку, которая безжалостно рвала его волосы, попытался вцепиться в нее, но кожу надежно защищала перчатка.

Выродок был сильным, злобным, безжалостным.

Волосы Билли, должно быть, уже отрывались от корней. Боль убивала. Перед глазами все плыло.

Убийца хотел вытащить его из кабины головой вперед через разбитое стекло.

Затылок Билли с силой ударился о дверцу. После еще одного рывка с губ сорвался хриплый крик.

Левой рукой он схватился за рулевое колесо, правой — за подголовник водительского сиденья, сопротивляясь изо всех сил. Ему оставалось лишь надеяться, что выродок вырвет волосы и он обретет свободу.

Но волосы не вырывались, свободы он не обрел и тогда подумал о клаксоне. Если бы он нажал на него, то раздался бы громкий автомобильный гудок, пришла бы помощь, выродок бы убежал.

Но тут же Билли осознал, что автомобильный гудок услышит только священник, а если он поспешит на автостоянку, то убийца не убежит. Нет, он пристрелит священника точно так же, как пристрелил Лэнни.

Минуло, возможно, десять секунд с того момента, как разлетелось окно водительской дверцы, и затылок Билли неумолимо втягивался в образовавшуюся дыру.

Боль, и без того сильная, нарастала. Казалось, корни волос проросли сквозь кожу и мышцы лица, потому что болело все лицо, его жгло, будто огнем. Болели также плечи и руки, но уже от напряжения.

Вот холодной дверцы коснулась и шея. Крошка, в которую превратилось стекло, царапала кожу.

Теперь голову загибали вниз. Как быстро нож может перерезать подставленное под удар горло? Много ли еще нужно, чтобы переломился позвоночник?

Он отпустил рулевое колесо, сунул руку под спину в поисках дверной ручки.

Если бы он сумел открыть дверцу и толкнуть с достаточной силой, нападавший мог бы потерять равновесие, отпустить его волосы или хотя бы ослабить хватку.

Чтобы достать до ручки (скользкой в потных пальцах), ему пришлось завести руку назад и так вывернуть кисть, что не осталось сил для того, чтобы ручку повернуть.

Словно угадав намерения Билли, выродок навалился телом на дверцу.

Голова Билли уже находилась вне кабины, и внезапно над ним появилось лицо, аккуратно над его лицом. Лицо-фантом, укрытое колпаком.

Билли моргнул, чтобы получше разглядеть нападавшего.

Никакого колпака, темная, натянутая на лицо лыжная вязаная шапочка с прорезями для глаз.

Даже при слабом звездном свете Билли увидел, как яростно сверкали в прорезях глаза выродка.

На нижнюю часть лица Билли, от носа и ниже, чем-то прыснули, мокрым, холодным, горьковатым и при этом со сладким, медицинским запахом.

От неожиданности он вдохнул, попытался задержать дыхание, но первого и единственного вдоха вполне хватило. Едкие пары жгли ноздри. Рот наполнился слюной. Лицо в маске надвинулось на него, словно темная луна.

Глава 16

Действие анестезирующего средства сошло на нет, боль медленно, но верно привела Билли в чувство.

По вкусу во рту складывалось впечатление, что он выпил кленового сиропа, а потом запил его отбеливателем. Сладкое и горькое. Сама жизнь.

Какое-то время он не понимал, где находится. Его это и не волновало. Вырванному из моря оцепенения, ему хотелось незамедлительно нырнуть обратно.

Но постепенно безжалостная боль заставила его окончательно вернуться в реальность, не закрывать глаза на происходящее, проанализировать сложившуюся ситуацию, прикинуть, что к чему. Он лежал на спине на твердой поверхности — асфальте автомобильной стоянки у церкви.

До него долетали слабые запахи дегтя, масла, бензина, листьев дуба, раскинувшего над ним свою крону. Кислый запах собственного пота.

Облизав губы, он ощутил вкус крови.

Коснувшись рукой лица, обнаружил, что оно покрыто чем-то липким, скорее всего смесью пота и крови. В темноте Билли не видел, что осталось на руке после этого прикосновения.

Источник боли находился в верхней половине головы. Поначалу он предположил, что болит макушка, откуда волосы едва не вырвали с корнем.

Однако место, от которого по всей голове и телу расходились импульсы боли, находилось не на макушке, где его волосы так жестоко проверили на прочность, а ниже, на лбу.

Когда он поднял руку и осторожно проверил, где и что болит, его пальцы наткнулись на что-то твердое, металлическое, торчащее из лба на дюйм ниже линии волос. И хотя прикосновение было очень осторожным, оно вызвало столь резкую боль, что Билли вскрикнул.

«Ты готов к своей первой ране?»

Он оставил обследование раны на потом, когда появится возможность ее увидеть.

Рана не могла быть смертельной. Выродок не собирался его убивать, хотел только причинить боль, может, запугать.

Уважение Билли к противнику, пусть и против воли, возросло до такой степени, что он уже видел в нем человека, не допускающего ошибок, во всяком случае, серьезных.

Билли сел. Боль прокатилась по всему лбу. Прокатилась второй раз, когда он поднялся на ноги.

Постоял, покачиваясь, оглядывая автомобильную стоянку. Его врага и след простыл.

Высоко в небе сияли звезды, белел конвекционный след самолета, летящего на запад. Возможно, военно-транспортного, направляющегося в зону боевых действий. Другую зону боевых действий, отличную от той, что находилась здесь, внизу.

Он открыл водительскую дверцу «Эксплорера».

Сиденье засыпала стеклянная крошка. Из коробки на консоли он достал бумажную салфетку и смахнул крошки на пол и на асфальт автомобильной стоянки.

Поискал записку, которую прилепили скотчем к рулевой колонке. Вероятно, убийца забрал ее с собой.

Ключ зажигания нашел под педалью тормоза. С пола у пассажирского сиденья поднял револьвер.

Ему оставили оружие для следующих этапов игры. Выродок его не боялся.

Жидкость, которой прыснули Билли в лицо (хлороформ или другой анестетик), продолжала оказывать положенное ей действие. Когда он наклонялся, у него кружилась голова.

Билли включил кондиционер, направил в лицо воздух, идущий из двух вентиляционных решеток.

Едва он избавился от головокружения, свет в кабине автоматически погас. Билли снова его включил.

Повернул зеркало заднего обзора так, чтобы посмотреть на свое лицо. Выглядел он как разрисованный дьявол: кожа красная, но зубы белые; краснота темная, белизна неестественно яркая.

Когда чуть повернул зеркало, увидел источник боли.

Не сразу поверил увиденному. Предпочел подумать, что головокружение, вызванное анестетиком, привело к галлюцинации.

Закрыв глаза, несколько раз глубоко вдохнул. Постарался стереть из памяти увиденное в зеркале в надежде, что, открыв глаза, увидит совсем другое.

Ничего не изменилось. Ему в лоб, в дюйме от линии волос, вонзили в кожу три больших рыболовных крючка.

Острые и зубец каждого крючка торчали из кожи. Хвостовик — тоже. А изогнутая часть находилась во лбу.

По телу Билли пробежала дрожь, он отвернулся от зеркала.

Бывают дни сомнения, чаще это ночи, проводимые в одиночестве, когда даже у благочестивых возникает неуверенность в том, ждет ли их более великое царство, чем то, что есть на земле, и познают ли они милосердие... или они всего лишь животные, как и все остальные живые создания, и впереди нет ничего, кроме ветра и темноты.

Такой стала эта ночь для Билли. Он знал и другие, подобные этой. Но всегда сомнение уходило. Он говорил себе, что уйдет и это, хотя на сей раз оно было слишком уж сильным и вроде бы никуда уходить не собиралось.

Выродок поначалу казался игроком, для которого убийство — спорт. Но рыболовные крючки во лбу не являлись одним из ходов в игре; и это не было игрой.

Для выродка эти убийства значили нечто большее, чем просто убийство, и нечто большее, чем партия в шахматы или покер. Убийство имело для него символическое значение, и убивал он с более серьезной целью, чем просто получить удовольствие, поразвлечься. Нет, цель у него была более загадочная, чем убийство само по себе, ради этой цели он стремился к совершенству.

Если действия убийцы не характеризовались термином «игра», тогда Билли следовало подобрать правильный термин. Не определившись с термином, он не смог бы сначала понять убийцу, а потом и найти.

Бумажной салфеткой он осторожно стер кровь с бровей, век, ресниц.

От одного только вида крючков у него прояснилось в голове. Туман анестетика более не окутывал мозги.

Ранами следовало заняться в первую очередь. Билли включил фары и выехал с автостоянки.

Какую бы цель ни преследовал выродок, что бы ни символизировали крючки, он, должно быть, рассчитывал, что Билли поедет к врачу. Врач пожелал бы узнать, откуда появились крючки, и любая версия осложнила бы положение Билли.

Сказав правду, он связал бы себя с убийствами Гизель Уинслоу и Лэнни Олсена. И стал бы главным подозреваемым.

Без трех записок он не мог доказать существование выродка.

Власти не признали бы крючки вещественным доказательством, скорее предположили бы, что имеют дело с членовредительством. Убийцы иногда наносили себе раны с тем, чтобы выдать себя за жертву и отвести подозрения.

Он знал, с каким цинизмом некоторые копы смотрели бы на его странные, но, в общем-

то, поверхностные раны. Знал это очень даже хорошо.

Более того, Билли был заядлым рыбаком. Ловил и форель, и окуня. Крючки такого размера использовались для ловли окуня на живую приманку. Дома у него лежали точно такие же.

Он не решился поехать к врачу. Не оставалось ничего другого, как самому извлечь крючки из лба.

В половине четвертого утра местные дороги принадлежали ему. Ночь выдалась тихая, внедорожник сам создавал ветер, порывы которого иногда врывались в разбитое окно. В свете галогеновых фар виноградники на равнинных участках, виноградники на пологих склонах, заросшие лесом вершины оставались знакомыми для глаза, но с каждой милей становились все более чужими для сердца, словно находился он в незнакомой ему стране.

Часть вторая ТЫ ГОТОВ К СВОЕЙ ВТОРОЙ РАНЕ?

Глава 17

В феврале, после удаления зуба, Билли получил от своего дантиста рецепт на «Викодин», болеутоляющее средство. Из десяти таблеток использовал только две.

В инструкции указывалось, что лекарство следует принимать во время еды. В этот день он так и не пообедал и по-прежнему не чувствовал голода.

Однако слишком многое зависело от эффективности действия препарата. Из холодильника он достал остатки лазаньи собственного приготовления.

Хотя кровь в ранках свернулась и кровотечение прекратилось, боль оставалась нестерпимой и мешала связно мыслить. Он даже не стал ждать минуту-другую, необходимые для того, чтобы разогреть еду в микроволновке. Поставил холодную лазанью на стол. В инструкции указывалось, что препарат не следует сочетать с напитками, содержащими алкоголь. На это предупреждение Билли решил наплевать. В ближайшие часы он не собирался вести автомобиль или управлять тяжелой техникой.

Он проглотил таблетку, поел лазанью, запил и первое, и второе пивом «Элефант» голландского производства, с более высоким, по заверениям производителя, содержанием алкоголя, чем другие сорта пива.

За едой он думал о мертвой учительнице, о Лэнни, сидящем в кресле в собственной спальне, о том, что теперь предпримет убийца.

Такие мысли не повышали аппетит, не улучшали пищеварение. Учительнице и Лэнни он уже ничем не мог помочь, как не мог предугадать и следующий ход выродка.

Поэтому он переключился на Барбару Мандель, главным образом на ту Барбару, какой она была раньше, а не теперь, в «Шепчущихся соснах». Понятное дело, эти воспоминания плавно перетекли в настоящее, и он начал волноваться о том, что с ней будет в случае его смерти.

Вспомнил о маленьком квадратном конверте, оставленном ее лечащим врачом. Вытащил из кармана, вскрыл.

На квадрате плотной бумаги кремового цвета с шапкой «ДОКТОР ДЖОРДАН ФЕРРЬЕР» прочитал несколько строк, написанных твердым, аккуратным почерком: *«Дорогой Билли! Когда вы начинаете посещать Барбару вне моих рабочих часов, я знаю, что прошло полгода, и нам вновь нужно встретиться, чтобы обсудить состояние Барбары. Пожалуйста, позвоните моему секретарю и договоритесь о времени».*

Капельки конденсата покрывали вторую бутылку «Элефанта». Письмо доктора Феррьера он использовал как подставку, чтобы уберечь стол.

— Почему бы вам не позвонить в мой офис и не договориться о времени? — спросил он бутылку.

Он съел только половину лазаньи и, хотя аппетит по-прежнему не прорезался, доел все, отправляя куски лазаньи в рот и энергично ее пережевывая, словно процесс потребления пищи мог утолить злость с той же легкостью, что и голод.

Тем временем боль во лбу заметно уменьшилась.

Он пошел в гараж, где хранились рыболовные снасти. Из «Набора рыболова» взял заостренные щипцы для перекусывания проволоки.

Вернувшись в дом, запер дверь черного хода и поднялся в ванную, где всмотрелся в свое отражение в зеркале. Кровяная маска засохла. И выглядел он будто абориген ада.

Выродок все три рыболовных крючка цеплял за кожу очень аккуратно. Вероятно, старался, чтобы повреждения были минимальными.

Для подозрительной полиции такая аккуратность послужила бы подтверждением версии о членовредительстве.

С одного конца рыболовный крючок заканчивался острием и зубцом, с другого — ушком для крепления лески. Вытащить крючок, не нанеся коже большую травму, не представлялось возможным.

Щипцами Билли срезал у одного крючка ушко. Зажав острие и зубец между большим и указательным пальцем, осторожно вытащил крючок из раны.

Проделав ту же операцию с двумя оставшимися крючками, принял горячий душ.

После душа, как мог, продезинфицировал ранки спиртом для растирания и перекисью водорода. После чего намазал ранки «Неоспорином», закрыл марлевой салфеткой и закрепил ее липкой лентой.

В 4:27, согласно часам на прикроватном столике, Билли лег спать. На двуспальную кровать, с двумя подушками. На одну положил голову, под другую — револьвер.

«Пусть суд не будет слишком строгим...»

И когда веки его закрылись под собственным весом, мысленным взором он увидел Барбару, бледные губы которой шептали: *«Я хочу знать, что оно говорит, море. Что оно продолжает говорить?»*

Он заснул прежде, чем часы показали половину пятого.

Во сне он лежал в коме, не мог ни двинуться, ни сказать хоть слово, тем не менее ощущал окружающий его мир. Врачи в белых халатах и черных лыжных шапочках с прорезями для глаз всаживали скальпели в его плоть, вырезая веточки с кровавыми листочками.

Вернувшаяся боль, тупая, но настойчивая, разбудила его в 8:40 утра в ту же среду.

Поначалу он не мог вспомнить, какие из ночных кошмаров были реальными, а какие только приснились ему. Потом смог.

Ему хотелось принять еще таблетку «Викодина».

Вместо этого в ванной он вытряхнул из пузырька две таблетки аспирина.

Чтобы запить аспирин апельсиновым соком, спустился на кухню. Тарелка из-под лазаньи, которую он забыл поставить в посудомоечную машину, стояла на столе рядом с пустой бутылкой из-под пива «Элефант», которая так и осталась на письме доктора Феррьера.

Кухню заливал утренний свет. Кто-то поднял жалюзи. Ночью, когда он ушел спать, они были опущены.

К холодильнику липкой лентой был прикреплен сложенный листок бумаги, четвертая записка от убийцы.

Глава 18

Он прекрасно помнил, что запер дверь черного хода на врезной замок, когда вернулся из гаража со щипцами. Теперь дверь была закрыта, но не заперта.

Выйдя на крыльцо, Билли оглядел лес на западе. Несколько вязов росли ближе к дому,

далее сосны...

Утреннее солнце наклоняло тени деревьев, практически не освещая землю под ними.

Он искал отблеск солнечных лучей от стекла бинокля, а обнаружил какое-то движение. Что двигалось, разглядеть не смог, что-то таинственное, бесформенное, необъяснимое.

Билли уже подумал, что столкнулся с чем-то сверхъестественным, но тут неведомое существо вышло из-под деревьев, и Билли понял, что перед ним всего лишь олени, самец, две самки, олененок.

Он подумал, что из леса их выгнала какая-то опасность, но нет, они остановились, пройдя пару ярдов, и принялись щипать нежную травку лужайки.

Вернувшись в дом, чтобы не мешать оленям завтракать, Билли запер дверь, хотя взрезной замок более не обеспечивал безопасность. Если у убийцы не было ключа, то были отмычки, и он знал, как ими пользоваться.

Не трогая записки, Билли открыл холодильник. Достал пакет апельсинового сока. Запивая им таблетки аспирина, он смотрел на записку, приклеенную к холодильнику. Но не прикоснулся к ней.

Положил в тостер две оладьи. Когда они подрумянились, намазал ореховым маслом, съел за кухонным столом.

Если бы он не стал читать записку, если бы сжег в раковине, а пепел смыл водой, он бы тем самым вышел из игры.

Но это он, увы, уже проходил: бездействие тоже расценивалось как выбор.

Существовала и другая проблема: теперь он сам стал жертвой нападения. И рыболовные крючки были только началом.

«Ты готов к своей первой ране?»

Выродок не подчеркнул слово «первой», никак его не выделил, но Билли понимал, на что делалось ударение. Недостатков у него хватало, но самообман среди них не значился.

Если бы он не стал читать записку, то не узнал бы, с какой стороны опасность будет грозить на этот раз. И когда топор упадет ему на шею, он не услышит даже посвист лезвия, рассекающего воздух над его головой.

А кроме того, еще в прошлую ночь Билли понял, что для убийцы это никакая не игра. Потеряв соперника, выродок не поднимет мяч с земли, чтобы уйти домой. Он по-прежнему продолжит путь к намеченной им цели.

Билли хотелось вырезать листья.

Или решать кроссворды. Это у него получалось.

Постирать, навести порядок во дворе, почистить ливневые каналы, покрасить почтовый ящик: он мог раствориться в повседневных делах и найти в них успокоение.

Ему хотелось поработать в таверне, чтобы часы текли в повторяющихся движениях и пустых разговорах.

Всю загадочность жизни (и ее драматизм) он находил в визитах в «Шепчущиеся сосны», в отрывочных словах, которые иногда произносила Барбара, в его несгибаемой уверенности в том, что для нее есть надежда. Больше ему ничего не требовалось. Больше у него ничего не было.

Ничего не было до *этого*. В этом он не нуждался, ничего такого не хотел... но деваться-то было некуда.

Доев оладьи, он отнес тарелку, нож и вилку к раковине. Помыл, вытер, убрал.

В ванной снял повязку. Каждый крючок проткнул его дважды. На лбу краснели шесть ранок, вроде бы воспаленных.

Он осторожно промыл их водой, вновь продезинфицировал спиртом и перекисью водорода, смазал «Неоспорином», закрыл чистой марлевой салфеткой, закрепил ее скотчем.

На ощупь лоб был холодным. Будь крючки грязными, его меры предосторожности не остановили бы инфекцию, особенно если острие или зубец крючка поцарапали бы кость.

Насчет столбняка он мог не беспокоиться. Четырьмя годами раньше, перестраивая часть гаража под столярную мастерскую, он сильно поранил руку ржавой петлей, и ему

ввели противостолбнячную сыворотку. Нет, насчет столбняка он не беспокоился. От столбняка он умереть не мог.

Он также знал, что не умрет и от заражения крови, вызванного грязными крючками. Этой ложной тревогой его разум хотел хоть на время уйти от реальных и куда более серьезных угроз.

Вернувшись на кухню, он отлепил записку от передней панели холодильника.

Вместо того чтобы выбросить или сжечь, развернул, расправил на столе и прочитал:

«Этим утром оставайся дома. Мой компаньон придет к тебе в 11:00. Подожди его на переднем крыльце.

Если ты не останешься дома, я убью ребенка.

Если ты обратишься в полицию, я убью ребенка.

Ты вроде бы такой злой. Разве я не протянул тебе руку дружбы? Да, протянул».

Компаньон. Это слово встревожило Билли. Совершенно ему не понравилось.

В редких случаях социопаты-убийцы работали в паре. Копы называли таких «дружки-убийцы». Хиллсайдский душитель в Лос-Анджелесе, который на поверку оказался парой кузенов. Вашингтонский снайпер — тоже два человека.

В семье Мэнсона убийц было больше.

Простак-бармен при наилучшем раскладе мог надеяться вывести на чистую воду одного безжалостного психопата. Но не двоих.

Мысли обратиться в полицию у Билли не возникало. Выродок дважды доказал свою искренность: в случае неповиновения точно убил бы ребенка.

В данном случае по крайней мере он мог сохранить жизнь одному, не вынося смертный приговор другому.

С первыми четырьмя строчками записки все было понятно. А вот с толкованием двух последних у Билли возникли определенные трудности.

«Разве я не протянул тебе руку дружбы?»

Насмешка не вызывала сомнений. Билли отметил и другое: предложенная информация может оказаться ему полезной, только если он сообразит, что к чему.

Многочратное прочтение записки, шесть раз, восемь, даже десять, ясности не внесло. Раздражения прибавило.

С этой запиской у Билли вновь появились вещественные улики. Не так чтобы много и не очень весомые, чтобы убедить полицию, но эту записку он собирался сохранить.

В гостиной Билли оглядел свою библиотеку. В последние годы она для него ровным счетом ничего не значила, разве что приходилось стирать с книг пыль.

Он выбрал «В наше время». Сунул записку убийцы между первыми страницами, вернул книгу на полку.

Подумал о мертвом Лэнни Олсене, сидящем в кресле с приключенческим романом на коленях.

В спальне вытащил из-под подушки «смит-и-вессон».

Поднимая револьвер, вспомнил ощущения после выстрела. Ствол хотел взлететь вверх. Рукоятка вдавилась в ладонь. Отдача передалась через кисть и руку в плечо.

На комодѣ стояла открытая коробка с патронами. Он положил по три в каждый из двух передних карманов брюк.

Решил, что этого достаточно. Ему предстояла стычка, а не война. Неистовая, жестокая, но короткая.

Покрывалом Билли не пользовался, но подушки взбил. И прежде чем накрыть одеялом простыню, заправил ее так, что она напоминала кожу барабана.

А беря револьвер с ночного столика, вспомнил уже не только отдачу, но и другое: что ощущаешь, убивая человека.

Глава 19

Билли позвонил Джекки О'Харе на мобильник, и тот ответил фразой, которую обычно использовал, когда работал за стойкой: «Что я могу для вас сделать?»

— Босс, это Билли.

— Эй, Билли, ты знаешь, о чем говорили в таверне вчера вечером?

— О спорте?

— Черта с два. Мы не спортивный бар.

Глядя в окно кухни, выходящее на лужайку, с которой уже ушли олени, Билли сказал: «Извини».

— Парни в спортивном баре... для них выпивка ничего не значит.

— Просто способ развеяться.

— Совершенно верно. Они с тем же успехом могут курить травку или пить то пойло, которое в «Старбакс» называют кофе. Мы не чертов спортивный бар.

Все это Билли уже слышал, и не раз, поэтому попытался продвинуться к следующему этапу дискуссии.

— Для наших клиентов выпивка — подлинная церемония.

— Больше, чем церемония. Чуть ли не священнодействие. Не для всех, но для большинства. Это *причастие*.

— Понятно. Так они говорили о снежном человеке?

— Если бы. В лучших, действительно лучших барах разговор обычно вертится вокруг снежного человека, летающих тарелок, исчезнувшего континента Атлантида, случившегося с динозаврами...

— ...темной стороны Луны, — прервал его Билли, — лох-несского чудовища, Туринской плащаницы...

— ...призраков, Бермудского треугольника, всего этого джентльменского набора. Но нынче эти темы не в моде.

— Это мне известно, — признал Билли.

— Они говорили о тех профессорах из Гарварда, Йеля и Принстона, ученых, которые заявляют, что они используют клонирование, стволовые клетки и достижения генной инженерии для создания суперрасы.

— Которая будет умнее, быстрее и лучше нас, — вставил Билли.

— Они будут настолько лучше нас, — уточнил Джекки, — что в них не будет ничего человеческого. Это статья в «Тайм» или «Ньюсуик», и эти ученые на фотографиях улыбаются и очень горды собой.

— Они называют это постчеловеческим будущим, — добавил Билли.

— А что случится с нами, когда мы станем «пост»? — спросил Джекки. — Суперраса! Эти парни не слышали про Гитлера?

— Они считают себя другими.

— У них нет зеркала? Какие-то идиоты скрещивают гены людей и животных, чтобы создать новые... новых тварей? Один из них хочет создать свинью с человеческим мозгом.

— Это же надо.

— В журнале не говорится, почему именно свинью, словно совершенно очевидно, что это должна быть свинья, а не кошка, корова или бурундук. Господи, Билли, с человеческим мозгом трудно жить даже в человеческом теле, не так ли? Это же будет сущий ад, если человеческий мозг попадет в тело свиньи.

— Может, мы не проживем так долго, чтобы это увидеть.

— Увидишь, если не собираешься умереть завтра. Мне гораздо больше нравится снежный человек. И еще больше Бермудский треугольник и призраки. А теперь все безумное дерьмо становится реальностью.

— Я позвонил, чтобы дать тебе знать, что сегодня не смогу выйти на работу, — Билли

решил, что с прелюдией можно заканчивать.

— А что такое? — в голосе Джекки слышалась искренняя обеспокоенность. — Ты заболел?

— Легкое недомогание.

— По голосу не чувствуется, что ты простужен.

— Не думаю, что это простуда. Что-то с животом.

— Иногда летняя простуда так и начинается.

Лучше прими цинк. Есть такой цинковый гель, который выжимается в нос. Он действительно помогает. Рубит простуду под корень.

— Я его куплю.

— Принимать витамин С уже поздно. Его следовало принимать постоянно.

— Я куплю цинковый гель. Я позвонил слишком рано? Ты вчера закрывал таверну?

— Нет. Я приехал домой в десять часов. После всех этих разговоров о свиньях с человеческими мозгами меня потянуло домой.

— Значит, таверну закрывал Стив Зиллис?

— Да. Он — парень надежный. Все, что я рассказал тебе вчера о нем... лучше бы не рассказывал. Если он хочет рубить манекены и арбузы у себя во дворе, это его личное дело, раз свою работу он выполняет.

Частенько вечером по вторникам в таверну заглядывало меньше народу, чем в другие дни недели. И если поток посетителей сильно редел, Джекки предпочитал закрывать таверну не в два часа ночи, как обычно, а раньше. Открытый бар с несколькими посетителями в столь поздний час — приманка для грабителей, риск для работников.

— Посетителей хватало?

— Стив сказал, что после одиннадцати словно наступил конец света. Ему пришлось открыть дверь и выглянуть наружу, чтобы убедиться, что таверну не телепортировали на Луну или куда-то еще. Он погасил свет еще до полуночи. Слава богу, на неделе только один вторник.

— Люди хотят какое-то время проводить с семьей. Это бич семейных баров.

— Ты у нас шутник, не так ли?

— Обычно нет.

— Если ты положишь цинковый гель поглубже в нос, а лучше тебе не станет, перезвони мне, и я посоветую что-нибудь еще.

— Я думаю, из тебя получился бы прекрасный священник, Джекки. Действительно так думаю.

— Поправляйся, хорошо? В твое отсутствие посетителям тебя недостает.

— Правда?

— Ну, не знаю. Во всяком случае, они не говорят, что их это радует.

При сложившихся обстоятельствах, возможно, только Джекки О'Хара мог заставить Билли улыбнуться. Он положил трубку. Посмотрел на часы. Десять тридцать одна.

До прибытия «компаньона» меньше полчаса.

Если Стив Зиллис закрыл таверну до полуночи, ему хватило времени, чтобы приехать к Лэнни, убить его, перенести труп в главную спальню, усадить в кресло.

Если бы Билли составлял список подозреваемых, Стив, наверное, не попал бы в первые строчки. Но иногда преступником оказывался именно тот, кто вызывал наименьшие подозрения.

Глава 20

На переднем крыльце стояли два кресла-качалки из тика с темно-зелеными подушками. Второе кресло требовалось Билли редко.

В это утро в белой футболке и кожаных брюках он сел в дальнее от лестницы, которая

вела на крыльцо. Качаться не стал. Сидел неподвижно, как монумент.

Рядом с креслом стоял столик из тика. На нем, на пробковой подставке, стакан с «колой».

«Коку» он пить не собирался. Стакан поставил с тем, чтобы он отвлекал внимание от жестяной коробки крекеров «Риц».

На самом деле в коробке лежал револьвер с коротким стволом. А крекерам, числом три, нашлось место на столе у жестянки.

День выдался солнечный и жаркий. Виноградари нашли бы его излишне сухим, но Билли все устраивало.

С крыльца, между кедрами, он видел сельскую дорогу, которая поднималась на холм к его дому, а потом уходила дальше.

Автомобилей проезжало немного. Некоторые он узнавал, но не всегда помнил, кому они принадлежали.

С раскаленного солнцем асфальта уже поднимались горячие призраки.

В 10:53 вдаль появился человек, пеший. Билли не ожидал, что компаньон будет добираться на встречу на попутках. Предположил, что этот пешеход направляется не к нему.

Поначалу фигура казалась миражом. Горячий воздух, поднимающийся от асфальта, искажал ее очертания. В какой-то момент человек даже исчез, но тут же появился вновь.

В ярком свете он казался высоким и тощим, неестественно тощим, словно недавно висел на кресте на кукурузном поле, отгоняя птиц большущими глазами.

Он свернул с шоссе на подъездную дорожку, потом с дорожки на траву лужайки и подошел к лестнице, ведущей на крыльцо, в 10:58.

— Мистер Уайлс? — спросил он.

— Да.

— Как я понимаю, вы меня ждете.

Голос у него был хриплым, словно у человека, который долгие годы вымачивал голосовые связки в виски и копил их на сигаретном дыму.

— Как вас зовут? — спросил Билли.

— Я — Ральф Коттл, сэр.

Билли думал, что его вопрос проигнорируют. Если бы человек хотел назваться вымышленным именем, *Джон Смит* очень бы даже подошло. А Ральф Коттл... похоже, так незнакомца и звали.

Коттл действительно был неестественно тощим, но обычного роста. Его шея грозила сломаться под тяжестью головы.

На ногах были теннисные туфли, почерневшие от времени и грязи. Светло-коричневый летний костюм лоснился на локтях и коленях, да и висел на нем, как на вешалке. На мятой, в пятнах рубашке из полиэстра не хватало пуговицы.

Такой одеждой торговали на распродажах в самых дешевых магазинах в глубинке. И Коттл, похоже, носил ее достаточно долго.

— Мистер Уайлс, вы позволите мне пройти в тень?

Стоя у первой ступеньки, Коттл выглядел так, словно солнечный свет, навалившийся на плечи, вот-вот свалит его на землю. Он казался слишком хрупким, чтобы представлять угрозу, но внешность так обманчива.

— Второе кресло для вас.

— Премного вам благодарен, сэр. Я ценю вашу доброту.

Билли чуть напрягся, когда Коттл поднимался по ступенькам, но расслабился, едва тот сел в кресло-качалку.

Коттл тоже не стал раскачиваться: вероятно, у него не было сил, чтобы привести кресло в движение.

— Сэр, вы не будете возражать, если я закурю?

— Буду.

— Я понимаю. Это отвратительная привычка.

Из внутреннего кармана пиджака Коттл достал плоскую бутылку «Сигрэм», открутил крышку. Его костлявые руки тряслись. Он не спросил, можно ли ему выпить. Просто плотнул виски из горла.

Вероятно, уровень никотина в его крови позволял вежливо отреагировать на запрет курения. А вот алкоголь твердо заявил, что без дополнительной дозы ему не обойтись, и противиться этому голосу он не посмел.

Билли подозревал, что в других карманах Коттла найдется еще одна, а то и две плоские бутылки, не говоря уже о зажигалке, сигаретах и, возможно, паре самокруток с травкой. Становилось понятно, почему в такую жару Коттл в костюме: это была не только одежда, но и портмоне для его различных грехов.

От глотка виски цвет его лица не изменился: кожа уже загорела на солнце, и в ней хватало красноты от лопнувших капилляров.

— И долго вы шли пешком? — спросил Билли.

— Только от перекрестка. Туда меня подвезли. — Должно быть, на лице Билли отразилось сомнение, потому что Коттл торопливо добавил: — В этих краях меня многие знают. Всем известно, что я — безобидный, неухоженный, но не грязный.

Действительно, светлые волосы выглядели вымытыми, пусть и непричесанными. И он побрился, даже его нетвердая рука не могла поранить выдубленную солнцем и ветром кожу.

Определить его возраст Билли бы не взялся. Ему могло быть и сорок, и шестьдесят, но не тридцать и не семьдесят.

— Он — очень плохой человек, мистер Уайлс.

— Кто?

— Тот, что послал меня.

— Вы — его компаньон.

— Не больше, чем его обезьянка.

— Компаньон... так он вас назвал.

— На обезьянку я тоже похож?

— Как его зовут?

— Не знаю. Не хочу знать.

— Как он выглядит?

— Не видел его лица. Надеюсь, и не увижу.

— Лыжная шапочка с прорезями для глаз? — догадался Билли.

— Да. И глаза холодные, будто у змеи, — голос его задрожал, составив компанию рукам, и он вновь поднес бутылку ко рту.

— Какого цвета у него глаза? — спросил Билли.

— Мне они показались желтыми, как яичный желток, но, возможно, в них отражался свет лампы.

Билли вспомнил встречу на автостоянке.

— Света было слишком мало, чтобы разглядеть цвет... но они горели огнем.

— Я не такой плохой человек, мистер Уайлс. Не такой, как он. Я — слабак, это правда.

— Почему вы пришли сюда?

— Во-первых, из-за денег. Он заплатил мне сто сорок долларов, десятками.

— Сто сорок? Вы... вы что, торговались и подняли цену с сотни?

— Нет, сэр. Именно такую сумму он предложил. По его словам, по десять долларов за каждый год вашей невинности, мистер Уайлс.

Билли молча смотрел на него.

Глаза Ральфа Коттла когда-то, возможно, были синими. Но, вероятно, их обесцветил алкоголь, потому что Билли никогда не видел таких светло-синих глаз, напоминающих синеву неба на большой высоте, где воздух слишком разрежен для сочных красок и откуда рукой подать до межпланетного вакуума.

Через мгновение Коттл отвел глаза, обвел взглядом лужайку, деревья, дорогу.

— Вы знаете, что это означает? — спросил Билли. — Мои четырнадцать лет

невиновности?

— Нет, сэр. Не мое это дело. Он просто хотел, чтобы я вам это передал.

— Вы сказали, во-первых, из-за денег. А во-вторых?

— Он бы убил меня, если бы я не пошел к вам.

— Он грозил вам смертью?

— Такие люди не угрожают, мистер Уайлс.

— Похоже на то.

— Он просто говорит, и ты знаешь, что так и будет. Или я иду к вам, или умираю. И смерть не будет легкой, отнюдь.

— Вы знаете, что он сделал? — спросил Билли.

— Нет, сэр. И не говорите мне.

— Теперь нас двое, тех, кто знает о реальности его существования. Ваша история послужит подтверждением моей, и наоборот.

— Даже не говорите об этом.

— Неужели вы не понимаете, что он допустил ошибку?

— Хотелось бы мне быть его ошибкой, но увы, — ответил Коттл. — Вы слишком уж на меня рассчитываете, и напрасно.

— Но его нужно остановить.

— Если кто его и остановит, то не я. Я — не герой. И не говорите мне, что он сделал. Не смейте.

— Почему я не должен говорить?

— Это ваш мир. Не мой.

— У нас один мир.

— Нет, сэр. Миров миллиарды. Мой отличается от вашего, пусть так будет и дальше.

— Мы сидим на одном крыльце.

— Нет, сэр. Оно выглядит как одно, но на самом деле их два. Вы знаете, что это правда. Я вижу это в вас.

— Видите — что?

— Я вижу, что в какой-то степени вы такой же, как я.

По спине Билли пробежал холодок.

— Вы ничего не можете видеть. Вы даже не смотрите на меня.

Ральф Коттл вновь встретился с Билли взглядом.

— Вы видели лицо женщины в банке, похожее на медузу?

Разговор внезапно переместился с главной дороги на какое-то странное боковое ответвление.

— Какой женщины? — спросил Билли.

Коттл вновь отхлебнул виски.

— Он говорит, что ее лицо в банке уже три года.

— В банке? Хватит заливать внутрь эту отраву, Ральф. Вы уже несете чушь.

Коттл закрыл глаза, лицо перекосила гримаса, словно он увидел то, что только что описал словами.

— Это двухлитровая банка, может, больше, с широким горлом. Он регулярно меняет формальдегид, чтобы тот не мутнел.

Над крыльцом синело небо. В вышине кружил одинокий ястреб.

— Лицо как бы разворачивается, — продолжал Коттл, — поэтому сначала его ты не видишь. Вроде бы в банке что-то из моря, свернутое и колышущееся. Потом он осторожно трясет банку, покачивает, и лицо... оно распускается.

Трава на лужайке нежная и зеленая, потом выше и золотистее, там, где о ней заботится природа. От двух видов трав идут разные запахи, но оба приятные.

— Сначала ты узнаешь ухо, — говорил Ральф Коттл. — Уши у нее остались, и хрящи сохраняют им форму. Хрящ остался и в носу, но форму он держит не очень хорошо. Нос — какая-то блямба.

Со сверкающих высот ястреб начал спуск сужающимися бесшумными кругами.

— Губы полные, но рот — дыра, и глаза — дыры. Волос нет, потому что разрез он делал от уха до уха, а потом с обеих сторон вниз, к подбородку. Нет возможности определить, что это лицо женщины, а не мужчины. Он говорит, что она была прекрасна, но в банке красоты нет.

— Это всего лишь маска, каучук, фокус, — вырвалось у Билли.

— Нет, лицо настоящее. Настоящее, как смертельный рак. Он говорит, это лицо — второй акт в одном из его лучших представлений.

— Представлений?

— У него четыре фотографии ее лица. На первой женщина жива. Потом мертва. На третьей лицо частично отделено. На четвертой — голова, волосы, но лица со всеми мягкими тканями нет, нет ничего, кроме кости, лыбющегося черепа.

Плавное планирование по кругу перешло в пике: ястреб камнем падал в высокую траву.

Бутылка сказала Ральфу Коттлу, что ему необходимо дополнительное вливание, и он глотнул ее содержимое, чтобы поддержать разваливающееся мужество.

Оторвав бутылку ото рта, хмыкнул.

— На первом фото, когда ее засняли живой, может, она и была красивой, как он говорит. Но ты сказать такого не можешь, потому что она — чистый ужас. Она уродлива от ужаса.

Высокая трава, неподвижная под жарким солнцем, зашевелилась в одном месте, там, где пришла в соприкосновение с крыльями.

— Лицо на первой фотографии страшнее, чем в банке, — заключил Коттл. — Гораздо страшнее.

Ястреб поднялся из травы. В когтях он держал что-то маленькое, возможно, полевую мышь, которая в отчаянии вырывалась, а может, не вырывалась. На таком расстоянии Билли этого не видел.

В голосе Коттла добавилось хрипоты.

— Если я в точности не сделаю то, что он от меня хочет, он обещает отправить мое лицо в такую же банку. И срезать лицо будет с меня живого и находящегося в сознании.

В яркое синее небо поднимался черный, в свете солнечных лучей, ястреб, его крылья рассекали сверкающий воздух. Он тоже убивал, но убивал, лишь когда ему требовалась пища, убивал лишь для того, чтобы выжить.

Глава 21

Сидя в кресле-качалке, но не качаясь, Ральф Коттл рассказал, что живет в полуразвалившемся коттедже у реки. Две комнаты плюс крыльцо с видом на эту самую реку. Коттедж построили в 1930-х годах, и с тех пор он медленно, но верно превращался в лачугу.

Давным-давно люди, построившие коттедж, приезжали в него, только когда им хотелось порыбачить. Никакого электричества. Удобства во дворе. Вода — только из реки.

— Я думаю, эти люди сбегали туда от своих жен, — сказал Коттл. — Это место им было нужно для того, чтобы спокойно напиться. И сейчас оно используется по тому же назначению.

Камин служил источником тепла и для разогрева пищи. Питался Коттл в основном консервами.

Когда-то у участка, на котором стоял коттедж, был конкретный хозяин. Теперь участок принадлежал округу — возможно, его забрали у прежнего хозяина за неуплату налогов. Обычно с управлением принадлежащей государству землей дела обстоят плохо. И этот участок не был исключением. Ни чиновники, ни лесники ни разу не побеспокоили Ральфа Коттла с тех самых пор, как одиннадцать лет назад он прибрался в коттедже, расстелил спальник и поселился там.

Соседей поблизости не было. Коттедж стоял в уединенном месте, что Коттла очень

даже устраивало.

До 3:45 прошлой ночи, когда его разбудил гость в натянутой на лицо лыжной шапочке с прорезями для глаз. Вот тут Коттл пожалел о том, что до ближайшего соседа даже не докричаться.

Коттл заснул, не погасив масляную лампу, при свете которой читал вестерны и спиртным загонял себя в сон. Но хотя лампа и горела, он не смог запомнить какие-либо важные приметы убийцы. Не смог даже прикинуть его рост и вес.

Он заявил, что в голосе безумца не было ничего особенного.

Билли предположил, что Коттл знал больше, но боялся сказать. Тревога, которая читалась в его выцветших синих глазах, была такой же неприкрытой, как тот ужас, который, по его словам, испытывала запечатленная на фотографии женщина, потом лишившаяся лица.

Судя по длине пальцев Коттла и костям запястий, в свое время он мог дать сдачи. Но теперь, по его собственному признанию, стал слабаком, не только эмоционально и морально, но и физически.

Тем не менее Билли наклонился к нему и вновь попытался переманить на свою сторону.

— Поддержите меня с обращением в полицию. Помогите мне...

— Я не могу помочь даже себе, мистер Уайлс.

— Но когда-то вы знали как.

— Не хочу вспоминать.

— Вспоминать — что?

— Ничего. Я же сказал вам... я — слабак.

— Похоже, вам хочется им быть.

Подняв бутылку к губам, Коттл сухо улыбнулся и, прежде чем выпить, сказал:

— Разве вы не слышали... «кроткие наследуют землю»? [11]

— Если вы не хотите сделать это для себя, сделайте для меня.

Облизав губы, потрескавшиеся от солнца, Коттл спросил:

— С какой стати?

— Кроткие не стоят, наблюдая, как кто-то уничтожает другого человека. Кротость — это не трусость. Большая разница.

— Оскорблениями вы не побудите меня к сотрудничеству. Меня оскорбить нельзя. Мне все равно. Я знаю, что я — ничто, и меня это вполне устраивает.

— Тем, что вы пришли сюда, чтобы исполнить его приказ, вы не гарантируете себе безопасность в собственном коттедже.

Коттл навернул крышку на горлышко.

— Я в большей безопасности; чем вы.

— Отнюдь. Вы — свободный конец веревочки. Послушайте, полиция защитит вас.

Сухой смешок сорвался с губ бродяги.

— Вот почему вы так стремитесь прибежать к ним: ради *защиты* ?

Билли промолчал.

А Коттл, которому молчание Билли, похоже, прибавило смелости, продолжил, и в голосе его явственно слышалось самодовольство:

— Как и я, вы — ничто, только еще не знаете об этом. Вы — ничто, я — ничто, мы все — ничто, и что касается меня, если этот псих оставит меня в покое, пусть делает что хочет и с кем хочет, поскольку он — тоже ничто.

Наблюдая, как Коттл отвернул с горлышка бутылки крышку, которую только что навернул, Билли спросил:

— А если я сброшу вас с крыльца и пинками выгоню со своего участка? Он звонит мне иногда, чтобы пощекотать нервы. Когда позвонит в следующий раз, я скажу ему, что вы — пьяница, не можете связать двух слов и я ничего не понял из того, что вы мне сказали.

Загорелое и красное от многолетнего пьянства лицо Коттла не побледнело, но легкая улыбка самодовольства, оставшаяся на лице после его тирады, исчезла. Коттл принялся извиняться:

— Мистер Уайлс, сэр, пожалуйста, не обижайтесь. Я не контролирую слова, которые вылетают из моего рта, как не могу контролировать виски, которое в него вливается.

— Он хотел, чтобы вы рассказали мне о лице в банке, не так ли?

— Да, сэр.

— Почему?

— Не знаю. Он не *консультировался* со мной, сэр. Просто велел сказать вам то-то и то-то, и я здесь, потому что хочу жить.

— Почему?

— Сэр?

— Посмотрите на меня, Ральф.

Коттл встретился с ним взглядом.

— Почему вы хотите жить? — спросил Билли.

Вопрос этот определенно затронул какую-то струну в душе Коттла, словно он никогда им не задавался. Он отвел глаза, схватился за бутылку виски уже не одной, а двумя руками.

— Почему вы хотите жить? — настаивал Билли.

— А что еще делать? — Избегая взгляда Билли, Коттл поднял бутылку обеими руками, словно чашу. — Я хочу выпить еще капельку, — он словно спрашивал разрешения.

— Валяйте.

Коттл сделал маленький глоток, потом еще один.

— Выродок велел вам рассказать мне о лице в банке, потому что хочет, чтобы этот образ отпечатался у меня в голове.

— Если вы так считаете.

— Речь идет об утрашении, о том, чтобы заставить меня понервничать.

— Вы нервничаете?

Вместо того чтобы ответить, Билли спросил:

— Что еще он велел мне сказать?

Словно переходя к делу, Коттл повернул крышку на горлышко и на этот раз убрал плоскую бутылку в карман пиджака.

— У вас будет пять минут на принятие решения.

— Какого решения?

— Снимите часы и положите их на ограждение крыльца.

— Зачем?

— Чтобы отсчитать пять минут.

— Я могу отсчитывать их, оставив часы на запястье.

— Положив часы на ограждение, вы положите начало отсчету.

Лес на севере оставался тенистым и прохладным даже в жаркий день. Зеленая лужайка, золотистая трава, несколько раскидистых дубов, потом пара домов ниже по склону и на востоке. С запада проходило шоссе, за которым тянулись поля с редкими рощами.

— Он наблюдает за нами? — спросил Билли.

— Пообещал наблюдать, мистер Уайлс.

— Откуда?

— Не знаю, сэр. Поэтому, пожалуйста, пожалуйста, снимите часы и положите на ограждение.

— А если не сниму?

— Мистер Уайлс, не надо так говорить.

— А если не сниму? — повторил Билли.

— Я *говорил* вам, — чуть ли не взвизгнул Коттл, — он срежет мое лицо, срежет с меня живого. Я говорил вам.

Билли поднялся, снял с запястья «Таймекс», положил на ограждение так, чтобы циферблат был виден с обоих кресел-качалок.

По мере того как солнце поднималось к зениту, оно растопляло все тени, кроме тех, что в лесу. Закутанные в зеленые плащи деревья не выдавали никаких тайн.

— Мистер Уайлс, вы должны сесть.

Ярко-желтый свет солнца заставил Билли сощуриться. При таком свете человек мог затаиться в тысяче мест, надежно укрытый этим ослепляющим светом.

— Вы его не обнаружите, — сказал Коттл, — и ему не понравится ваше стремление обнаружить его. Пожалуйста, вернитесь к креслу и сядьте.

Билли остался у ограждения.

— Вы потеряли полминуты, мистер Уайлс, сорок секунд.

Билли не шевельнулся.

— Вы не знаете, в какой попали переплет, — голос Коттла переполняла озабоченность.

— Вам потребуется каждая секунда из тех минут, что он отвел вам на раздумья.

— Так расскажите мне об этом переплете.

— Вы должны сесть. Ради бога, мистер Уайлс, — Коттл разве что не заламывал руки.

— Он хочет, чтобы вы сели в это кресло.

Билли вернулся к креслу-качалке.

— Я просто хочу с этим закончить! — верещал Коттл. — Хочу сделать то, что мне велено, и уйти отсюда.

— Теперь вы понапрасну тратите время.

Одна из пяти минут прошла.

— Хорошо, хорошо, — кивнул Коттл. — Теперь говорит он. Вы понимаете? Это он.

— Выкладывайте.

Коттл нервно облизал губы. Достал из кармана плоскую бутылку, но не для того, чтобы выпить. Нет, сжал ее обеими руками, словно талисман, призванный развеять алкогольный туман, окутавший мозг, позволить слово в слово передать послание и таким образом спасти лицо, которое в противном случае могло переключиться в двухлитровую банку.

— «Я убью кого-нибудь из тех, кого ты знаешь. Ты выберешь цель среди людей из своей жизни, — цитировал Коттл. — Это твой шанс избавить мир от какого-нибудь никому не нужного говнюка».

— Гребаный сукин сын! — вырвалось у Билли, и он вдруг заметил, что пальцы обеих рук сжались в кулаки, да только бить было некого.

— «Если ты не выберешь для меня цель, — продолжал цитировать Коттл, — я сам выберу, кого мне убить из твоих знакомых. У тебя есть пять минут, чтобы принять решение. Выбор за тобой, если тебе достанет духа сделать его».

Глава 22

Усилие, которое потребовалось Ральфу Коттлу для того, чтобы в точности передать послание выродка, превратило его в комок гудящих нервов. Глаза у него провалились, лицо перекосило, руки тряслись. Ужас накрыл его с головой.

Пока Коттл декламировал предложение выродка и выставленные им условия, не сомневаясь в том, что любая допущенная ошибка — смертный приговор, бутылка виски была вдохновляющим его талисманом, но теперь ему требовалось ее содержимое.

Билли заговорил, глядя на часы, которые лежали на ограждении террасы:

— Мне не нужны пять минут. Черт, не нужны даже те три, что остались.

И без этого, не обратившись в полицию, то есть не дав им возможности начать расследование, он уже стал причиной смерти одного человека из своей жизни: Лэнни Олсена. Бездействием он спас мать двоих детей, но обрек на смерть своего друга.

Какая-то, скорее даже большая, часть ответственности за эту смерть лежала на самом Лэнни. Он взял записки убийцы и уничтожил их, чтобы спасти свою работу и пенсию, но, как выяснилось, за это ему пришлось заплатить собственной жизнью.

Тем не менее Билли ощущал за собой вину. Он чувствовал ее вес и знал, что сбросить его не удастся до конца своих дней.

Но теперь выродок требовал от него нечто новое и более ужасное. На этот раз бездействие его не устраивало, нет, он хотел, чтобы Билли сам указал ему следующую жертву.

— Я этого не сделаю, — твердо заявил он.

Коттл водил влажным горлышком бутылки по губам, вместо того чтобы отхлебнуть еще. Носом вдыхал поднимающиеся пары алкоголя.

— Если вы этого не сделаете, он выберет сам.

— Почему я *должен* выбирать? В любом случае я в полной жопе, не так ли?

— Не знаю. Не хочу знать. Это не мое дело.

— Черта с два.

— Это не мое дело, — настаивал Коттл. — Я должен сидеть здесь, пока вы не сообщите мне свое решение, потом я передам ваши слова ему и больше ни в чем не участвую. У вас осталось чуть больше двух минут.

— Я иду к копам.

— Слишком поздно.

— Я в дерьме по бедра, — признал Билли, — и только погружаюсь в него все глубже.

Когда Билли поднялся с кресла-качалки, Коттл резко его остановил:

— *Сядьте!* Если вы попытаетесь уйти с крыльца раньше меня, вам прострелят голову.

У бродяги в карманах были бутылки — не оружие. Даже если бы Коттл попытался вытащить пистолет, Билли не сомневался, что сумел бы отобрать его.

— Не я, — уточнил Коттл. — *Он*. Сейчас он наблюдает за нами через оптический прицел дальнобойной снайперской винтовки.

Темный лес на севере, залитый солнечным светом склон на востоке, скалы и поля к югу от шоссе...

— Он может читать по нашим губам, — продолжил Коттл. — У него отличная винтовка, и он умеет ею пользоваться. Может пристрелить вас с расстояния в две тысячи ярдов.

— Может, я этого и хочу.

— Он с удовольствием пойдет вам навстречу. Но не думает, что вы к этому готовы. Он говорит, что со временем до этого дойдет. В конце, говорит он, вы будете просить его убить вас. Но это еще впереди.

Даже с грузом вины Билли Уайлс вдруг почувствовал себя перышком и испугался внезапного порыва ветра. Сел на кресло-качалку.

— А к копам идти слишком поздно потому, что он оставил улики в ее доме, на ее теле, — буднично объяснил Коттл.

На деревьях не шевельнулся ни единый листок, а вот на крыльце задул ветер.

— Какие улики?

— Во-первых, несколько ваших волос у нее в кулаке и под ногтями.

У Билли пересохло во рту.

— Где он взял мои волосы?

— С фильтра в сливном отверстии душевой кабины.

До того, как начался весь этот кошмар, еще при жизни Гизель Уинслоу, выродок уже побывал в его доме.

Тень на крыльце более не могла сдерживать летнюю жару. Билли словно стоял на самом солнцепеке.

— Что еще, кроме волос?

— Он не сказал. Но ничего такого, что позволило бы полиции связать вас с убийством... если только по какой-то причине вы не попадете под подозрение.

— А это он может устроить.

— Если копы подумают, что у вас нужно взять анализ на ДНК, с вами все будет кончено.

Глава 23

Одна минута. Билли Уайлс смотрел на свои наручные часы, словно они отсчитывали последние секунды до взрыва бомбы.

Он не думал о бегущих секундах, о вещественных уликах, превращающих его в убийцу Гизель Уинслоу, о том, что выродец сейчас держит его на прицеле.

Вместо этого он ранжировал людей из своей жизни. Перед мысленным взором чередой пробегали лица. Тех, кого он любил. К кому относился с безразличием. Кого терпеть не мог.

С последними он мог бы не церемониться. Не стал бы по ним скорбеть. И отвернуться от таких мыслей оказалось ой как сложно, ничуть не проще, чем не замечать приставленный к горлу нож.

Он все-таки отвернулся, благодаря другому ножу, ножу вины. По его телу пробежала дрожь отвращения, когда он осознал, сколь серьезно сравнивал ценность людей, которые окружали его, беря на себя право решать, кто и в какой степени достоин жить, а кто должен умереть.

— Нет, — заговорил он за несколько секунд до того, как время вышло. — Нет, никого я выбирать не буду. Он может катиться к дьяволу.

— Тогда он выберет за вас, — напомнил ему Коттл.

— Он может катиться к дьяволу, — повторил Билли.

— Хорошо. Это ваше решение. Вам и держать за него ответ, мистер Уайлс. Это не мое дело.

— И что теперь?

— Вы остаетесь в кресле, сэр, где и сидите. Я должен войти в дом, к телефону на кухне, дожидаться звонка и сообщить ему ваше решение.

— Я пойду в дом, — возразил Билли. — И поговорю с ним.

— Вы сводите меня с ума. Он убьет нас обоих.

— Это мой дом.

Когда Коттл подносил бутылку ко рту, руки его так тряслись, что стекло задребезжало о зубы. Струйка виски полилась по подбородку.

Заговорил он, не вытирая лица:

— Он хочет, чтобы вы сидели в этом кресле. Если вы попытаетесь войти в дом, он вышибет вам мозги до того, как вы доберетесь до двери.

— Какой в этом смысл?

— Потом он вышибет мозги мне, потому что я не смог убедить вас прислушаться к моим словам.

— Не вышибет, — не согласился с ним Билли, начав понимать образ мыслей выроodka. — Он еще не готов поставить точку. Такой исход его не устроит.

— Откуда вы знаете? Вы не знаете. Не можете знать.

— У него есть план, цель, нечто такое, что не имеет никакого смысла для вас или для меня, но многое значит для него.

— Я всего лишь никчемный чертов пьяница, но даже мне понятно, что вы мелете чушь.

— Он хочет, чтобы все получилось в полном соответствии с его замыслом, — обращался Билли скорее к себе, чем к Коттлу, — и, уж конечно, не оборвет процесс на середине, разнеся двумя пулями две головы.

В тревоге оглядывая залитый солнцем день за пределами крыльца, брызжа слюной, Ральф Коттл заголосил:

— Упертый ты сукин сын! Послушай меня! Ты не слушаешь!

— Я слушаю.

— Более всего на свете он хочет, чтобы все было, как он говорит. Понимаете? — Коттл вновь перешел на «вы». — Может, он не хочет, чтобы вы слышали его голос.

Разумное предположение, если выродок был знакомым Билли.

— А может, он, как и я, не хочет слушать чушь, которую вы несете. Не знаю. Если вы хотите ответить на звонок, чтобы показать, кто у нас босс, и только разозлите его, после чего он разнесет вам башку, мне на это насрать. Но следующая пуля достанется мне, и вы не имеете права выбирать за меня. *Вы не имеете права выбирать за меня!*

Билли точно знал, что рассуждает верно: выродок их не пристрелит.

— Ваши пять минут истекли, — Коттл указал на часы, которые лежали на ограждении террасы. — Даже шесть минут, ему это не понравится.

По правде говоря, Билли не мог знать, что выродок не нажмет на спусковой крючок. Он подозревал, что так и будет, интуиция подсказывала ему, что смерть от пули им не грозит, но он этого *не знал*.

— Ваше время истекло. Прошло семь минут. *Семь минут!* Я уже должен уйти с крыльца, ждать звонка у телефонного аппарата.

В выцветших глазах Коттла стоял дикий страх. В жизни его вроде бы осталась только выпивка да табак, и тем не менее он отчаянно хотел жить.

«*А что еще делать?*» — такими словами он определил свое желание жить.

— Идите, — бросил Билли.

— Что?

— Иди в дом. К телефонному аппарату.

Резко вскочив с кресла-качалки, Коттл выронил открытую бутылку. Нисколько унций виски вылилось из горлышка.

Коттл не наклонился, чтобы спасти остатки драгоценной влаги. Более того, так спешил к открытой двери в дом, что пнул бутылку, и она, вращаясь, заскользила по полу крыльца.

На пороге Коттл обернулся.

— Я не знаю, как скоро он позвонит.

— Вы просто запомните, что он скажет, — наказал ему Бидли. — *Точно* запомните каждое слово.

— Хорошо, сэр. Запомню.

— И все интонации. Вы запомните каждое слово и *как он его произнесет*, а потом расскажете мне.

— Да, мистер Уайлс. Каждое слово, — пообещал Коттл и вошел в дом.

Билли остался на крыльце один. Возможно, в перекрестье оптического прицела.

Глава 24

Три бабочки, воздушные гейши, танцую, залетели в тень крыльца. Их шелковистые кимоно сверкали яркими цветами, застенчивые, как лица, скрытые за веерами ручной росписи. И тут же они улетели в яркий свет.

Представление.

Возможно, это слово и охарактеризует убийцу, позволит найти объяснение его действиям, а объяснение сможет открыть его ахиллесову пяту?

Согласно Ральфу Коттлу, выродок назвал убийство женщины и лишение ее лица «вторым актом» одного из его «лучших представлений».

Предположив, что этот подонки воспринимает убийство прежде всего как захватывающую игру, Билли ошибся. Возможно, спорт и играл тут какую-то роль, но желание позабавиться, пусть и в столь извращенном виде, не являлось ведущим мотивом.

Билли не знал, как истолковать слово «*представление*». Может, для его Немезиды весь мир был сценой, реальность — фальшивкой, окружающий мир — выдумкой.

Как такой взгляд мог объяснить асоциальное поведение (или предсказать его), Билли не знал, не имел ни малейшего понятия.

Немезида представляла собой аномальный образ мышления. Немезидой назывался

враг, победить которого невозможно. Нет, этого врага следовало называть «противником». Билли еще не потерял надежды.

С открытой парадной дверью телефонный звонок долетел бы и до крыльца. Пока Билли его не слышал.

Неспешно покачиваясь в кресле, не для того, чтобы усложнить задачу снайперу, нет, чтобы скрыть тревогу и не дать ему возможности увидеть ее на своем лице, Билли сначала внимательно изучал ближайший к крыльцу калифорнийский дуб, потом перевел взгляд на растущий рядом.

Оба были очень старые, с широченными стволами, раскидистыми кронами. И стволы, и ветви в ярком солнечном свете выглядели черными.

В такой кроне снайпер без труда мог найти удобное место и для себя, и для треноги своей винтовки.

Расстояние до двух соседских домов, которые находились ниже по склону, один на этой же стороне шоссе, второй — на противоположной, не превышало тысячи ярдов. Если хозяева были на работе, выродок мог вломиться в один из домов и устроить огневую позицию, скажем, в окне спальни.

Представление.

Из всех своих знакомых Билли мог назвать только одного человека, к которому это слово имело хоть какое-то отношение: Стива Зиллиса. Для него таверна была сценой.

Но логично ли предполагать, что этот выродок, зловещий серийный убийца, не просто убивающий своих жертв, а наслаждающийся их предсмертными мучениями, скрывался под личиной бармена, который получал удовольствие от завязывания языком узлов на черенках вишен или от анекдотов о тупых блондинках?

Билли то и дело поглядывал на наручные часы. По-прежнему лежащие на ограждении крыльца.

Три минуты ожидания его не смутили, четыре тоже. Но прошло уже пять, и Билли счел, что это перебор.

Начал подниматься с кресла-качалки, но тут же в голове зазвучал голос Коттла: *«Вы не имеете права выбирать за меня!»* — и груз ответственности усадил его на прежнее место.

Поскольку Билли продержал Коттла на крыльце больше положенных пяти минут, выродок мог ответить тем же, заставить их ждать, играя на нервах, дать им знать, что негоже нарушать установленные им правила.

Эта мысль успокоила Билли на минуту. Но тут же на смену пришла другая, более зловещая.

Поскольку Коттл не вошел в дом через пять минут, поскольку Билли задержал его на две или три минуты, убийца истолковал нарушение установленного срока как отказ Билли выбрать жертву, что соответствовало действительности.

Исходя из такого предположения выродок решил, что нет смысла звонить Ральфу Коттлу. И в этот момент он уже подхватил винтовку и уходит или из леса, или из одного из домов, расположенных ниже по склону.

Если он выбрал жертву заранее, до того, как получил ответ Билли, а он наверняка так и сделал, то теперь, возможно, он уже приступил к подготовке задуманного злодеяния.

Из всех людей в жизни Билли самым важным человеком, конечно же, была Барбара, совершенно беспомощная, лежащая в «Шепчущихся соснах».

Билли не мог сказать, откуда у него такая уверенность, но каким-то шестым чувством осознавал, что в этой странной драме еще не отыгран первый из трех актов. Его жуткий антагонист пока далек от того, чтобы перейти к завершающей сцене, а потому в настоящий момент непосредственная опасность Барбаре еще не грозила.

Если выродок что-то знал о человеке, которого сделал главным объектом мучений (а судя по всему, знал он много), он не мог не понимать, что со смертью Барбары борьба станет для Билли бессмысленной. Соппротивление составляло квинтэссенцию драмы. Конфликт. Без Билли второй акт не состоялся бы, не говоря уже о третьем.

Что от него требовалось, так это принять меры по защите Барбары. Как ее защитить, он пока не знал, но, с другой стороны, у него было время подумать.

Если он ошибался, если Барбара будет следующей жертвой, тогда этому миру предстояло на короткое время стать чистилищем, из которого он проследовал бы в отведенное ему место в аду.

С того момента, как Коттл ушел в дом, прошло семь минут, и секунды продолжали бежать.

Билли поднялся с кресла-качалки. Ноги держали его с трудом.

Он достал револьвер из жестянки из-под крекеров. Его не волновало, увидит пьяница оружие или нет.

С порога позвал:

— Коттл? — Не получив ответа, позвал вновь: — Коттл, черт бы тебя побрал!

Вошел в дом, пересек гостиную, добрался до кухни.

Никакого Коттла. Дверь во двор открыта, а Билли помнил, что оставил ее закрытой и запертой.

Он вышел на заднее крыльцо. Никакого Коттла, ни на крыльце, ни во дворе.

Телефон не зазвонил, однако Коттл ушел. Может, воспринял молчащий телефонный аппарат как свидетельство неудачи своей миссии. Запаниковал и убежал.

Вернувшись в дом, закрыв за собой дверь, Билли оглядел кухню в поисках того, что пропало. Он понятия не имел, что именно могло пропасть.

Вроде бы все стояло на привычных местах.

Неопределенность уступила место предчувствию дурного, которое переросло в подозрительность. Коттл должен был что-то взять, что-то принести, что-то сделать.

Переходя из кухни в гостиную, из гостиной в кабинет, Билли не замечал ничего необычного, пока не добрался до ванной, где и нашел Ральфа Коттла. Мертвого.

Глава 25

Яркий свет флуоресцентных ламп покрыл изморозью открытые глаза Коттла.

Пьяница сидел на опущенной крышке сиденья, привалившись спиной к сливному бачку. Голова запрокинулась назад, челюсть отвалилась. Желтые зубы обрамляли светло-розовый, покрытый глубокими бороздами (то ли от обезвоживания, то ли от чрезмерного потребления спиртного) язык.

Билли застыл, не в силах вдохнуть, словно пораженный громом. Потом попятился из ванной в коридор, таращась на труп через дверной проем.

Назад он подался не из-за запаха. Умирая, Коттл не обмочился, не навалил в штаны. Он остался неухоженным, но не грязным, единственное, чем он, похоже, гордился.

Просто в ванной Билли не мог дышать, словно весь воздух высосало из этого маленького помещения и бедолагу убили в вакууме, который грозил задушить и хозяина дома.

В коридоре он смог набрать в грудь воздуха. Смог начать думать.

Впервые заметил рукоятку ножа, который пригвоздил мятый и поношенный костюм Коттла к телу. Ярочно-желтую рукоятку.

Лезвие вонзили на всю длину, в левую половину груди, между ребрами. Острие пробило сердце, но через спину не вышло.

Билли знал, что длина лезвия шесть дюймов. Нож с желтой рукояткой принадлежал ему. Он держал его в «Наборе рыбака» в гараже. Это был рыбный нож, остро заточенный, предназначенный для того, чтобы вспарывать брюхо окуням и разделять форель.

Убийца не укрывался в лесу, на лугу или в соседском доме, не наблюдал на них в оптический прицел снайперской винтовки. То была ложь, но пьяница в нее поверил.

Когда Коттл подходил к переднему крыльцу, выродок, должно быть, вошел в дом через

заднюю дверь. И пока Билли и его гость сидели в креслах— качалках, их противник находился в доме, в каких-то нескольких футах от них.

Билли отказался назвать следующую жертву. Убийца, как и обещал, сам сделал выбор, причем очень быстро.

И хотя до этого дня Билли знать не знал Коттла, ныне тот точно вошел в его жизнь. И в его дом. Мертвым.

Менее чем за полтора дня, всего лишь за сорок один час, были убиты три человека. И все равно Билли представлялось, что это только первый акт, возможно, конец первого акта, но интуиция подсказывала ему, что впереди еще много изменений, и изменений существенных.

При каждом повороте событий он вроде бы поступал наиболее благоразумно и осторожно, особенно с учетом своего прошлого.

Но его благоразумие и осторожность играли только на руку убийце. Час за часом Билли Уайлса уносило все дальше от безопасного берега.

В Напе, в доме, где убили Гизель Уинслоу, могли обнаружиться компрометирующие его улики. Волосы с фильтра сливного отверстия душевой кабины. И что-то еще, пусть он и не знал, что именно.

Не вызывало сомнений, что аналогичные улики отыщутся и в доме Лэнни Олсена. Впервые, на фотографии-закладке в книге, оставшейся на коленях покойника, несомненно, изображалась Уинслоу, и фотография эта являлась связующим звеном обоих преступлений.

А теперь еще в ванной его дома лежал, точнее, сидел труп, и убили этого человека ножом, который принадлежал ему, Билли.

В разгар лета Билли словно очутился на ледяном склоне, нижняя часть которого пряталась в холодном тумане. Пока он стоял на ногах, но подошвы у него скользили, и он набирал скорость, понимая, что в любую секунду может потерять равновесие и покатиться вниз.

Поначалу одного вида трупа Коттла хватило, чтобы он превратился в камень, как физически, так и эмоционально. Теперь же он представлял себе несколько вариантов дальнейших действий и застыл в нерешительности, не зная, какому отдать предпочтение.

Прежде всего не следовало проявлять поспешность. Нужно было тщательно обдумать каждый из вариантов, попытаться просчитать возможные последствия.

Больше он не мог допускать ошибок. Свобода зависела от его сообразительности и храбрости. Как и выживание.

Вновь войдя в ванную, Билли заметил наконец отсутствие крови. Может, это означало, что Коттла убили в другом месте?

Но, проходя по дому, Билли нигде не обнаружил каких-либо следов борьбы.

Все стало ясно, когда он пригляделся к рукоятке. В том месте, где нож вошел в тело, кровь пропитала коричневый костюм, но размеры пятна были невелики.

По той причине, что убийца покончил с Коттлом одним ударом. Он точно знал, как вонзить нож, чтобы лезвие прошло между ребрами и пробило сердце. Последнее сразу же остановилось, отсюда и минимум кровотока.

Руки Коттла лежали на коленях, нижняя ладонью вверх, словно он умер, аплодируя своему убийце. Более того, между ладонями что-то лежало.

Ухватившись за уголок этого предмета и вытянув его из рук мертвеца, Билли увидел, что это компьютерная дискета, красная, высокой плотности, той же марки, которой пользовался он, когда еще работал на компьютере.

Он пристально всмотрелся в тело, повернулся на триста шестьдесят градусов, оглядывая ванную в поисках каких-нибудь следов, которые мог оставить убийца, случайно или намеренно.

Рано или поздно ему предстояло ознакомиться с содержимым карманов пиджака и брюк Коттла. Дискета давала повод отложить это малоприятное занятие.

В кабинете, положив револьвер и дискету на стол, он снял виниловый чехол с

компьютера, которым не пользовался почти четыре года.

Что странно, от сети он компьютер не отключал. Возможно, этот провод, заканчивающийся штепселем и воткнутый в розетку, символизировал надежду, пусть и очень хрупкую, что Барбара Мандель поправится.

На второй год учебы в колледже, поняв, что знания, которые он там получает, не помогут ему стать писателем, а именно эту профессию он для себя выбрал, Билли бросил учебу. Работал то там, то здесь, в свободное время писал.

В двадцать один год впервые встал за стойку бара. Понял, что это идеальная работа для писателя. Видел материал для историй в каждом посетителе.

Терпеливо возвращая свой талант, он продал два десятка рассказов, хорошо принятых читателями и замеченных критиками, в различные журналы. Когда ему исполнилось двадцать пять, одно из ведущих издательств пожелало издать эти рассказы книгой.

Книга продавалась так себе, зато критики хвалили ее взахлеб, предполагая, что отныне смешивание коктейлей более не будет основной работой Билли.

Когда Барбара вошла в жизнь Билли, она стала его музой. Общение с девушкой, любовь к ней подняли его прозу на более высокий уровень.

Билли написал первый роман, редактору он сразу понравился. С правкой, предложенной редактором, Билли мог управиться за месяц.

А потом он потерял Барбару, которая впала в кому.

Вместе с Барбарой ушло и вдохновение, пусть способность писать и осталась.

Желание, однако, пропало, и воля, интерес к сочинительству тоже. Он более не хотел исследовать вымышленные человеческие жизни, потому что реальность принесла ему слишком жестокие страдания.

Два года издатель и редактор терпеливо ждали. Но месячная работа над рукописью превратилась для него в непосильный труд. Он не смог с ним справиться. Вернул аванс и разорвал контракт.

Включая компьютер, даже для того, чтобы выяснить, что оставил убийца в руках Ральфа Коттла, он чувствовал, что предает Барбару, хотя она такое предположение не одобрила бы, даже высмеяла бы его.

Билли удивился, что компьютер, так долго простоявший в бездействии, сразу ожил. Экран осветился, на нем появился логотип операционной системы, из динамиков раздались несколько нот приветствия.

Билли подумал, что последний раз компьютер использовался не четыре года тому назад. Тот факт, что дискета была той же марки, что и лежащие в ящике, мог трактоваться однозначно: кассета принадлежала ему, и выродок набрал находящееся на ней послание на его клавиатуре.

Как ни странно, от этой мысли его передернуло куда сильнее, чем в тот момент, когда он нашел в ванной труп.

На экране высветилось знакомое меню, пусть Билли давно его не видел. Свои произведения он писал в редакторской программе «Майкрософт Уорд», эту иконку он и кликнул первой.

Выбор оказался правильным. Убийца набрал свое послание в «Уорде», оно загрузилось сразу же.

На дискете были три документа. Прежде чем Билли успел их открыть, зазвонил телефон.

Он решил, что звонит выродок.

Глава 26

Билли взял трубку.

— Алло?

Не выродок. Ему ответила женщина:

— С кем я говорю?

— А с кем говорю я? Вы мне позвонили.

— Билли, вроде бы твой голос. Это Розалин Чен.

Розалин была подружкой Лэнни Олсена. Она работала в управлении шерифа округа Напа. Частенько заглядывала в таверну.

Прежде чем Билли решил, что делать с телом Лэнни, его, должно быть, нашли.

В тот самый момент, когда Билли понял, что не отреагировал, как положено, на ее имя, Розалин спросила:

— Ты в порядке?

— Я? Да, конечно. Все отлично. Жара, правда, сводит с ума.

— Что-то у тебя не так?

Перед его мысленным взором возник труп Ральфа Коттла в ванной, навалилось чувство вины.

— Не так? Нет. А должно быть?

— Это ты только что позвонил и положил трубку, не сказав ни слова?

Недоумение длилось лишь мгновение. Просто он забыл, что делала Розалин в управлении шерифа. А она отвечала на звонки по номеру 911.

Фамилия и адрес каждого звонившего по этому номеру появлялись на ее мониторе, как только она брала трубку.

— А когда это было? — спросил он, быстро соображая, что ответить. — Минуту тому назад?

— Минуту и десять секунд, — ответила Розалин. — Ты...

— Я набрал 911, тогда как хотел позвонить в справочное бюро.

— То есть хотел набрать 411?

— Я и собирался набрать 411, но вместо четверки нажал на девятку. Понял, что сделал, и нажал на рычаг.

Выродок по-прежнему находился в доме. Выродок позвонил по номеру 911. Почему он это сделал, чего пытался этим добиться, Билли не мог себе даже представить, особенно в такой стрессовой ситуации.

— Почему ты не остался на линии и не сказал, что этот звонок — ошибка? — спросила Розалин Чен.

— Знаешь, сразу понял, что ошибся, быстро повесил трубку, думал, соединение не прошло. Глупо, конечно. Извини, Розалин. Я звонил 411.

— Так ты в порядке?

— Я в порядке. Просто эта безумная жара.

— У тебя нет кондиционера?

— Есть, но он сдох.

— Тяжелое дело.

— Не то слово.

Револьвер лежал на столе. Билли схватил его. Выродок в доме!

— Слушай, может, я заскочу в таверну после пяти, — сменила тему Розалин.

— Меня там не будет. Мне нездоровится, вот я и отпросился с работы.

— Вроде бы ты сказал, что все у тебя хорошо.

Так легко загнать себя в ловушку. Ему нужно

было искать незваного гостя, но он понимал, как важно не вызвать подозрений у Розалин.

— Все у меня хорошо. Полный порядок. Немного прихватило живот. Может, летняя простуда. Я лечусь этим гелем для носа.

— Каким гелем?

— Ты знаешь, цинковый гель, выжимаешь его поглубже в нос, и он вышибает из тебя простуду.

— Что-то такое я слышала, — признала она.

— Хорошая штука. Помогает. Мне посоветовал Джекки О'Хара. Обязательно нужно иметь этот гель под рукой.

— Значит, все у тебя в порядке? — взялась Розалин за старое.

— Кроме жары и легкого недомогания, но с этим ничего не поделаешь. Девять-один-один не может вылечить простуду или починить кондиционер. Извини, Розалин. Я чувствую себя идиотом.

— Да ладно. Половина звонков сюда не имеет ничего общего с чем-то чрезвычайным.

— Правда?

— Люди звонят, потому что кошка залезла на дерево, у соседей слишком шумная вечеринка, по разным пустякам.

— На душе у меня сразу стало легче. Значит, в квартале я не самый большой идиот.

— Береги себя, Билли.

— Буду стараться. И ты тоже. Береги себя.

— Пока, — и она оборвала связь.

Билли положил трубку и поднялся со стула.

Пока он смотрел на труп в ванной, выродок вернулся в дом. А может, никуда он и не уходил, спрятался в чулане или в каком-то другом месте, которое Билли не проверил.

Нервы у этого типа крепкие. Просто железные. Он знал о револьвере калибра 0,38 дюйма, но вернулся в дом и позвонил по номеру 911, когда Билли снимал виниловый чехол с компьютера.

Выродок по-прежнему мог быть в доме. Делая что? Что-то делая.

Билли направился к двери в кабинет, которую оставил открытой. Переступил порог, держа револьвер обеими руками. Нацелил его налево. Потом направо.

Выродка в коридоре не было. Он находился где-то еще.

Глава 27

Хотя часы Билли остались на ограждении террасы, он знал, что время бежит с той же скоростью, с какой вода утекает сквозь сито.

В спальне он сдвинул одну из дверей стенового шкафа. Никого.

Зазор между полом и кроватью показался Билли слишком узким. Никто не стал бы прятаться под кроватью, потому что быстро выбраться из-под нее не представлялось возможным. И это укрытие могло превратиться в ловушку. Опять же покрывало не заслоняло щель между кроватью и полом.

Билли решил, что заглядывать под кровать — пустая трата времени, и направился к двери. Вернулся к кровати, опустился на колено, заглянул. Впустую потратил время.

Выродок ушел. Да, конечно, он был безумцем, но ему хватило ума для того, чтобы не остаться здесь после того, как он позвонил по номеру 911 и положил трубку, не сказав ни слова.

Выйдя в коридор, Билли поспешил к ванной. Котл в полном одиночестве сидел на крышке сиденья унитаза.

Занавеска ванны была отдернута. Будь она задернута, именно за ней следовало бы искать выродка.

В большом чулане, дверь которого выходила в коридор, стоял котел-обогреватель. Там никто спрятаться не мог.

Гостиная. Открытое пространство, с порога можно обозреть все.

Чулан на кухне, маленький, узкий, для щеток. Никто в него не забился.

Рывком Билли открыл дверь в кладовую. Консервы, пакеты с макаронами, бутылки соусов, другие домашние припасы. Взрослому человеку спрятаться негде.

Вернувшись в гостиную, он засунул револьвер под диванную подушку. Визуально

заметить его не представлялось возможным, но если бы кто сел на подушку, сразу почувствовал бы что-то твердое.

Дверь с переднего крыльца он оставил открытой. Приглашение. Прежде чем вновь поспешить к ванной, дверь Билли запер.

Коттл сидел в той же позе, запрокинув голову, с отвисшей челюстью, и руки на коленях лежали так, словно он кому-то аплодировал, а может, при этом пел сам, хорошо проводя время.

Нож закрипел по кости, когда Билли вытащил его из раны. Лезвие пятнала кровь.

Несколькими бумажными салфетками, достав их из коробки, которая стояла на столике у раковины, Билли тщательно вытер лезвие. Потом скатал салфетки в комок и положил на крышку бачка.

Сложил нож, убрав лезвие в прорезь в желтой ручке, и положил на столик у раковины.

Когда Билли чуть повернул труп, голова покойника наклонилась вперед, и с губ сорвался выдох, словно Коттл умер на вдохе и воздух этот только сейчас смог выйти из груди.

Билли подхватил труп под мышки. Стараясь не прикасаться к кровавому пятну на костюме, стащил с унитаза.

С алкогольной диетой весил Коттл не больше подростка. И все равно тащить его было не так-то легко: ноги за все цеплялись.

К счастью, до трупного окоченения дело еще не дошло, так что и тело, и конечности Коттла оставались податливыми.

Пятясь, Билли выволок тело из ванной. Каблуки теннисных туфель поскрипывали, двигаясь по керамическим плиткам пола.

Скрип этот продолжался и на паркете коридора и кабинета, где Билли положил труп на пол у стола.

Он тяжело дышал, не столько от напряжения, сколько от волнения.

Время мчалось вперед, как речная вода на подходе к водопаду.

Откатив от стола стул на колесиках, Билли запихнул труп в нишу между тумбами. Согнул Коттлу ноги, чтобы он там уместился.

Поставил стул перед компьютером, задвинул Коттла в самую глубину ниши.

Стол был большим, ниша — глубокой, с противоположной стороны закрывалась панелью. Труп мог увидеть только тот, кто, войдя в кабинет, обошел бы стол и заглянул в нишу между тумбами.

Да и тогда мог бы ничего не заметить, потому что мешал стул.

Помочь могли и тени. Билли выключил люстру, оставил только настольную лампу.

Вернувшись в ванную, он увидел на полу пятно крови. Его не было до того, как он сдвинул Коттла с места.

Сердце, словно необъезженная лошадь, било копытами по грудной клетке.

Одна ошибка. Если он допустит здесь только одну ошибку, ему конец.

Что-то произошло с его восприятием времени. Он *знал*, что прошло лишь несколько минут с того момента, как он начал обыскивать дом, но ему казалось, что пролетело уже как минимум десять минут, может, и все пятнадцать.

Как же ему не хватало наручных часов. Но он не решался потратить драгоценные секунды на то, чтобы забрать их с ограждения крыльца.

Оторвав длинную полоску туалетной бумаги, Билли скомкал ее и вытер кровь с пола. Плитки очистились, но разница в цвете запачканного кровью участка осталась. Только казалось, что это пятно от ржавчины, не от крови. Во всяком случае, Билли хотелось в это верить.

Он бросил в унитаз грязную туалетную бумагу и комок из бумажных салфеток, которыми вытирал лезвие ножа. Спустил воду.

Орудие убийства лежало на столике у раковины. Билли убрал его в глубину одной из полок, за флаконы с лосьоном после бритья и кремом от загара.

Закрывл дверцу полки с такой силой, что она гроыхнула, как пистолетный выстрел, и Билли понял, что должен взять себя в руки.

«Учить нас заботиться, но не суетиться».

Он сказал себе, что будет спокойнее, постоянно помня о своей истинной цели. Его истинная цель — не бесконечный цикл идей и действий, не сохранение собственной свободы и даже жизни. Он должен жить, чтобы жила она, беспомощная, но находящаяся в безопасности, беспомощная, но спящая и видящая сны, огражденная от людского зла.

Он был полым человеком[12]. Часто доказывал себе эту истину.

Перед лицом страданий ему не хватило силы воли защитить свой дар. Он отверг его, и не один раз, многократно, потому что такой дар, как тот, что был у него, предлагается многократно и не реализуется лишь в том случае, когда многократно же и отвергается.

В страданиях его смирила ограниченность словарного запаса, чего и следовало ожидать. Но эта ограниченность также победила его, а вот этого он бы как раз мог и избежать.

Он был полым человеком. Не находил в себе возможности заботиться о многих, не открывал душу любому соседу, не отделяя их друг от друга. Сила сострадания в нем была лишь способностью, и ее потенциал, похоже, ограничивался заботой об одной женщине.

Полагая себя полым человеком, Билли думал, что он — слабак, может, не такой слабак, как Ральф Коттл, но далеко не силач. У него похолодело внутри, но он не удивился, когда этот алкоголик сказал ему: *«Я вижу, что в какой-то степени вы такой же, как я».*

Эта спящая, ее безопасность и ее сны, были его истинной целью и единственной надеждой на искупление грехов. Ради этого он должен был заботиться, но не должен был суетиться.

В какой-то степени успокоившись, по сравнению с тем Билли, который с треском захлопнул дверцу, он еще раз оглядел ванную. И не заметил следов преступления.

Но время по-прежнему являло собой бурную реку, стремительно вращающееся колесо.

Торопливо, но полностью контролируя свои действия, концентрируясь на том, что в данный момент более всего его интересовало, Билли прошел тем маршрутом, по которому тащил тело. Искал он пятна крови вроде того, что обнаружилось в ванной. Не нашел ни одного.

Сомневаясь в себе, быстро заглянул в спальню, гостиную, кухню, стараясь смотреть на все глазами подозрительного копа.

Оставалось только привести все в порядок на переднем крыльце. Это дело он оставил напоследок, полагая, что прежде всего нужно разобраться с трупом.

На случай, если он не успеет заняться передним крыльцом, Билли достал из буфета на кухне бутылку бурбона, которым в понедельник вечером сдабривал «Гиннесс». Глотнул прямо из горла.

Но не проглотил, а принялся полоскать виски рот, словно зубным эликсиром. Алкоголь обжигал десны, язык, внутренние поверхности щек.

Бурбон он выплюнул в раковину, прежде чем вспомнил, что нужно прополоскать и горло.

Вновь сделал глоток, второй раз прополоскал рот, но теперь уже не оставил без внимания и горло.

И только успел выплюнуть бурбон в раковину, как раздался ожидаемый стук в дверь, громкий и властный.

Возможно, прошло четыре минуты после разговора с Розалин Чен. Может, пять. А казалось, что минул час. Казалось, десять секунд.

Под этот стук Билли пустил холодную воду, чтобы смыть запах виски с раковины.

В тишине, последовавшей после стука, наворачнул крышку на горлышко и убрал бутылку в буфет.

Вернулся к раковине, чтобы закрыть воду, когда стук повторился.

Ответ на первый стук говорил бы о том, что его что-то тревожит. Дождаться третьего

стука тоже не следовало: наводило на мысль, что он хотел вообще не открывать дверь.

Пересекая гостиную, Билли подумал о том, что надо бы посмотреть на руки. Крови на них не увидел.

Глава 28

Открыв парадную дверь, Билли увидел помощника шерифа, который стоял в трех шагах от порога и чуть сбоку. Правая рука копа лежала на рукоятке пистолета. Кобура висела на бедре, и рука просто лежала на рукоятке, вроде бы и не собираясь вытаскивать пистолет из кобуры. Может же человек стоять, положив руку на бедро.

Билли надеялся, что коп попадется из знакомых. Ошибся.

На нагрудной бляхе прочитал: «Сержант В. Наполитино».

В сорок шесть лет Лэнни Олсен оставался с тем же званием, какое ему присвоили при поступлении на службу в куда более юном возрасте.

А вот В. Наполитино в двадцать с небольшим повысили до сержанта. Умный и решительный взгляд его ясных глаз говорил о том, что к двадцати пяти годам он станет лейтенантом, к тридцати — капитаном, к тридцати пяти — командером и еще до сорока займет кресло начальника полиции.

Билли предпочел бы иметь дело с толстым, безалаберным, замотанным службой, циничным полицейским. Может, это был один из тех дней, когда следовало держаться подальше от рулетки: при каждой ставке на черное выигрыш выпадал на красное число.

— Мистер Уайлс?

— Да. Это я.

— Уильям Уайлс?

— Билли, да.

Сержант Наполитино делил свое внимание между Билли и гостиной у него за спиной.

Лицо сержанта оставалось бесстрастным. И глаза не выражали ни предчувствия дурного, ни беспокойства, только настороженность.

— Мистер Уайлс, вас не затруднит пройти к моему автомобилю?

Патрульная машина стояла на подъездной дорожке.

— Вы хотите, чтобы я сел в кабину?

— В этом нет необходимости, сэр. Я прошу вас подойти к машине на минуту или две, ничего больше.

— Конечно, — кивнул Билли. — Почему нет?

Вторая патрульная машина свернула с шоссе на подъездную дорожку, остановилась в десяти футах от первой.

Когда Билли протянул руку, чтобы закрыть парадную дверь, сержант Наполитино его остановил:

— Почему бы не оставить дверь открытой, сэр.

В голосе сержанта не слышалось вопросительных интонаций. Билли оставил дверь открытой.

Наполитино определенно хотел, чтобы к патрульной машине Билли шел первым.

Билли переступил через плоскую бутылку, лужицу разлитого виски.

Хотя разлилось виски минут пятнадцать тому назад, половина уже испарилась. Так что крыльцо благоухало «Сигрэмом».

Билли спустился с лестницы на лужайку. Не стал изображать нетвердую походку. Ему не хватило бы актерского мастерства сыграть пьяного, и любая такая попытка могла вызвать сомнения в его искренности.

Он решил положиться только на запах спиртного изо рта, предполагая, что этого вполне хватит для подтверждения истории, которую он собирался рассказать.

Коп, который выбрался из второй патрульной машины, Билли узнал. Сэм Собецки.

Тоже сержант, но лет на пять старше Наполитино.

Собецки время от времени бывал в таверне, обычно с женщиной. Приходил главным образом, чтобы поесть, а не выпить, ограничивался максимум двумя стаканами пива.

Друзьями с Билли они не были. Но один знакомый все же лучше, чем иметь дело с двумя незнакомцами.

Уже на лужайке Билли оглянулся, чтобы посмотреть на дом.

Наполитино все еще оставался на крыльце. А потом подошел к лестнице и начал спускаться так, чтобы не повернуться спиной к открытой двери и окнам.

Подойдя к Билли, повел его вокруг патрульной машины, чтобы последняя оказалась между ними и домом.

Тут к ним присоединился и сержант Собецки.

— Привет, Билли.

— Сержант Собецки. Добрый день.

Бармена все зовут по имени. В некоторых случаях ты знаешь, что от тебя ждут того же. На этот раз случай был другим.

— Вчера у вас был день «чили», а я забыл, — добавил сержант Собецки.

— Бен готовит лучший «чили», — ответил Билли.

— Бен — бог «чили», — согласился с ним сержант Собецки.

Автомобиль притягивал солнце, нагревая окружающий воздух, а прикосновение к крыше, несомненно, привело бы к ожогу.

Поскольку Наполитино прибыл первым, он и взял инициативу на себя:

— Мистер Уайлс, вы в порядке?

— Конечно. В полном. Все дело в моей ошибке, так?

— Вы позвонили по номеру 911, — напомнил Наполитино.

— Я хотел позвонить по номеру 411. Объяснил все Розалин Чен.

— Не объяснили, пока она не перезвонила вам.

— Я положил трубку, подумав, что соединения еще не было.

— Мистер Уайлс, вам кто-то угрожал?

— Угрожал? Да нет же. Вы спрашиваете, не приставлял ли кто дуло пистолета к моему виску, когда я разговаривал с Розалин? Ну, что вы. Откуда такие мысли? Вы уж извините, я знаю, что такое случается, но не со мной.

Билли предостерег себя: ответы должны быть короткими. Длинные могут принять за нервное лопотание.

— Вы сказали больным и не пошли на работу? — спросил Наполитино.

— Да, — Билли скорчил гримасу, но не так уж драматично, поднес руку к животу. — Схватило желудок.

Он надеялся, что они унюхают, чем от него пахнет. Сам-то он улавливал запах виски. Если этот запах не укроется и от них, они могли бы подумать, что боль в животе — слабая попытка скрыть тот факт, что накануне он сильно набрался и еще не пришел в себя.

— Мистер Уайлс, здесь еще кто-нибудь живет?

— Никто. Только я. Живу один.

— Сейчас в доме кто-нибудь есть?

— Нет. Никого.

— Ни подруги или родственника?

— Никого. Нет даже собаки. Иногда я думаю о том, чтобы завести собаку, но на этом все и заканчивается.

Взгляд темных глаз Наполитино ничем не отличался от скальпеля.

— Сэр, если в доме какой-нибудь плохой человек...

— Нет там плохого человека, — заверил его Билли.

— Если кого-то из ваших близких держат сейчас на мушке, лучший для вас вариант — сказать мне об этом.

— Разумеется. Я это знаю. Кто не знает?

Билли мутило от жара, идущего от накаленного солнцем автомобиля. Он буквально чувствовал, как его лицо превращается в сплошной ожог. Но обоим сержантам горячий воздух не доставлял никаких неудобств.

— В состоянии стресса запуганные люди принимают неправильные решения, Билли, — поддержал коллегу Собецки.

— Господи Иисусе, я действительно показал себя полным идиотом, положив трубку после того, как набрал 911, о чем и сказал Розалин.

— Что вы ей сказали? — спросил Наполитино.

Билли не сомневался, что в общих чертах они прекрасно знали, что он ей сказал. Сам он мог повторить разговор с Розалин слово в слово, но надеялся убедить копов, что слишком много выпил, чтобы точно помнить, каким образом попал в столь нелепое положение.

— Что бы я ей ни сказал, должно быть, это была глупость, раз уж она решила, что кто-то на меня давит. Принуждение. Это же надо. По-дурацки все вышло.

Он покачал головой, удивляясь собственной глупости, сухо рассмеялся, вновь покачал головой.

Сержанты молча наблюдали за ним.

— В доме никого нет, кроме меня. Никто сюда давно уже не приходил. Никого здесь нет, кроме меня. Я предпочитаю держаться особняком, такой уж я человек.

Он решил, что достаточно. И так слишком близко подошел к нервному лопотанию.

Если они знали о Барбаре, то знали о его образе жизни. Если не знали, Розалин наверняка ввела их в курс дела.

Он рискнул сказать им, что сюда давно уже никто не приходил. Правда это была или нет, он чувствовал, что должен указать: по образу жизни он — затворник.

Если кто-нибудь в соседских домах, расположенных ниже по склону, видел, как Ральф Коттл шел по подъездной дорожке или сидел на крыльце, а сержанты решили бы опросить соседей. Билли поймали бы на лжи.

— Что случилось с вашим лбом? — спросил Наполитино.

До этого момента Билли и думать забыл о ранках от рыболовных крючков, но стоило сержанту задать вопрос, как во лбу запульсировала тупая боль.

Глава 29

— Разве это не повязка? — настаивал сержант Неполитино.

Хотя густые волосы Билли и падали на лоб, они не могли полностью скрыть марлевую салфетку и липкую ленту.

— Несчастный случай с циркулярной пилой, — ответил Билли, приятно удивившись, с какой легкостью нашелся с ответом.

— Похоже, что-то серьезное, — вставил сержант Собецки.

— Нет. Пустяки. В гараже у меня столярная мастерская. В доме все работы по дереву я делаю сам. Вчера вечером я там что-то мастерил, мне потребовалось распилить доску, а в ней попался сучок. Пила сучок размолотила, и несколько щепочек отскочили мне в лоб.

— Так можно потерять глаз, — обеспокоился Собецки.

— Я был в защитных очках. В столярной мастерской я всегда работаю в защитных очках.

— Вы съездили к врачу? — спросил Наполитино.

— Нет. Не было никакой необходимости. Занозы я вытаскивал пинцетом. Черт, повязка мне потребовалась только потому, что я причинил себе больше вреда, вытаскивая занозы пинцетом. Иной раз только загонял их глубже.

— Так можно занести инфекцию.

— Я промыл ранки спиртом, потом перекисью водорода, намазал «Неоспорином». Все будет нормально. Такое, знаете ли, случается.

Билли видел, что его объяснения их устроили. По его тону не чувствовалось, что кто-то каким-то образом вынуждает его так говорить, не чувствовалось, что он решает какую-то проблему жизни и смерти.

Солнце напоминало топку, жар, идущий от автомобиля, буквально поджаривал его, но он держался спокойно и уверенно. И когда допрос стал более агрессивным, не сразу уловил перемену.

— Мистер Уайлс, — спросил Наполитино, — а зачем вы звонили в справочную?

— Я — что?

— После того как вы ошибочно набрали 911 и положили трубку, вы позвонили в справочную, как и собирались?

— Нет, я с минуту сидел и думал, что же я наделал.

— Вы целую минуту сидели и думали о том, что случайно набрали номер 911?

— Ну, может, не целую минуту. Не знаю, сколько я сидел. Главное, не хотел вновь допустить ту же ошибку. Неважно себя чувствовал. Я же говорил, прихватило живот. А потом позвонила Розалин.

— Она перезвонила вам до того, как вы набрали 411?

— Совершенно верно.

— И после разговора с оператором, принимающим звонки по номеру 911...

— Розалин.

— Да. После разговора с ней вы позвонили по номеру 411?

Звонки по номеру 411 были платные. Телефонная компания потом присьшала отдельный счет. Если бы он позвонил по этому номеру, в телефонной компании осталась бы соответствующая информация.

— Нет, — ответил Билли. — Я почувствовал себя таким идиотом. И понял, что нужно выпить.

Фраза о выпивке легко и непринужденно слетела с языка, словно он и не пытался убедить их в том, что принял на грудь лишнее. Даже для него собственные слова прозвучали убедительно.

— И какой телефонный номер вы хотели узнать в справочной? — спросил Наполитино.

Вот тут Билли осознал, что вопросы копов более не связаны с его благополучием и безопасностью.

В голосе Наполитино явственно чувствовалась неприязнь.

Билли спросил себя, стоит ли ему открыто признать, что изменение настроения копов для него не тайна, и спросить, чем это вызвано. Ему не хотелось, чтобы копы видели в нем виновного.

— Стива. Мне требовался телефонный номер Стива Зиллиса.

— Он...

— Он — бармен в таверне.

— Подменяет вас, когда вы болеете? — спросил Наполитино.

— Нет. Он работает во вторую смену. А в чем дело?

— Зачем вы хотели позвонить ему?

— Хотел предупредить, что я сегодня не вышел на работу, так что ему первым делом придется наводить за стойкой порядок, потому что Джекки сегодня работает один.

— Джекки? — переспросил Наполитино.

— Джекки О'Хара. Хозяин таверны. Он меня подменяет. С аккуратностью у него не очень. Все проливает, бутылки не ставит на место, так что бармену второй смены нужно как минимум пятнадцать минут, чтобы подготовиться к нормальной работе.

Всякий раз, когда Билли давал обстоятельный ответ, он чувствовал, как в голос проникает дрожь. И не думал, что это игра воображения. Не сомневался, что сержанты тоже слышали эту дрожь.

Может, у всех так звучал голос после продолжительного общения с копами. Может, ничего удивительного в этом и не было. Обычное дело.

А вот активная жестикуляция не была обычным делом, особенно для Билли. По ходу своих обстоятельных ответов он очень уж размахивал руками, не мог взять их под контроль.

В итоге, как бы невзначай, он сунул руки в карманы брюк. В каждом кармане обнаружил по три патрона калибра 0,38 дюйма.

— Так вы хотели предупредить Стива Зиллиса о том, чтобы он готовился наводить порядок за стойкой, — уточнил Наполитино.

— Совершенно верно.

— Вы не знаете телефонного номера мистера Зиллиса.

— Мне нет необходимости часто ему звонить.

Невинные вопросы и ответы закончились. Они еще не вышли на стадию допроса, но достаточно быстро к ней приближались.

Билли не понимал, чем это вызвано, разве что его ответы и поведение чем-то показались копам подозрительными.

— Разве телефона мистера Зиллиса нет в справочнике?

— Полагаю, что есть, но иногда проще набрать 411.

— Если только при этом четверка не становится девяткой, — заметил Наполитино.

Билли решил, что лучше промолчать, чем вновь называть себя идиотом, как он делал ранее.

Если бы их подозрительность возросла и они решили обыскать его, то нашли бы патроны, даже похлопав по карманам.

И ему оставалось только гадать, сможет ли он придумать убедительную ложь, объясняющую, с какой стати у него в карманах патроны. Пока в голову ничего путного не приходило.

Но он не мог поверить, что до этого дойдет. Сержанты приехали сюда, опасаясь, что ему может грозить опасность. Если следовало лишь убедить их, что у него все хорошо, они, конечно, уже уехали бы.

Что-то из сказанного им (или не сказанного) заставило их засомневаться в его искренности. Так что теперь ему нужно найти правильные слова, магические слова, и сержанты уедут.

Здесь и теперь он вновь столкнулся с ограниченностью словарного запаса.

И хотя реальность изменения отношения Наполитино вроде бы сомнений не вызывала, какая-то часть Билли утверждала, что все это выдумки, плод разыгравшегося воображения. В стремлении скрыть собственную озабоченность он утратил адекватность восприятия, где-то стал параноиком.

Он дал себе совет не суетиться. Не дергаться.

— Мистер Уайлс, вы абсолютно уверены, что именно вы набирали номер 911?

Хотя Билли хорошо расслышал вопрос, его смысл тем не менее остался ему непонятен. Он не мог взять в толк, что стоит за этим вопросом, и, учитывая все то, что он им рассказал, Билли не знал, какого ждут от него ответа.

— Возможно ли, что кто-то другой, находящийся в вашем доме, набрал номер 911? — гнул свое Наполитино.

На мгновение Билли подумал, что они знали о выродке, но потом *понял*. Все понял.

Вопрос сержанта Наполитино укладывался в стандартную полицейскую логику. Он хотел узнать у Билли следующее: *«Мистер Уайлс, вы угрозами держите в доме женщину, а когда ей удалось освободиться на несколько мгновений и она успела набрать 911, вы вырвали трубку у нее из руки и бросили на рычаг в надежде, что соединения не было?»*

Однако, чтобы задать столь прямой вопрос, Наполитино сначала пришлось бы сообщить Билли о его конституционном праве молчать и отвечать на дальнейшие вопросы в присутствии адвоката.

Билли Уайлс стал подозреваемым.

Уже стоял на краю пропасти.

Никогда раньше Билли не приходилось столь лихорадочно перебирать варианты,

рассматривая все «за» и «против», отдавая себе отчет в том, что каждая секунда промедления с ответом усугубляет его вину.

К счастью, ему не пришлось имитировать изумление. Челюсть отвисла сама по себе.

Не доверяя своей способности убедительно изобразить злость или даже негодование, Билли вместо этого сыграл искреннее удивление: Господи, вы же не думаете?... Вы *думаете*, что я... Святой Боже. Да я последний из тех, кого можно принять за Ганнибала Лектера.

Наполитино ничего не сказал.

Как и Собецки.

Но они оба пристально смотрели на него.

— Разумеется, вы должны рассматривать такую возможность, — пожал плечами Билли.
— Я понимаю. Да. Все правильно. Пройдите в дом, если хотите. Посмотрите сами.

— Мистер Уайлс, вы предлагаете нам обыскать ваш дом на тот случай, что там могут быть посторонние или кто-то еще?

Его пальцы сжимали патроны, а перед мысленным взором возник труп Коттла, едва различимый в нише между тумбами стола.

— Ищите, кого хотите, — весело ответил он, словно теперь до него окончательно дошло, что требуется копам. — Валяйте.

— Мистер Уайлс, я не прошу у вас разрешения обыскать ваш дом. Вы это понимаете?

— Конечно. Сам знаю. Все нормально. Прошу в дом.

Если копов приглашали зайти, любые вещественные улики, найденные ими, могли представляться в суд. Если они входили без приглашения, без ордера на обыск, только на основании подозрений, что в доме находился человек, которому грозила опасность, суд отмел бы такие улики.

Сержанты могли оценить добровольное желание Билли сотрудничать с полицией как признак невиновности.

Он настолько расслабился, что вытащил руки из карманов.

Если он настолько открыт, расслаблен, готов всячески им помогать, они могли решить, что ему нечего скрывать. Могли даже уехать, не обыскав дом.

Наполитино глянул на Собецки, тот кивнул.

— Мистер Уайлс, раз уж вы считаете, что будет лучше, если я загляну в дом, тогда я быстренько пройдусь по нему.

Сержант Наполитино обошел патрульную машину спереди и направился к крыльцу, оставив Билли с Собецки.

Глава 30

Кто-то сказал, возможно, Шекспир, возможно О. Джи Симпсон[13], что вина проявляет себя из страха проявиться. Билли не мог точно вспомнить, кто так точно облек эту мысль в слова, но теперь остро чувствовал на себе истинность этого афоризма.

Сержант Наполитино тем временем поднялся по лестнице. На крыльце переступил через плоскую бутылку и все уменьшающуюся лужицу виски.

— Чистый Джо Фрайди[14].

— Извините?

— Это я про Винса. Очень обстоятельный. Глаза бесстрастные, лицо каменное, но на самом деле он не так суров, как может показаться с первого взгляда.

Сообщив имя Наполитино, Собецки, казалось, показывал Билли, что тот снова пользуется полным его доверием.

Но Билли, остро чувствуя обман и попытки манипулирования, подозревал, что доверием к нему сержанта обольщаться не стоит, оно столь же истинное, как заверения паука в том, что он встретит залетевшую в его паутину муху, как родную сестру.

Вине Наполитино уже исчез в дверном проеме.

— Вине по-прежнему слишком хорошо помнит все то, чему его учили в академии. Когда он немного пообтешется, уже не будет так сильно напирать.

— Он лишь выполняет свою работу, — ответил Билли. — Я понимаю. Это нормально.

Собецки остался на подъездной дорожке, потому что все-таки подозревал Билли в совершении какого-то преступления. Иначе оба помощника шерифа отправились бы обыскивать дом. Сержант Собецки остался рядом с Билли, чтобы схватить его, если бы тот бросился бежать.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — ответил Билли. — Мне очень жаль, что я доставил вам столько хлопот.

— Я про твой желудок.

— Не знаю. Наверное, съел что-то не то.

— От чего у тебя не может болеть живот, так это от «чили» Бена Вернона, — заметил Собецки. — Его соус такой вкусный, что может вылечить любую известную науке болезнь.

Понимая, что невиновный человек, которому нечего бояться, не будет озабоченно смотреть на дом, ожидая, когда же Наполитино закончит обыск, Билли повернулся к дому спиной, принялся разглядывать долину, виноградники, залитые золотым солнечным светом, далекие горы, кутающиеся в синей дымке.

— А вот от краба такое возможно, — продолжил Собецки.

— Что?

— Краб, креветки, омары, если они чуть несвежие, могут устроить в животе целую революцию.

— Вчера я ел лазанью.

— Ну, от нее-то не отравишься.

— Я готовил ее сам. Может, она и стухла, — Билли старался поддерживать беседу.

— Давай же, Вине, — в голосе сержанта слышались нотки нетерпения. — Я знаю, ты парень дотошный. Мне-то ты ничего не должен доказывать. — Он повернулся к Билли. — Чердак в доме есть?

— Да.

Сержант вздохнул.

— Он захочет обследовать и чердак.

С запада прилетела стайка птиц, спикировала к самой земле, чуть поднялась, снова спикировала. Это были дятлы, которые обычно в такую жару предпочитали укрываться от солнца в листве.

— Ты на них охотишься? — спросил Собецки, предлагая Билли мятные пастилки.

Мгновение Билли недоуменно смотрел на пастилки. Потом вдруг осознал, что руки у него снова в карманах и пальцы перебирают патроны.

Он вытащил руки из карманов.

— Боюсь, мне сейчас не до охоты, — и взял пастилку.

— Как я понимаю, это случайность, — заметил Собецки. — Ты же постоянно имеешь дело со спиртным.

— Вообще-то, я почти не пью, — Билли посасывал пастилку. — Я сегодня проснулся в три часа ночи, в голову полезли всякие мысли, я начал волноваться о том, чего все равно не могу изменить, решил, что стаканчик-другой позволит расслабиться.

— У нас у всех бывают такие ночи. Я называю их «тоскливая тоска». Спиртным тут не поможешь. Лучшее средство от бессонницы — кружка горячего шоколада, но с «тоскливой тоской» даже шоколаду не справиться.

— Выпивка настроения не улучшила, но позволила скоротать ночь. Потом и утро.

— Ты держисься молодцом.

— Правда.

— Нет ощущения, что ты набрался.

— Я и не набрался. Последние несколько часов пью по чуть-чуть, чтобы избежать

похмелья.

— Это верное средство?

— Одно из них.

С сержантом Собецки разговор складывался легко. Пожалуй, слишком легко.

Дятлы летели к ним, затем резко повернули, повернули снова, тридцать или сорок особей, словно объединенных единым разумом.

— От них одни хлопоты, — сержант Собецки смотрел на птиц.

И действительно, дятлы отдавали предпочтение не деревьям, а домам, конюшням, церквям округа Напа. Твердыми клювами долбили карнизы, архитравы, свесы крыш, угловые доски.

— Мой дом они не трогают, — сказал Билли. — Это же кедр.

Многие люди полагали разрушительную работу дятлов искусством и не меняли поврежденные деревянные части, пока они не начинали гнить.

— Они не любят кедр? — спросил Собецки.

— Не знаю. Но мой точно не любят.

В пробитые дырки дятел часто закладывает желуди, особенно в верхней части зданий, которые хорошо прогреваются солнцем. Через несколько дней птица возвращается, чтобы послушать желуди. Услышав в желуде шум, дятел разбивает его, чтобы добраться до поселившихся в нем личинок насекомых.

Такая вот неприкосновенность жилища.

Дятлы и сержанты всегда выполняют свою работу.

Медленно, безжалостно, они ее выполняют.

— Не такой уж у меня большой дом, — Билли тоже позволил себе проявить некоторое нетерпение, на которое, по его разумению, имел право невинный человек.

Наконец сержант Наполитино появился, но не из парадной двери, а из-за южного угла дома. Именно этот угол огибала подъездная дорожка, заканчивающаяся у отдельно стоящего гаража.

Рука сержанта не лежала на рукоятке пистолета. Билли счел, что это хороший признак.

Словно испуганные Наполитино, птицы унеслись вдаль.

— У вас отличная столярная мастерская, — сказал он Билли. — С таким оборудованием вы можете делать что угодно.

В голосе сержанта явственно чувствовался на— лек на то, что имеющееся в мастерской оборудование позволяло, скажем, расчленять тела.

Наполитино оглядел долину.

— И вид тут превосходный.

— Красиво, — согласился Билли.

— Это рай.

— Точно, — кивнул Билли.

— Я удивлен, что все окна закрыты жалюзи.

Билли слишком рано расслабился. Поторопился с ответом.

— Когда так жарко, я их опускаю. Солнце.

— Даже на тех окнах, куда лучи не попадают.

— В такой яркий день успокаивающий полумрак помогает в борьбе с головной болью от выпитого виски.

— Он все утро пьет по чуть-чуть, — вставил сержант Собецки, — чтобы окончательно протрезветь и избежать похмелья.

— Верное средство? — спросил Наполитино.

— Одно из них.

— Там уютно и прохладно.

— Прохлада тоже помогает, — подтвердил Билли.

— Розалин сказала, что у вас сломался кондиционер.

Билли забыл про эту маленькую ложь, крохотную часть сплетенной им огромной

паутины лжи.

— Он отключается на несколько часов, потом вдруг включается, чтобы отключиться снова. Не знаю, в чем дело, может, что-то с компрессором.

— Завтра обещают еще более жаркий день, — Наполитино все смотрел на долину. — Лучше вызвать мастера, если у них все не расписано до Рождества.

— Чуть позже я сам посмотрю, что с ним не так, — ответил Билли. — В бытовой технике я разбираюсь.

— Только не лезьте туда, пока не протрезвеете.

— Не буду. Подожду.

— И отключите его от электросети.

— Сначала я приготовлю себе что-нибудь из еды. Это поможет. И желудку, возможно, тоже.

Наполитино наконец-то посмотрел на Билли.

— Извините, что продержали вас так долго на солнце, учитывая вашу головную боль и все такое.

— Виноват только я, — ответил Билли. — Вы всего лишь выполняете свою работу. Я уже шесть раз сказал, какой я идиот. Очень сожалею, что отнял у вас время.

— Мы здесь для того, чтобы «служить и защищать», — Наполитино сухо улыбнулся. — Как и написано на дверце этого автомобиля.

— Мне больше понравилась бы другая надпись; «Лучшие помощники шерифа, которых могут купить деньги налогоплательщика», — эти слова сержанта Собецки заставили Билли рассмеяться, тогда как Наполитино сердито глянул на него. — Билли, может, тебе пора перестать пить по чуть-чуть и переключиться на еду?

Билли кивнул:

— Вы правы.

Идя к дому, он спиной чувствовал их взгляды. Ни разу не оглянулся.

Какое-то время его сердце билось относительно спокойно. Теперь вновь забухало.

Он не мог поверить в свою удачу. Боялся, что в последний момент она его подведет.

На крыльце он взял часы с ограждения, надел на руку.

Наклонился, чтобы поднять плоскую бутылку.

Крышки не увидел. То ли скатилась с крыльца, то ли закатилась под одно из кресел-качалок.

Три крекера, оставшиеся на столе около его кресла, бросил в пустую жестянку, где недавно лежал револьвер калибра 0,38 дюйма. Взял стакан с «колой».

Ожидал услышать, как завелись двигатели патрульных машин, но они не завелись.

По-прежнему не оглядываясь, Билли унес в дом стакан, жестянку и бутылку. Закрыв дверь, привалился к ней спиной.

Снаружи царила тишина, двигатели молчали.

Глава 31

Внезапно Билли осенило: пока он будет стоять, привалившись спиной к двери, сержанты Наполитино и Собецки никуда не уедут.

Прислушиваясь, он прошел на кухню. Бросил жестянку из-под крекеров «Риц» в мусорное ведро.

Прислушиваясь, вылил последнюю унцию из бутылки «Сигрэма» в раковину, смыл виски «колой» из стакана. Бутылку тоже бросил в мусорное ведро, стакан поставил в посудомоечную машину.

Двигатели все не заводились, разжигая его любопытство.

Окна с закрытыми жалюзи вызвали у него приступ клаустрофобии. Возможно, из-за наличия трупa внутреннее пространство дома начало сжиматься, уменьшаясь до размеров

гроба.

Он прошел в гостиную, искушаемый желанием поднять жалюзи на одном из окон, на всех окнах. Но не поднял. Сержанты могли подумать, что он поднял жалюзи, чтобы наблюдать за ними, то есть их присутствие чем-то ему мешало.

Из любопытства он все-таки отогнул одну из пластинок. Но подъездная дорожка в поле зрения не попала.

Билли перешел к другому окну, снова отогнул пластинку и увидел, что оба копа стоят у автомобиля Наполитино, где он их и оставил. Ни один не смотрел на дом.

Они о чем-то разговаривали и определенно обсуждали не баскетбол.

Билли задался вопросом, а не искал ли Наполитино в столярной мастерской наполовину распиленную доску с дыркой из-под сучка. Найти-то ее сержант не мог, потому что такой доски не существовало.

Когда Собецки повернул голову к дому, Билли отпустил пластинку жалюзи, в надежде, что сержант ничего не заметил.

До их отъезда ему не оставалось ничего другого, как волноваться. Все его раздражало, а тут еще возникла дикая мысль, что тела Ральфа уже нет в нише под письменным столом, куда он затолкал труп.

Чтобы утащить покойника, убийца проник в дом, когда оба копа разговаривали с Билли на подъездной дорожке, до того, как он сам вернулся домой. Выродок уже доказал свою смелость, но утащить труп... это уже отдавало авантюризмом.

Однако, если трупа нет, ему придется его найти. Он не мог допустить, чтобы этот труп объявился в самом неожиданном месте и в самый неподходящий момент.

Билли вытащил револьвер калибра 0,38 дюйма из-под диванной подушки.

Откинул цилиндр, убедился, что все патроны в гнездах, сказал себе, что это здоровая подозрительность, а не признак паранойи.

С напряженными, как натянутые струны, нервами вышел в коридор, направился к кабинету. Тревога нарастала с каждым шагом.

В кабинете откатил стул.

Скрюченный, в мешковатом, мятом костюме, Ральф Коттл напоминал сердцевину грецкого ореха, еще не вытасченную из скорлупы.

Несколькими минутами ранее Билли и представить себе не мог, какое он испытает *облегчение*, обнаружив в своем доме труп.

Он подозревал, что на теле найдется несколько мелких улики, которые тем не менее однозначно свяжут его с Коттлом. Даже если бы он тщательно обыскал труп, едва ли ему удалось бы обнаружить их все.

Тело следовало уничтожить или похоронить там, где его никто не смог бы найти. Билли еще не решил, как избавиться от покойника, но, даже если ему и удалось бы решить эту проблему, он понимал, что на этом его трудности не закончатся.

Обнаружив труп, Билли одновременно увидел и включенный компьютер. Он загрузил дискету, найденную между ладонями Коттла, но, прежде чем успел ознакомиться с ее содержимым, позвонила Розалин Чен, чтобы узнать, по какому поводу он набрал номер 911.

Билли снова подкатил стул к столу. Сел перед компьютером, сунув ноги под стул, подальше от трупа.

Дискета содержала три документа. Первый назывался «ПОЧЕМУ», без вопросительного знака.

Открыв документ, Билли обнаружил только одну фразу:

«Потому что я тоже ловец человеков».

Билли прочитал ее трижды. Не знал, как ее истолковать, но ранки на лбу вспыхнули болью.

Религиозный смысл фразы он узнал. Христа тоже называли ловцом человеков[15].

Проще всего было предположить, что убийца — религиозный фанатик, которому божественные голоса велели убивать, убивать и убивать, но простые объяснения обычно

оказываются ошибочными. И тут, скорее всего, требовался более глубокий анализ.

А кроме того, выронок блестяще нагнетал напряжение, вселял в жертву неуверенность, окутывал туманом таинственности. И определенно предпочитал окольное прямому.

ПОЧЕМУ.

«Потому что я тоже ловец человеков».

Истинное, полное значение этой фразы могло остаться тайной и после сотого прочтения, а у Билли не было времени для ее анализа.

Второй документ назывался «КАК». И оказался не менее загадочным, чем первый:

«Жестокость, насилие, смерть.

Движение, скорость, воздействие.

Плоть, кровь, кость».

Пусть без соблюдения рифмы и размера, эти три строки казались частью стихотворения. А в такой вот невразумительной поэзии значение обычно не лежит на поверхности.

У Билли создалось ощущение, что эти три строки — ответы и если бы он узнал вопросы, то по ним смог бы установить и убийцу.

Являлось ли это ощущение интуицией или заблуждением, сейчас у Билли не было времени разобраться с этим. Следовало избавиться от трупа Лэнни, так же как от трупа Коттла. Билли не удивился бы, если, посмотрев на часы, увидел, что часовая и минутная стрелки вращаются со скоростью секундной.

Третий документ на дискете назывался «КОГДА», и, когда Билли открыл его, мертвец из ниши схватил его за ступню.

Если бы Билли смог выдохнуть, он был бы закричал. Но к тому времени, когда воздух смог вырваться из перехваченного ужасом горла, он уже понял, что объяснение случившемуся не столь уж сверхъестественное.

Мертвец не хватал Билли за ногу. Это он сам, забывшись, выдвинул ногу вперед, и она уперлась в труп. Билли вновь убрал ногу под сиденье.

Документ «КОГДА», открывшись на экране, не потребовал столь глубоких раздумий, как документы «ПОЧЕМУ» и «КАК».

«Мое последнее убийство: в полночь четверга.

Твое самоубийство: вскоре после этого».

Глава 32

«Мое последнее убийство: в полночь четверга.

Твое самоубийство: вскоре после этого».

Билли Уайлс посмотрел на часы. Несколько минут после полудня, среда.

Если у выродка слова не разойдутся с делом, это «представление», или что-то другое, как ни назови, закончится через тридцать шесть часов. Ад — это вечность, но любой ад на земле имел временные пределы.

Слово «последнее» не означало, что речь шла только об одном убийстве. За прошедшие сутки с половиной выронок убил троих, и оставшиеся «до занавеса» часы могли оказаться не менее урожайными на трупы.

«Жестокость, насилие, смерть. Движение, скорость, воздействие. Плоть, кровь, кость».

Из девяти слов второго документа одно, по мнению Билли, наиболее точно отражало сложившуюся ситуацию. «Скорость».

«Движение» началось, когда первая записка появилась на ветровом стекле «Эксплорера». «Воздействие» пришло бы с последним убийством, которое тем самым, по замыслу выродка, заставило бы Билли задуматься о самоубийстве.

А пока, с нарастающей скоростью, Билли будут подкидывать все новые и новые

проблемы, чтобы вывести его из равновесия. Слово «скорость» обещало, что раньше были цветочки, а ягодки ждут его впереди.

Самоубийство — смертный грех, но Билли знал, что он — полый человек, в чем-то слабак, с недостатками. В данный момент он бы не пошел на самоуничтожение; но разбить можно и сердце, и душу.

Ему не составило труда представить себе, что может подвигнуть его на самоубийство. Собственно, он и так это знал.

Сама смерть Барбары Мандель не заставила бы его покончить с собой. За почти четыре года он подготовил себя к тому, что она в любой момент может покинуть этот мир. Он мог представить себе жизнь без надежды на ее выздоровление.

Но вот ее насильственная смерть вызвала бы стресс, перед которым разум Билли не смог бы устоять. В коме она не почувствовала бы боли, которую причинил бы ей убийца. Тем не менее само предположение о том, что ей причинили боль, надругались над ее телом... такого кошмара Билли бы не вынес.

«Этот человек забивал молодых учительниц до смерти и «срезал» женские лица».

Более того, если выродок подстроил все так, что выходило, будто Билли сам убил не только Гизель Уинслоу, Лэнни и Ральфа Коттла, но и Барбару, тогда Билли не хотел бы на долгие месяцы стать героем средств массовой информации, как при подготовке судебного процесса, так и на нем самом, а потом жить под подозрением, даже если суд его оправдает.

Выродок убивал из удовольствия, но при этом имел некую цель и планомерно к ней приближался. И какой бы ни была эта цель, план состоял в том, чтобы убедить полицию в виновности Билли: все убийства, начиная с Гизель Уинслоу и заканчивая Барбарой, которой, возможно, предстояло умереть в ее постели в «Шепчущихся соснах», — на его совести. Тем самым выродок выходил сухим из воды, а Билли становился серийным убийцей, действующим на территории округа.

А поскольку в изощренности ума убийцы сомнений не было, по всему выходило, что полиция проглотит эту версию, как ложку ванильного мороженого. В конце концов, с их точки зрения, у Билли был веский мотив для того, чтобы отправить Барбару в мир иной.

Все медицинские расходы оплачивались инвестиционным доходом, который приносили семь миллионов долларов, положенные в доверительный фонд корпорацией, ответственной за то, что Барбара впала в кому. Билли был главным из трех попечителей, управлявших фондом.

Если бы Барбара умерла, не выйдя из комы, Билли стал бы единственным наследником ее состояния.

Он не хотел этих денег, ни единого цента, не взял бы их, даже если бы они достались ему. В случае смерти Барбары он собирался отдать эти миллионы благотворительным организациям.

Никто, разумеется, не поверил бы, что у него были такие намерения.

Особенно после того, как выродок подставил бы его под удар, чем, собственно, он сейчас и занимался.

Об этих намерениях, безусловно, говорил звонок по номеру 911. Звонок привлек к Билли внимание управления шерифа, с тем чтобы там о нем помнили... и гадали, а почему все-таки по этому номеру позвонили из дома Билли.

Теперь Билли свел все три документа воедино и распечатал на листе бумаги:

«Потому что я тоже ловец человеков.

Жестокость, насилие, смерть.

Движение, скорость, воздействие.

Плоть, кровь, кость.

Мое последнее убийство: в полночь четверга.

Твое самоубийство: вскоре после этого».

Ножницами Билли аккуратно вырезал бумажный прямоугольник с текстом, намереваясь сложить его и убрать в бумажник, чтобы он всегда был под рукой.

Покончив с этим, Билли вдруг понял, что бумага — та самая, на которой он получал записки. Если документы на дискете, вложенной в руки Коттла, набирали на этом компьютере, возможно, что и четыре первые записки готовились здесь же.

Он вышел из «Майкрософт Уорд», вновь вошел в программу. Вызвал на экран директорию.

Список документов был коротким. Он пользовался этой программой, только когда писал. Узнал ключевые слова в названиях единственного романа и тех рассказов, которые так и не закончил. Только один документ был ему незнаком: «СМЕРТЬ».

Загрузив его, Билли нашел текст первых четырех записок от выродка.

Задумался, вспоминая процедуры. Наконец нажал соответствующие клавиши, чтобы узнать дату составления документа. Оказалось, что с документом начали работать в 10:09 утра в прошлую пятницу.

В тот день Билли уехал на работу на пятнадцать минут раньше, чем обычно. Собираясь заглянуть на почту, чтобы отправить некоторые счета.

Первые две записки, оставленные на ветровом стекле, третья, приклеенная к рулевой колонке «Эксплорера» так, что он не смог вставить ключ в замок зажигания, даже та, которую он обнаружил у себя на холодильнике этим утром, были составлены и распечатаны на этом компьютере более чем за три дня до того, как он получил первую записку, до того, как вечером в понедельник начался весь этот кошмар.

Если бы Лэнни не уничтожил первые две записки, чтобы спасти свою работу, если бы Билли отнес их в полицию в качестве вещественных доказательств, рано или поздно копы проверили бы этот компьютер. И пришли бы к безусловному выводу, что Билли сам и сочинил их.

Выродок застраховался на все случаи жизни. Не упускал ни единой мелочи. И не сомневался в том, что «представление» будет играть по его сценарию.

Билли стер документ под названием «СМЕРТЬ», который все еще мог использоваться против него, в зависимости от того, как развернутся события.

Он подозревал, что документ, убранный из директории-папки, тем не менее остается на жестком диске. И потому отметил, что должен под каким-то благовидным предлогом спросить об этом у кого-нибудь из специалистов по компьютерам.

Выключив компьютер, Билли вдруг понял, что так и не услышал, как завелись двигатели патрульных машин.

Глава 33

Отодвинув полосу жалюзи на окне в кабинете, Билли увидел, что залитая солнечным светом подъездная дорожка пуста. Документы на дискете так захватили его, что он не услышал, как сержанты завели двигатели своих автомобилей и уехали.

Он ожидал, что дискета станет еще одной запиской: опять ему предложат выбирать между двумя невинными жертвами, а на решение отведут еще меньше времени.

Он не сомневался, что вскоре последует очередное убийство, но пока мог заниматься другими, срочными делами. Благо накопилось их предостаточно.

Билли сходил в гараж и вернулся с мотком веревки и полотнищем полиуретановой пленки, одним из тех, которыми накрывал мебель, когда весной делал косметический ремонт. Расстелил полотнище на полу кабинета.

Не без труда извлек тело Коттла из ниши между тумбами письменного стола, перетащил из-за стола на расстеленную на полу пленку, уложил.

Его мутило от перспективы обыскать карманы покойника, но он это сделал.

Билли не собирался искать улики, которые могли бы изобличить его. Если выродок и оставил их, то наверняка не в карманах, так что Билли едва ли смог бы найти их все.

А кроме того, он намеревался переправить труп в такое место, где его никогда не

смогли бы обнаружить. По этой причине он не волновался из-за того, что на пластиковом полотнище останутся отпечатки его пальцев.

В пиджаке были два внутренних кармана. В одном Коттл держал плоскую бутылку виски, часть содержимого которой разлил на крыльце. Из второго Билли вытащил точно такую бутылку рома и тут же вернул ее на место.

В двух наружных карманах пиджака обнаружились сигареты, дешевая газовая зажигалка и упаковка «Лайфсэйверс»[16].

В передних карманах брюк лежали монеты, всего шестьдесят семь центов, колода игровых карт и пластмассовый свисток в виде канарейки.

В бумажнике Коттла Билли нашел шесть однодолларовых банкнот, пятерку и четырнадцать десятков. Последние, должно быть, он получил от выроodka.

«По десять долларов за каждый год вашей невиновности, мистер Уайлс».

По натуре бережливому Билли не хотелось хоронить деньги с трупом. Он подумал о том, чтобы бросить их в ящик для пожертвований в церкви, рядом с которой припарковался (и подвергся нападению) прошлой ночью.

Брезгливость взяла верх над бережливостью. Мертвых фараонов отправляли на Другую сторону с солью, зерном, вином, золотом и умерщвленными слугами, вот и Ральф Коттл имел право пересечь Стикс с деньгами на карманные расходы.

Среди прочих вещей, найденных в бумажнике, Билли заинтересовали две. Во-первых, потрепанная и помятая фотография молодого Коттла. Симпатичного, разительно отличающегося от сломленного жизнью человека, каким он предстал перед Билли. Рядом с ним стояла очаровательная молодая женщина. Они улыбались. Выглядели счастливыми.

Во-вторых, членская карточка «Американского общества скептиков», датированная 1983 годом. В карточке значилось: «РАЛЬФ ТУРМАН КОТТЛ, ЧЛЕН ОБЩЕСТВА СКЕПТИКОВ С 1978 г.».

Билли оставил фотографию и членскую карточку, а все остальное вернул в бумажник.

Закатал труп в пленку. Сложил концы к середине и надежно обвязал получившийся куль веревкой.

Он ожидал, что, скрытый несколькими слоями полупрозрачного полиуретана, труп будет напоминать ковер, который упаковали в пластик, чтобы уберечь при транспортировке. Но сверток более всего напоминал труп, закатанный в пленку.

Из той же веревки Билли на одном конце соорудил петлю, взявшись за которую намеревался оттащить труп к внедорожнику.

Он не собирался избавляться от Коттла до наступления темноты. В багажном отделении «Эксплорера» было аж три окошка. Внедорожники, само собой, использовались для перевозки достаточно габаритных вещей, но, если уж ты собирался перевозить труп при свете дня, следовало поискать транспортное средство с более просторным и закрытым от посторонних взглядов кузовом.

Поскольку дом начал напоминать Билли проходной двор, он выволок труп из кабинета в гостиную, где и оставил за диваном. Там его не могли увидеть ни от входной двери, ни из двери на кухню.

В кухне, над раковиной, он вымыл руки с жидким мылом, обжигаяще горячей водой.

Потом сделал себе сэндвич с ветчиной. Есть хотелось ужасно, хотя он и не понимал, откуда мог взяться аппетит после такого неудобоваримого дела, которое он только что закончил.

Откровенно говоря, он и представить себе не мог, что его воля к выживанию осталась такой сильной после стольких лет затворничества. И задался вопросом, а какие еще качества, хорошие и плохие, откроются в нем или проявятся вновь в ближайшие тридцать шесть часов.

«Вот та, кто помнит путь к твоей двери: от жизни ты можешь уйти, от смерти — никогда».

Глава 34

Едва Билли доел сэндвич с ветчиной, зазвонил телефон.

Он решил не отвечать на звонок. Друзья звонили ему не так уж и часто, а Лэнни умер. Он знал, кто это мог быть. И не испытывал ни малейшего желания общаться с этим типом.

На двенадцатом звонке он отодвинул стул от стола.

Выродок ничего не говорил по телефону. Не хотел, чтобы Билли слышал его голос. И на этот раз только вслушивался бы в дыхание Билли.

На шестнадцатом звонке Билли поднялся из-за стола.

У этих звонков была только одна цель: запугать. Брать трубку смысла не было.

Билли стоял у телефонного аппарата, глядя на него. На двадцать шестом звонке взял трубку.

На световой панели номер не высветился.

Алекать Билли не стал. Просто слушал.

Через несколько мгновений тишины на другом конце провода что-то щелкнуло, потом раздалось шипение. Шипение сопровождалось отрывочным треском и скрежетом: через головку воспроизведения ползла магнитная лента без записи.

Потом пошли слова, которые произносили разные голоса, как мужские, так и женские. Ни один человек не говорил больше трех слов, часто только одно.

Судя по различной громкости, выродок смонтировал свое послание из различных записей, возможно, воспользовался аудиокнигами, начитанными различными людьми.

«Я... убью... симпатичную рыжеволосую... Если ты... скажешь... отделись от суки... я убью... ее... быстро... Если нет... она будет... долго страдать... под пыткой. У тебя... есть... одна... минута... чтобы сказать... «отделись от суки». Выбор... за тобой».

Вновь треск и скрежет ленты без записи.

Текст выродок составил идеально. Требовался конкретный ответ на четко поставленный вопрос, и увильнуть от ответа не было никакой возможности.

Ранее сотрудничество Билли с выродком было исключительно моральным: выбор жертвы определялся его бездействием, а в случае с Коттлом — отказом от действия.

Смерть красивой учительницы и пожилой благотворительницы одинаково трагична, если только ты не расположен к молодым и равнодушен к старым. Тогда принятие решения приводило точно к такой же трагедии, как и бездействие.

Когда возможными жертвами могли стать неженатый мужчина, *«исчезновения которого мир не заметит»*, и мать двоих детей, смерть матери являла собой куда большую трагедию. В этом случае ситуация конструировалась так, что Билли, не обратившись в полицию, обеспечивал выживание матери. Выродок как бы вознаграждал его бездействие и играл на слабостях.

Теперь ему снова предлагалось выбрать из двух зол меньшее, и таким образом он становился сообщником выродка. На этот раз бездействие не поощрялось. Промолчав, он приговаривал рыжеволосую женщину к пыткам, долгой и мучительной смерти. Ответив, он обеспечивал ей легкую смерть.

Спасти женщину он не мог.

В любом случае исход был фатальным.

Но одна смерть отличалась от другой.

Ползущая через головку воспроизведения пленка разродилась еще двумя словами: *«... тридцать секунд...»*

Билли чувствовал, что не может дышать, но дышал. Чувствовал, что задохнется, если попытается сглотнуть слюну, но не задохнулся.

«...пятнадцать секунд...»

Во рту у него пересохло. Язык распух. Он не верил, что сможет заговорить, но сказал: *«Отделись от суки».*

Выродок положил трубку. Билли последовал его примеру.

Если бы он ожидал, что выродок войдет с ним в контакт по телефону, он бы позаботился о том, чтобы записать разговор. Теперь говорить об этом не стоило.

Эта запись не показалась бы копам убедительной, пока они не нашли бы тело рыжеволосой. А если тело будет найдено, скорее всего, найдутся и улики, которые свяжут смерть женщины с Билли.

Кондиционер работал хорошо, но воздух кухни, казалось, стусился, застревал в горле, вязкой жидкостью растекался по легким.

«Отделайся от суки».

Билли не помнил, как вышел из дома. В какой-то момент понял, что спускается по лестнице с заднего крыльца. Не мог сказать, куда идет.

Сел на ступеньках.

Оглядел небо, деревья, двор.

Посмотрел на свои руки. Не узнал их.

Глава 35

Прежде чем уехать из города, он покружил по улицам, но слежки не обнаружил.

Поскольку буррито[17] с трупом в багажном отделении не было, Билли мог позволить себе чуть ли не всю дорогу ехать с превышением скорости. Направлялся он в южную часть округа. Горячий ветер врвался в разбитое окно, когда он въехал в город Напа в 1:52 пополудни.

Напа — милый, живописный городок, который стал таким сам по себе, без помощи политиков или корпораций, задавшихся целью превратить его в тематический парк на манер «Диснейленда», как это случилось со многими другими калифорнийскими городками.

Юридическая фирма Гарри Аваркяна, адвоката Билли, находилась в центральной части города, неподалеку от здания суда, на улице, вдоль которой росли старые оливы. Он ждал Билли и приветствовал его медвежьим объятием.

Лет пятидесяти с небольшим, высокий, крепкого сложения, с подвижным лицом и быстрой улыбкой, Гарри выглядел как главный герой ролика, рекламирующего какой-нибудь чудодейственный способ восстановления волосяного покрова. Помимо жестких черных волос, таких густых, что, казалось, требовали каждодневного внимания парикмахера, у него были большие моржовые усы, а тыльные стороны ладоней его здоровенных рук так заросли, что он, похоже, не замерз бы зимой даже без одежды.

Работал Гарри за антикварным столом, мало напоминающим письменный, и когда он сел за него, а Билли — напротив, создалось впечатление, что встретились не адвокат и клиент, а два деловых партнера.

После вступительных реплик о здоровье и жалоб на жару Гарри спросил:

— Так что это за важный вопрос, который ты не мог обсудить по телефону?

— Обсудить я мог, — солгал Билли, зато продолжил правдой: — Но мне все равно нужно было приехать сюда по другим делам, вот я и решил повидаться с тобой и спросить о том, что меня тревожит.

— Тогда задавай вопросы, и посмотрим, знаю ли я что-нибудь насчет законов.

— Речь идет о доверительном фонде, который обслуживает Барбару.

Гарри Аваркян и Ги Мин «Джордж» Нгуен, бухгалтер Билли, были еще двумя попечителями фонда.

— Два дня тому назад я получил финансовый отчет за второй квартал, — сообщил ему Гарри. — Доход составил четырнадцать процентов. Отличный результат, особенно если принять во внимание нынешнее состояние фондового рынка. Даже с учетом расходов на содержание Барбары основной капитал устойчиво растет.

— Мы удачно инвестировали средства, — согласился Билли. — Но вчера я лежал ночью без сна и волновался: а нет ли у кого возможности залезть в горшок с медом?

— Горшок с медом? Ты про деньги Барбары? Если уж тебе нужно о чем-то волноваться, как насчет астероида, который может столкнуться с Землей?

— Я волнуюсь. Ничего не могу с собой поделать.

— Билли, я сам составлял документы фонда, там нет ни одной «дырки». А кроме того, с таким охранником, как ты, из сокровищницы не пропадет и цент.

— А если со мной что-то случится?

— Тебе только тридцать четыре года. С высоты моего возраста, ты едва вышел из пубертатного периода[18].

— Моцарт не дожил и до тридцати четырех.

— На дворе не восемнадцатый век, и ты не умеешь играть на рояле, поэтому сравнение неуместное. — Гарри нахмурился. — Ты заболел или как?

— Бывало, чувствовал себя лучше, — признал Билли.

— Что за повязка у тебя на лбу?

Билли и ему рассказал байку о коварном сучке.

— Ничего серьезного.

— Для лета ты бледный.

— Давно не рыбачил. Послушай, Гарри, рака или чего-то такого у меня нет, но я всегда могу попасть под грузовик.

— В последнее время они охотились за тобой, эти грузовики? Тебе приходилось от них убегать? С каких это пор ты превратился в пессимиста?

— Как начет Дардры?

Дардра и Барбара были близняшками, только разнойцевыми. И разительно отличались друг от друга как внешне, так и внутренне.

— Суд не только отсоединил ее от сети, — ответил Гарри, — но перерезал провод и вытащил батарейки.

— Я знаю, но...

— Она — кролик «Энерджайзера»[19], только злобный, но уже стала историей, как тот бифштекс, который я съел за ленчем на прошлой неделе.

Мать Барбары и Дардры, Сисили, была наркоманкой. Отец так и остался неизвестным, поэтому в свидетельства о рождении близняшек внесли девичью фамилию матери.

Сисили попала в психиатрическую клинику, когда девочкам исполнилось два года, ее лишили родительских прав, а Барбару и Дардру отправили в приют. Через одиннадцать месяцев Сисили умерла.

До пяти лет девочки жили в одном приюте. Потом их разлучили.

В двадцать один год Барбара нашла сестру и попыталась наладить отношения, но получила отказ.

Пусть и в меньшей степени, Дардра унаследовала пристрастие матери к химическим стимуляторам и вечеринкам. И нашла свою правильную и трезвую сестру слишком скучной и пресной.

Восемью годами позже, после того как пресса уделила трагическому случаю с Барбарой повышенное внимание, а страховая компания учредила семимиллионный трастовый фонд, чтобы оплачивать ее длительное лечение, у Дардры вдруг прорезалась любовь к сестре. Будучи ее единственной родственницей, она попыталась через суд стать единственным попечителем фонда.

К счастью, по настоянию Гарри, вскоре после помолвки Билли и Барбара в этом самом кабинете составили и подписали короткие завещания, согласно которым каждый становился единственным наследником другого.

Прошлое Дардры, ее методы, нескрываемая жадность вызвали презрение судьи. В иске ей отказали, а в частном определении судья указал, что Дардра преследовала исключительно личную выгоду.

Она попыталась обратиться в другой суд. Но вновь ничего не добилась. Последние два года они о ней не слышали.

— Но если я умру...

— Ты уже выбрал людей, которые могут стать попечителями вместо тебя. Если тебя переедет грузовик, один из них займет твое место.

— Я понимаю. Тем не менее...

— Если тебя, меня и Джорджа Нгуена переедут грузовики, — оборвал его Гарри, — более того, даже если каждого из нас переедут три грузовика подряд, у нас есть наготове кандидаты в попечители, которые в любой момент могут нас сменить. А до того времени, как их полномочия признает суд, повседневные дела фонда будет вести сертифицированная фирма, специализирующаяся на управлении трастовыми фондами.

— Ты подумал обо всем.

Большие усы приподнялись в улыбке.

— Из всех моих достижений я более всего горжусь тем, что меня еще не выгнали из коллегии адвокатов.

— Но если что-то случится со мной...

— Ты сведешь меня с ума.

— ...должны ли мы волноваться о ком-то еще, помимо Дардры?

— Например?

— Все равно о ком.

— Нет.

— Ты уверен? -Да.

— Никто не сможет заполучить деньги Барбары?

Гарри наклонился вперед, навалившись локтями на стол.

— И что все это значит?

Билли пожал плечами:

— Не знаю. В последнее время меня преследуют... страхи.

Гарри помолчал.

— Может, тебе пора вернуться к жизни?

— Я и так живу, — ответил Билли излишне резко, учитывая то, что Гарри был его другом и порядочным человеком.

— Ты можешь приглядывать за Барбарой, хранить верность ее памяти и при этом жить.

— Она — не просто память. Она живая. Гарри, ты — последний человек, которому я хотел бы дать в зубы.

Гарри вздохнул.

— Ты прав. Никто не скажет тебе то, что может сказать только сердце.

— Черт, Гарри, наверное, от меня ты так и не получишь по зубам.

— Я выгляжу удивленным?

Билли рассмеялся.

— Ты выглядишь самим собой. Ты выглядишь как маппет[20].

Тени залитых солнцем олив двигались по стеклу окон и комнате.

Гарри Аваркян заговорил после долгой паузы:

— Бывали случаи, когда люди выходили из комы, вызванной ботулизмом, сохранив все свои способности.

— Такие случаи редки, — напомнил Билли.

— Тем не менее подобное возможно.

— Я стараюсь быть реалистом, пусть мне этого и не хочется.

— Раньше мне нравился вишисуас[21], — вздохнул Гарри. — А теперь меня мутит, когда я вижу его на полке супермаркета.

Однажды в субботу, когда Билли работал в таверне, Барбара открыла на обед банку супа. Вишисуаса. Сделала и сэндвич с сыром.

Когда в воскресенье утром она не ответила на телефонный звонок, Билли поехал к ней, открыл дверь квартиры своим ключом. Нашел ее без сознания на полу в ванной.

Проведенная в больнице токсинейтрализующая терапия позволила сохранить Барбаре жизнь. И теперь она спала. Спала.

Определить степень повреждения мозга не представлялось возможным до того момента, когда она проснется. Если бы проснулась.

Производитель супа, известная компания, немедленно убрала с полок магазинов всю партию банок вишисуаса. Из трех тысяч только шесть оказались зараженными.

Ни на одной не было отмечено признаков вздутия. Таким образом, трагедия Барбары спасла от аналогичной участи шесть человек.

Но Билли сей факт не утешал.

— Она очаровательная женщина, — сказал Гарри.

— Она — бледная, исхудавшая, но я по-прежнему вижу ее красавицей, — ответил Билли. — И где-то внутри она жива. Говорит. Я же тебе рассказывал. Внутри она жива и думает.

Он наблюдал за игрой света и тени на поверхности стола.

На Гарри не смотрел. Не хотел видеть жалость в глазах адвоката.

Гарри перевел разговор на погоду, а потом Билли спросил:

— Ты слышал, в Принстоне, а может, в Гарварде ученые пытаются создать свинью с человеческим мозгом?

— Этим дерьмом они занимаются везде, — пожал плечами Гарри. — Жизнь их ничему не учит. Они становятся все умнее, а занимаются черт знает чем.

— Это же ужас какой-то.

— Ужаса они не видят. Только славу и деньги.

— Я не вижу, в чем здесь слава.

— А какую славу можно было увидеть в Освенциме? Но некоторые видели.

Они помолчали, а потом Билли наконец-то встретился взглядом с Гарри.

— Я умею повеселить народ или как?

— Никогда так не смеялся со времен Эбботта и Костелло[22].

Глава 36

В магазине электроники в Напе Билли купил портативную видеокамеру и записывающее устройство. Это оборудование могло использоваться как в обычном режиме, так и в дискретном, производить съемку несколько секунд, отключаться, включаться снова и так далее.

Во втором случае, при наличии магнитного носителя достаточной вместимости, эта система могла работать целую неделю, подобно системам видеонаблюдения, которые устанавливаются в торговых залах магазинов.

Учитывая то, что разбитое окно «Эксплорера» не позволяло оставлять в кабине ценные вещи, Билли, оплатив покупки, оставил их в магазине, пообещав вернуться за ними через полчаса.

Покинув магазин электроники, Билли отправился на поиски автомата, торгующего газетами. Нашел его напротив аптеки.

На первой полосе сообщалось об убийстве Гизель Уинслоу. Учительницу убили во вторник, перед рассветом, но тело нашли только во второй половине дня, то есть с этого момента не прошло и двадцати четырех часов.

Фотоснимок, помещенный в газете, отличался от фотографии, заложенной в книгу, которая лежала на коленях Лэнни Олсена, но обе запечатлели одну и ту же симпатичную женщину.

С газетой в руке Билли зашагал к главному отделению окружной библиотеки. Дома компьютер у него был, но без доступа в Интернет. Библиотека предлагала такую услугу.

В ряду компьютеров он сидел один. Остальные посетители библиотеки что-то читали

или прогуливались между стеллажами. Создавалось впечатление, что до вытеснения книги «альтернативными источниками информации» еще очень и очень далеко.

Когда Билли работал над рассказами и романом, он активно использовал Всемирную паутину для получения нужных ему сведений. Позднее она помогала отвлечься, уйти от реальности. В последние два года он туда не заглядывал вовсе.

За это время многое изменилось. Доступ стал быстрее. Поиск — и быстрее, и легче.

Билли заполнил поисковую строку. Не получив результата, модифицировал запрос, потом модифицировал еще раз.

Законы, определяющие возраст, с которого человек мог как покупать спиртное, так и продавать его, варьировались от штата к штату. Во многих штатах Стив Зиллис не мог встать за барную стойку, не достигнув двадцати одного года, поэтому Билли стер в запросе слово «бармен».

Стив работал в таверне только пять месяцев. Он и Билли никогда не обсуждали прошлое друг друга.

Билли вроде бы помнил, что Стив учился в колледже. Где, сказать не мог. В поисковую строку он добавил слово «студент».

Возможно, слово «убийство» слишком сужало поиск. Билли заменил его на «правонарушение».

И получил ответ на запрос. Статью «Денвер пост».

С момента публикации прошло пять лет и восемь месяцев. И хотя Билли сказал себе, что нечего искать в газете больше, чем в ней написано, информация, по его разумению, имела непосредственное отношение к делу.

В том ноябре в Университете Колорадо, в Денвере, пропала студентка второго курса Джудит Сара Кессельман. Вначале не возникло подозрений, что речь идет о правонарушении.

В первой заметке об исчезновении молодой женщины цитировались слова другого студента Университета Колорадо в Денвере: Стивен Зиллис, девятнадцати лет от роду, сказал, что Джудит была «удивительной девушкой, сострадательной и заботливой и дружила со всеми». Он волновался, потому что «Джудит слишком ответственна, чтобы исчезнуть на пару дней, никому не сообщив о своих планах».

Билли ввел в строку поиска «Джудит Сара Кессельман», и теперь количество ответов на его запрос исчислялось десятками. Билли готовился к тому, что прочитает о находке тела, но без лица.

Поначалу он все читал очень внимательно. Потом стал пропускать повторы.

Друзья, родственники и преподаватели Джудит Кессельман часто цитировались. Стивен Зиллис более не упоминался.

Несмотря на обилие материалов, Билли нигде не прочитал о том, что тело нашли. Джудит исчезла, словно пересекла перегородку между нашей и параллельной вселенной.

К Рождеству частота упоминаний Джудит в газете падала. После Нового года о ней более не писали.

Средства массовой информации предпочитают мертвые тела пропавшим, кровь — тайне. А новые случаи насилия не заставили себя ждать.

Последний раз о Джудит написали в пятую годовщину ее исчезновения. Она родилась в городе Лагуна-Бич, в Калифорнии, и заметка появилась в «Оранд каунти реджистер».

Обозреватель, сочувствующий семье Кессельман, очень трогательно написал о том, как все ее родственники надеются, что Джудит все-таки жива. И однажды вернется домой.

В университете она хотела получить музыкальное образование. Хорошо играла на пианино, на гитаре. Любила музыку в стиле госпел[23]. И собак. И долгие прогулки по берегу океана.

В прессе напечатали две фотографии Джудит. На обеих она выглядела озорной, довольной жизнью, доброй.

И хотя Билли не знал Джудит Кессельман, от одного только взгляда на ее юное лицо у

него щемило сердце. Так что на фотоснимки Джудит он старался не смотреть.

Билли распечатал несколько заметок, чтобы позднее прочитать их еще раз. Распечатки вложил в газету, купленную в автомате.

Когда, покидая библиотеку, он проходил мимо читальных столов, его остановил мужской голос:

— Билли Уайлс. Давно не виделись.

На стуле за одним из столов, широко улыбаясь, сидел шериф Джон Палмер.

Глава 37

В форме, но без шляпы, шериф больше напоминал не офицера службы охраны правопорядка, а политика. Но с учетом того, что он занимал выборную должность, ему приходилось быть как копом, так и политиком.

С предельно короткой стрижкой, гладко выбритый, с идеально ровными и белыми зубами, с профилем, достойным того, чтобы выбить его на римской монете, Палмер выглядел на десять лет моложе своего возраста... и готовым в любой момент появиться перед фото— и телекамерами.

Хотя сидел Палмер за читальным столом, перед ним не было ни журнала, ни газеты, не говоря уже о книге. По его виду чувствовалось, что он и так все знает.

Палмер не встал, Билли остался на ногах.

— Как дела в Виноградных Холмах? — спросил Палмер.

— Много виноградников и холмов, — ответил Билли.

— Ты по-прежнему стоишь за стойкой бара?

— Людям по-прежнему хочется выпить. Это третья древнейшая профессия.

— А какая вторая, после проституток? — полюбопытствовал Палмер.

— Политики.

Шериф улыбнулся.

— Ты сейчас пишешь?

— Понемногу, — солгал Билли.

В одном из его опубликованных рассказов некий персонаж, несомненно, был срисован с Джона Палмера.

— Собираешь материал для очередного произведения? — спросил шериф.

С того места, где он сидел, открывался прямой вид на компьютер, за которым работал Билли, но не на экран.

Возможно, Палмер мог выяснить, какие сайты просматривал Билли. Компьютер, предназначенный для публичного использования, скорее всего, вел их учет.

Нет. Вероятно, нет. В конце концов, существовали законы, охраняющие частную жизнь.

— Да, — кивнул Билли. — Выяснял некоторые моменты.

— Мой помощник видел, как ты припарковался перед офисом Гарри Аваркяна.

Билли промолчал.

— Через три минуты после того, как ты ушел из офиса Гарри, оплаченное время на твоём счетчике истекло.

Шериф мог говорить правду.

— Я опустил в счетчик два четвертака, — добавил Палмер.

— Благодарю.

— В водительской дверце разбито стекло.

— Так уж вышло, — пожал плечами Билли.

— Это не нарушение правил дорожного движения, но ты должен поставить новое стекло.

— Я договорился на пятницу, — солгал Билли.

— Тебя это не волнует, не так ли? — спросил шериф.

— Что?

— Наш разговор, — Палмер оглядел библиотеку. Рядом никого не было. — Наедине.

— Меня это не волнует, — ответил Билли.

Он имел полное право развернуться и уйти. Вместо этого остался, полный решимости не показать даже намека на испуг.

Двадцать лет тому назад, четырнадцатилетним подростком, Билли Уайлс уже выдержал допросы, которые проводились так, что могли поставить крест на карьере Джона Палмера в правоохранительных органах.

Вместо этого Палмера повысили из лейтенантов в капитаны, а потом в начальники полиции. Со временем он выставил свою кандидатуру на должность шерифа и победил на выборах. Дважды.

У Гарри было короткое, но четкое объяснение карьерному росту Палмера, и он говорил, что слышал его от помощников шерифа: дерьмо всплывает.

— Как мисс Мандель в эти дни? — спросил Палмер.

— Без изменений.

Билли задался вопросом, а известно ли Палмеру о звонке по номеру 911. Наполитино и Собецки не было необходимости писать рапорт, с учетом того, что тревога оказалась ложной.

А кроме того, сержанты служили в отделении управления шерифа, которое располагалось в Сент-Элене. И хотя Палмер частенько ездил по вверенному ему округу, само управление находилось здесь, в административном центре округа.

— Печально, что все так вышло, — сказал Палмер.

Билли промолчал.

— По крайней мере, до конца жизни она будет окружена заботой, благо деньги на это есть.

— Она поправится. Выйдет из комы.

— Ты действительно так думаешь?

— Да.

— Все эти деньги... я надеюсь, ты на здоровье не жалуешься.

— Нет.

— Она должна получить шанс насладиться принадлежащими ей деньгами.

Лицо Билли осталось каменным, он ничем не показал, что прекрасно понял намек Палмера.

Зевая, потягиваясь, такой расслабленный и небрежный, Палмер, вероятно, видел себя котом, играющим с мышкой.

— Знаешь, люди будут рады, узнав, что ты не выгорел дотла, что ты продолжаешь писать.

— Какие люди?

— Те, кому нравятся твои произведения, разумеется.

— Вы кого-нибудь из них знаете?

Палмер пожал плечами:

— Я не вращаюсь в этих кругах. Но в одном я уверен...

Поскольку шериф хотел услышать вопрос: «В чем?» — Билли его не задал.

Молчание Билли заставило Палмера продолжить:

— Я уверен, что твои отец и мать гордились бы тобой.

Билли отвернулся от него и вышел из библиотеки.

После царящей там прохлады, обеспечиваемой системой кондиционирования, летняя жара набросилась на него с удвоенной силой. На вдохе ему казалось, что он задыхается, на выдохе — что его душат. А может, причиной была не жара, а прошлое.

Глава 38

Мчась на север по шоссе 29 то в тени растущих у дороги деревьев, то вновь под яркими лучами летнего солнца (склоны знаменитой и плодородной долины сначала незаметно, а потом все более явственно сближались с шоссе), Билли думал о том, как защитить Барбару.

Фонд мог нанять круглосуточную охрану, пока Билли не нашел бы выродка или выродок не прикончил его. С деньгами проблем не было.

Но он жил не в большом городе. В телефонном справочнике не значились десятки, если не сотни охранных фирм.

Дать внятное объяснение охранникам, зачем ему понадобились их услуги, Билли не мог. Правда связала бы его с тремя убийствами, которые выродок и так собирался повесить на него.

Не зная правды, охранники не имели бы понятия, какой сильный и коварный враг им противостоит. То есть он поставил бы под угрозу их жизни.

Кроме того, большинство здешних охранников раньше служили в полиции или продолжали служить и теперь, подрабатывая в свое свободное время. То есть они или работали на Джона Палмера, или продолжали сотрудничать с ним.

Билли не хотел, чтобы Палмер узнал о том, что у Барбары появилась круглосуточная охрана. Шериф мог задуматься, а к чему бы это. Шериф мог начать задавать вопросы.

После нескольких лет, в течение которых Палмер не обращал на него внимания, Билли вновь попал в поле его зрения. И ему совершенно не хотелось, чтобы Палмер заинтересовался им всерьез.

Он не мог попросить друзей помочь ему с охраной Барбары. Для них риск был бы слишком велик.

Да и не было у него столь близких друзей, к которым он мог бы обратиться с такой деликатной просьбой. В большинстве своем его окружали не друзья, а *знакомые*.

Он сам к этому стремился. Отгораживался от людей. Не подпускал их к себе. И теперь пожинал плоды.

Ветер, врывающийся в окно, закладывал уши.

В час величайшей для Барбары опасности ему предстояло защищать ее в одиночестве. И он не знал, удастся ли ему это, даже ценой жизни.

Она заслуживала лучшего мужчины, чем он. С его прошлым никому не следовало обращаться к нему за защитой.

«Мое последнее убийство: в полночь четверга».

Завтра вечером, задолго до полуночи, он заступит на вахту у ее кровати.

В этот вечер не сможет быть рядом с ней. Срочные дела, которые необходимо сделать, возможно, не позволят ему улечься спать до рассвета.

Если он ошибся, если ее убийство — сюрприз второго акта, эта залитая солнцем долина станет для него такой же черной, как межзвездное пространство.

Прибавив скорости, подгоняемый стремлением искупить грехи прошлого, с солнцем, сияющим по левую руку и горой Сент-Элен, возвышающейся впереди, Билли достал мобильник и нажал клавишу «1». В списке режима быстрого набора под этим номером значился телефон интерната «Шепчущиеся сосны».

Поскольку Барбара лежала в отдельной комнате с примыкающей к ней ванной, посетители могли приходить к ней в любое время дня. А по предварительной договоренности члены семьи могли оставаться на ночь.

Он собирался заехать в «Шепчущиеся сосны» по пути домой и договориться о том, что пробудет у Барбары вечер четверга и ночь с четверга на пятницу. Объяснение, которое не могло вызвать подозрений, он уже придумал.

Секретарша, которая сняла трубку, сообщила ему, что миссис Норли, директриса интерната, занята на совещании до половины шестого, но потом сможет его принять. Он сказал, что обязательно будет.

В начале пятого он прибыл домой, в глубине души ожидая увидеть на подъездной дорожке патрульные машины, микроавтобус коронера, орду помощников шерифа и сержанта

Наполитино, стоящего на переднем крыльце рядом с креслом-качалкой, в котором сидел освобожденный из пленочного кокона Ральф Коттл. Но около дома царили тишина и покой.

Вместо того чтобы загнать внедорожник в гараж, Билли оставил его на подъездной дорожке, ближе к заднему фасаду дома.

Вошел в дом и обыскал каждую комнату. Не обнаружил признаков того, что в его отсутствие в доме побывали незваные гости.

Труп в пленочном коконе по-прежнему лежал за диваном.

Глава 39

Над микроволновкой, в шкафчике с двумя дверцами, Билли держал противни, пару сковород для пиццы и еще несколько предметов кухонной утвари, которые следовало хранить вертикально. Он вытащил сковороды вместе с подставкой, на которой они стояли, и убрал в кладовую.

В глубине освобожденного пространства находилась розетка на два гнезда. Провод от штепселя, вставленного в нижнее гнездо, уходил вниз к микроволновке. Билли его вытащил.

Стоя на стремянке, электродрелью просверлил дыру через дно шкафчика и верхнюю панель микроволновки. Печь безвозвратно испортил, но его это не волновало.

Тем же сверлом, надавливая на стенки и водя им вверх-вниз, расширил отверстие. Шум рвал барабанные перепонки.

Появился слабый запах плавящейся изоляции, но Билли закончил работу до того, как выделяющееся при сверлении тепло привело к возгоранию.

Очистив микроволновку от мусора, поставил в нее видеокамеру. Вставив в гнездо видеокамеры штекер провода, протянул его через дыру в дне шкафчика и верхней панели микроволновки. Точно так же поступил с электропроводом.

В шкафчик, на освободившееся от сковород место, поставил записывающее устройство. Следуя инструкции, подсоединил к нему провод, идущий от видеокамеры. Штепсель электропровода камеры воткнул в верхнее гнездо розетки, электропровода записывающего устройства — в нижнее.

Поставил диск, емкость которого обеспечивала семидневную запись. Настроил систему на дискретный режим и включил.

Когда закрыл дверцу микроволновки, внутренняя поверхность окошка уперлась в резиновую окантовку объектива камеры. Смотрел объектив через всю кухню на дверь черного хода.

Свет в микроволновке не горел (и зажечься не мог, поскольку Билли ее обесточил), и камеру можно было увидеть, лишь прижавшись лицом к окошку в передней панели. Выродок мог обнаружить видеокамеру только в одном случае: если бы решил приготовить в микроволновке попкорн.

Поскольку окошко было многослойным, между наружными слоями стекла находился слой прозрачного изоляционного материала. Билли не знал, какая «картинка» получится на записывающем устройстве. Система нуждалась в проверке.

Окна закрывали жалюзи. Билли их поднял, включил верхний свет. Постоял у двери черного хода. Потом неторопливо пересек кухню.

Мини-экран записывающего устройства обеспечивал возможность просмотра записанного материала. Когда Билли забрался на стремянку и просмотрел запись, сначала он увидел темную фигуру у двери. По мере приближения к микроволновке качество съемки заметно улучшалось, он смог узнать себя.

Увиденное ему не понравилось. Серое, мрачное лицо, плотно сжатые губы, потухшие глаза.

Конечно, изображение было черно-белым и разрешающая способность маленького экрана оставляла желать лучшего, тем не менее Билли себе не понравился.

Хотелось бы иметь более четкое изображение, но деваться было некуда. Билли вновь перевел систему в дискретный режим записи, закрыл дверцы шкафчика, убрал стремянку.

В ванной поменял повязку на лбу. Ранки от крючков оставались ярко-красными, но не выглядели хуже, чем раньше. Во всяком случае, негноились.

Билли надел черную футболку, черные джинсы, черные кроссовки. До захода солнца оставалось менее четырех часов, а с приходом темноты Билли хотел раствориться во враждебной ночи.

Глава 40

Гретхен Норли отдавала предпочтение строгим темным костюмам, украшений не носила, волосы зачесывала назад, смотрела на мир сквозь очки в стальной оправе... и декорировала кабинет плюшевыми игрушками. С полки гостя приветствовали медвежонок, лягушка, утенок, кролик, темно-синий котенок и большое количество щенков с высунутыми розовыми или красными языками.

Интернатом «Шепчущиеся сосны» на сто две койки Гретхен управляла с военной эффективностью и максимальным состраданием к пациентам. Дружелюбие ее манер явно не сочеталось с грубостью голоса.

Впрочем, по части противоречивости она ничем не выделялась среди людей, которые обрели временную гармонию в этом изменчивом мире. Просто свойственные Гретхен противоречия очень уж бросались в глаза.

Выйдя из-за стола, тем самым показывая, что рассматривает эту встречу как дружескую, а не деловую, Гретхен села на диван рядом с креслом, в которое усадила Билли.

— Поскольку у Барбары отдельная комната, посетители могут приходить к ней в любое время, не доставляя неудобств другим пациентам. В вашей просьбе я не вижу никакой проблемы, хотя обычно родственники остаются на ночь, когда пациент только прибывает к нам из больницы.

Хотя воспитание не позволяло Гретхен открыто проявлять любопытство, Билли посчитал необходимым объяснить свою просьбу, пусть в объяснении этом не было ни слова правды.

— В моей группе по изучению Библии была дискуссия о том, что говорится в Книге о силе молитвы.

— Так вы ходите в группу по изучению Библии. — Билли явно ее заинтриговал, он определенно не представлялся ей человеком, интересующимся религией.

— Исследования, проведенные одним известным медицинским центром, показали, если друзья и родственники активно молятся за пациента, то он чаще всего выздоравливает, и выздоравливает быстро.

Это противоречивое исследование вызвало столько споров в научных кругах, что их отголоски выплеснулись в прессу. Воспоминания об этих статьях, а отнюдь не дискуссия в группе по изучению Библии и позволили Билли убедительно обосновать свою просьбу.

— Вроде бы я что-то об этом читала, — кивнула Гретхен Норли.

— Разумеется, я каждый день молюсь за выздоровление Барбары.

— Разумеется.

— Но я пришел к выводу, что молитва станет более значимой, если будет сопровождаться жертвой.

— Жертвой, — задумчиво повторила Гретхен.

Он улыбнулся.

— Я говорю не о принесении в жертву ягненка.

— Ага. Что ж, уборщики это одобряют.

— Но молитва у постели страждущего никому не доставит неудобств.

— Кажется, я вас понимаю.

— Конечно же, молитва будет более значимой и эффективной, если человек ради нее чем-то жертвует, скажем, ночным сном.

— Об этом я как-то не думала.

— Мне бы хотелось время от времени сидеть рядом с нею всю ночь и молиться. Если это не поможет ей, то мне точно поможет.

Слушая себя, он думал, что слова его звучат так же лживо, как речи того телеевангелиста, которого застукали голым в компании шлюхи на заднем сиденье его лимузина после того, как он восхвалял с экрана воздержание от плотских утех.

Очевидно, Гретхен Норли слышала его иначе. Потому что глаза за очками в стальной оправе увлажнились.

Легкость, с какой ему удалось выдать ложь за правду, встревожила Билли. Когда лжец очень уж изощряется в искусстве обмана, он теряет способность распознавать правду и сам может клонуть на ложь.

Он ожидал, что ему придется заплатить за то, что одурачил такую милую женщину, как Гретхен Норли, потому что все имело свою цену.

Глава 41

Билли шел главным коридором в западное крыло, где находилась комната Барбары, когда доктор Джордан Феррьер, ее лечащий врач, вышел из комнаты другого пациента. Они чуть не столкнулись.

— Билли!

— Добрый день, доктор Феррьер.

— Билли, Билли, Билли.

— Я чувствую, меня ждет лекция.

— Вы меня избегали.

— Старался, как мог.

Доктор Феррьер выглядел моложе своих сорока двух лет. Русоволосый, зеленоглазый, всегда улыбающийся, убежденный продавец смерти.

— Мы на многие недели опоздали с нашей полугодовой беседой.

— Полугодовые беседы — ваша идея. На эту тему я бы с радостью беседовал с вами раз в десятилетие.

— Пойдемте к Барбаре.

— Нет, — отрезал Билли. — В ее присутствии я говорить об этом не буду.

— Хорошо, — взяв Билли за руку, доктор Феррьер увлек его в комнату отдыха сотрудников интерната.

В этот момент она пустовала. Тишину нарушало только гудение автоматов по продаже закусок и напитков, готовых в любой момент снабдить медиков всякой всячиной с высоким содержанием калорий, жира и кофеина, хотя те прекрасно знали, как все это вредно.

Феррьер отодвинул пластмассовый стул от оранжевого пластмассового стола. Когда Билли не последовал его примеру, вздохнул, вернул стул на место, остался на ногах.

— Три недели тому назад я закончил оценку состояния Барбары.

— Я заканчиваю ее каждый день.

— Я вам не враг, Билли.

— В это время года трудно об этом судить.

Доктор Феррьер, трудолюбивый, умный, талантливый, вроде бы исходил из самых лучших побуждений. К сожалению, университет, где он учился, заразил его так называемой «утилитарной биоэтикой».

— Лучше она не становится, — доктор Феррьер перешел к делу.

— Она не становится хуже.

— Шансы на восстановление высшей когнитивной функции...

— Иногда она говорит, — прервал его Билли. — Вы знаете, что говорит.

— В ее словах есть хоть какой-то смысл? Она говорит что-то связное?

— Иногда.

— Приведите пример.

— Вот так, с ходу, не могу. Мне нужно свериться с моими записями.

У Феррье́ра были сострада́тельные глаза. И он умел ими пользоваться.

— Она была удивительной женщиной, Билли. Никто не сделал бы для нее больше, чем сделали вы. Но теперь для нее нет смысла жить.

— Для меня ее жизнь имеет очень даже большой смысл.

— Страдаете-то не вы. Она.

— Я не вижу, чтобы она страдала, — возразил Билли.

— Но мы не можем знать это наверняка, не так ли?

— Именно так.

Барбаре нравился Феррье́р. Только по этой причине Билли не попросил заменить лечащего врача.

На каком-то глубоком уровне Барбара могла воспринимать происходящее вокруг нее. В этом случае она чувствовала бы себя в большей безопасности, зная, что ею занимается Феррье́р, а не какой-то другой врач, которого она никогда не видела.

Иногда ирония — точильный круг, который затачивал чувство несправедливости Билли до острия бритвы.

Если бы Барбара знала, что Феррье́р заражен биоэтикой, если бы знала, что он, по его разумению, обладает мудростью и правом решать, достоин ли жить младенец, родившийся с синдромом Дауна, или ребенок-инвалид, или лежащая в коме женщина, то могла бы поменять врача. Но она этого не знала.

— Она была такой энергичной, увлеченной женщиной, — гнул свое Феррье́р. — Она не хотела бы влачить подобное существование из года в год.

— Она ничего не влачит, — ответил Билли. — Она не на дне моря. Плавает у поверхности. *Совсем рядом* с нами.

— Я понимаю вашу боль, Билли. Поверьте мне, понимаю. Но у вас нет медицинских знаний, необходимых для оценки ее состояния. *Рядом с нами* ее нет. И никогда не будет.

— Я вспомнил, что она сказала буквально вчера. «Я хочу знать, что оно говорит... море, что оно продолжает говорить».

Во взгляде Феррье́ра смешались жалость и раздражение.

— И это ваш пример связности?

— Первое правило — не навреди, — ответил Билли.

— Вред наносится другим пациентам, когда мы тратим наши ограниченные ресурсы на безнадежных больных.

— Она не безнадежная. Иногда смеется. Она *совсем рядом*, и ресурсов у нее предостаточно.

— Эти ресурсы могут принести много пользы, если использовать их более эффективно.

— Мне деньги не нужны.

— Я знаю. Вы не потратите на себя и цента из ее денег. Но вы могли бы направить эти ресурсы людям, у которых больше шансов на выздоровление, чем у нее, людям, помогать которым более целесообразно.

Билли терпел Феррье́ра еще и потому, что врач сильно помог ему по ходу досудебных разбирательств с компанией, которая изготавливала этот злосчастный суп. Компания эта предпочла сразу заплатить большие деньги и не доводить дело до суда.

— Я думаю только о благе Барбары, — продолжил Феррье́р. — Окажись я в ее состоянии, мне бы не хотелось вот так лежать из года в год.

— Я бы пошел навстречу вашим желаниям, — ответил Билли. — Но мы не знаем, каковы *ее* желания.

— У нас нет необходимости предпринимать активные действия, — напомнил ему

Феррьер. — Мы можем проявить пассивность. Убрать питающую трубку.

Пребывая в коме, Барбара лишилась и способности глотать. Еда, поступившая в рот, в результате оказалась бы в легких.

— Давайте уберем питающую трубку и позволим природе взять свое.

— Смерть от голода.

— Природа просто возьмет свое.

Билли оставлял Барбару под крылышком Феррьер и потому, что врач открыто выражал свою приверженность утилитарной биоэтике. Другой доктор мог это скрывать... или вообразить себя ангелом (скорее, агентом) милосердия.

Дважды в год Феррьер приводил свой аргументы, но не стал бы действовать без согласия Билли.

— Нет, — как всегда, ответил Билли. — Нет. Мы этого не сделаем. Мы оставим все как есть.

— Четыре года — такой долгий срок.

— Смерть дольше.

Глава 42

В шесть часов вечера солнце, повисшее над виноградниками, заполняло комнату летом, жизнью и радостью.

Под бледными веками глаза Барбары Мандель следили за происходящим в ее ярких снах.

— Я сегодня видел Гарри, — рассказывал Билли, сидя на высоком стуле у кровати Барбары. — Он все еще улыбается, когда вспоминает, как ты звала его Маппетом. Он считает своим величайшим достижением тот факт, что его до сих пор не выгнали из коллегии адвокатов.

Ничего другого о прошедшем дне он рассказывать ей не собирался. Все остальное могло только испортить ей настроение.

Если речь заходила об обороне, в комнате были два слабых места: дверь в коридор и окно. В примыкающей к комнате ванной окна не было.

Окно запиралось на шпингалет и закрывалось жалюзи. Дверь не запиралась.

Кровать Барбары, как и любая другая, что в интернате, что в больнице, была на колесиках. В четверг вечером, с приближением полуночи, Билли собирался выкатить кровать из этой комнаты, где ожидал найти Барбару убийца, и поставить в другую, безопасную.

Барбару не подключали ни к системам жизнеобеспечения, ни к мониторам. Емкости с питательным раствором и насос висели на стойке, которая крепилась к каркасу кровати.

Сестринский пост находился в середине главного коридора, и оттуда никто не мог увидеть происходящее в расположенной за углом комнате западного крыла. При удаче Билли мог незаметно для всех перекатить Барбару в другую комнату и вернуться сюда, дожидаться выродка.

При условии, что все так и будет и он разгадал замысел убийцы. Хотелось в это верить.

Он оставил Барбару и прошелся по западному крылу, глядя на двери в комнаты других пациентов, проверяя чулан с постельным бельем, душевую, прикидывая возможные варианты.

Когда вернулся, она говорила: «...вымоченные в воде... вываленные в грязи... забросанные камнями...»

Слова предполагали плохой сон, но тон на это не указывал. Она говорила мягко, как зачарованная: «...изрезанные кремнями... исколотые остриями... изодранные шипами...»

Билли забыл захватить с собой блокнот и ручку.

— Быстро! — сказала она.

Стоя у кровати, он положил руку на плечо Барбары.

— Сделай ему искусственное дыхание! — требовательно прошептала она.

Он ожидал, что сейчас глаза ее откроются и она посмотрит на него, но этого не произошло.

Когда Барбара замолчала, Билли присел на корточки, чтобы найти шнур, который подводил электрический ток к механизму, регулирующему положение матраца. Чтобы вывезти кровать из комнаты, его следовало отсоединить.

На полу, ближе к изголовью, лежала фотография, сделанная цифровым фотоаппаратом. Билли поднял ее, чтобы рассмотреть при лучшем освещении.

— ...ползут и ползут... — прошептала Барбара.

Билли несколько раз повернул фотографию, прежде чем понял, что на ней запечатлен молящийся богомол, вероятно мертвый, белый на фоне выкрашенной белой краской доски.

— ...ползут и ползут... и разрывают его...

Внезапно ее шепчущий голос извернулся, словно умирающий богомол, забираясь в спиральные каналы ушей, отчего по спине Билли пробежал холодок.

Во время официальных часов свиданий родственники и друзья заходили в двери интерната и шли куда хотели без регистрации у охранника.

— ...руки мертвых... — прошептала Барбара.

Поскольку Барбара требовала меньше внимания, чем пациенты, находящиеся в сознании, медицинские сестры бывали в ее комнате не так часто, как в других.

— ...огромные камни... злобно-красные...

Если визитер вел себя тихо, он мог просидеть рядом с ней полчаса, и никто бы этого не заметил, ни прихода, ни ухода.

Билли не хотел оставлять Барбару одну, разговаривающую в пустой комнате, хотя, должно быть, такое случалось тысячу раз. Но в списке дел, намеченных на этот вечер, добавилось еще одно, тоже очень срочное.

— ...цепи свисают... ужасно...

Билли сунул фотографию в карман.

Наклонился к Барбаре и поцеловал в лоб. Холодный, холодный, как и всегда.

Подойдя к окну, опустил жалюзи.

Уходить не хотелось, он остановился на пороге, посмотрел на Барбару.

И тут она сказала нечто такое, что его зацепило, хотя он понятия не имел почему.

— Миссис Джо, — сказала она. — Миссис Джо.

Он не знал миссис Джо, или миссис Джозеф, или миссис Джонсон, или миссис Джонас, или кого-то еще с фамилией, похожей на произнесенную Барбарой. И все же... ему показалось, что знал.

Фантомный богомол вновь зашебуршился в ушах. Пробежал по позвоночнику.

До темноты оставалось менее трех часов, в небе, слишком сухом, чтобы поддержать хоть облачко, сияло солнце, яркостью не уступающее вспышке термоядерного взрыва, воздух застыл, словно в преддверье вселенской катастрофы.

Глава 43

Землю за забором из штакетника устилал ковер декоративной травки, которую не требовалось косить. Под кронами перечных деревьев росли анютины глазки.

Дорожка к дому, испанскому бунгалу, тянулась в тоннеле из плетистых роз. Цветы атели на солнце.

Приводила дорожка к просторному, залитому солнцем патио. Дом, пусть и скромных размеров, поддерживался в идеальном состоянии.

На красной входной двери чернел силуэт птицы. Раскинув крылья, она набирала высоту.

Дверь открылась, едва Билли постучал, словно его ждали — и ждали с нетерпением.

— Привет, Билли, — поздоровалась с ним Айви Элгин, не выказав ни малейшего удивления, будто загодя увидела его через окошко в двери. Да только окошка в двери не было.

Босиком, в шортах и широченной красной футболке, которая ничего не открывала, она все равно выглядела ослепительной красавицей. Наверное, у мужчин текли бы слюнки, даже если бы они увидели Айви в плаще с накинутым на голову капюшоном.

— Я не знал, застану ли тебя дома, — сказал Билли.

— По средам я не работаю, — и она отступила от двери.

— Да. Но у тебя есть личная жизнь, — Билли не решался уйти с солнечной стороны порога.

— Я чищу фисташки на кухне.

Она повернулась и ушла в дом, предлагая ему следовать за ней, словно он бывал здесь тысячу раз. Но приехал-то он впервые.

Солнечный свет, едва пробивающийся сквозь тяжелые портьеры, и торшер под темно-синим шелковым абажуром оставляли большую часть гостиной в глубокой тени.

Темный паркетный пол, темно-синие мохеровые чехлы на мебели, персидский ковер. Все, что было в моде примерно в 1930-х годах.

Его шаги отдавались от паркета, Айви шла совершенно бесшумно, словно скользила над полом, не касаясь подошвами дерева, совсем как сильфида, решившая прогуляться по пруду, оставляя в неприкосновенности его поверхность.

В глубине дома располагалась кухня, размерами не уступающая гостиной, с обеденной зоной.

Забранные деревянными панелями стены, резные дверцы полок, шкафчиков и буфетов, белый с черными ромбами пол... казалось, кухню перенесли в Калифорнию из Нового Орлеана.

Оба окна между кухней и задним крыльцом по случаю жаркого дня были открыты. В одном оконном проеме сидела большая черная птица.

Неподвижность птицы наводила на мысль о таксидермии. Потом птица повернула голову.

Хотя Айви не сказала ни слова, Билли почувствовал, что его приглашают присесть к столу, а когда он сел, она поставила перед ним стакан со льдом. Взяла со стола графин и налила чай.

На красно-белой клетчатой клеенке стоял другой стакан с чаем, ваза с вишнями, сковорода с нечищеными орехами и миска, до середины наполненная очищенными.

— Красиво живешь, — сказал Билли.

— Это дом моей бабушки. — Айви взяла из вазы три вишни. — Она меня вырастила.

Как всегда, она говорила тихо. Не повышала голос даже в таверне, тем не менее мужчины всегда слышали каждое ее слово.

Обычно не замеченный в праздном любопытстве, Билли удивился, услышав собственный голос:

— А что случилось с твоей матерью?

— Она умерла в родах, — Айви разложила вишни на подоконнике рядом с птицей. — А отец просто ушел.

В чай с легким привкусом мяты она добавила персикового нектара.

Когда Айви вернулась к столу и снова принялась чистить орехи, птица продолжала наблюдать за Билли, не обращая внимания на вишни.

— Птица у тебя домашняя? — спросил Билли.

— Мы принадлежим друг другу. Он редко заходит дальше окна, а если заходит, то соблюдает мои правила чистоты.

— И как его зовут?

— Он еще не сказал мне свое имя. Со временем скажет.

Никогда раньше Билли не чувствовал себя так легко и непринужденно. Может, поэтому

и задал такой странный вопрос:

— Что появилось раньше — настоящая птица или та, что на парадной двери?

— Они прибыли одновременно, — дала Айви не менее странный ответ.

— Он кто... ворона?

— Бери выше. Он — ворон и хочет, чтобы мы верили, что он только ворон и ничего больше.

Билли не знал, что на это сказать, и промолчал. Молчание ему нисколько не мешало, и ей, кажется, тоже.

Он вдруг осознал, что куда-то подевалась та спешка, с которой он покидал «Шепчущиеся сосны». Время уже не несло, как бурная река. Более того, здесь, похоже, время ровным счетом ничего не значило.

Наконец-то птица повернулась к вишням клювом и очень ловко начала отделять мякоть от косточек.

Длинные пальцы Айви вроде бы двигались медленно, однако миска на глазах заполнялась очищенными фисташками.

— Дом такой тихий, — отметил Билли.

— Потому что стены долгие годы не пропитывались бесполезными разговорами.

— Не пропитывались?

— Моя бабушка была глухая. Мы объяснялись знаками или записками.

За задним крыльцом начинался цветник, в котором преобладали три цвета: красный, темно-синий и королевский пурпур. Если ветер шевелил листвой, если цикада подавала голос, если пчела жужжала, кружась над розой, ни один звук не проникал сквозь открытое окно.

— Ты, наверное, хотел бы послушать музыку, — добавила Айви, — но я предпочитаю обходиться без нее.

— Ты не любишь музыку?

— Мне ее хватает в таверне.

— Я люблю зудеко. И западный свинг. «Техас топ хэндс». Боб Уиллс и «Техасские плейбои».

— И потом, музыка звучит всегда, если ты достаточно глубоко замрешь, чтобы услышать ее.

Наверное, он еще не научился замирать так, чтобы услышать ту музыку, которую слышала она.

Билли достал из кармана фотографию мертвого богомола и положил на стол.

— Я нашел ее на полу в комнате Барбары в «Шепчущихся соснах».

— Можешь оставить ее у себя, если хочешь.

Он не знал, как истолковать ее ответ.

— Ты ее навещала?

— Иногда я сижу рядом с ней.

— Я не знал.

— Она по-доброму отнеслась ко мне.

— Ты начала работать в таверне через год после того, как Барбара впала в кому.

— Я знала ее раньше.

— Правда?

— Она по-доброму отнеслась ко мне, когда бабушка умирала в больнице.

Барбара была медсестрой, хорошей медсестрой.

— И как часто ты к ней приходишь?

— Раз в месяц.

— Почему ты никогда мне об этом не говорила, Айви?

— Тогда мы могли бы поговорить о ней, не так ли?

— Поговорить о ней?

— Поговорить о том, какой она была, как сильно она страдала... от этих разговоров ты

обретаешь покой? — спросила Айви.

— Покой? Нет. Почему ты так решила?

— Воспоминания о том, какой она была до комы, позволяют тебе обрести покой?

Он задумался.

— Иногда.

Ее удивительные глаза цвета бренди оторвались от фисташек, встретились взглядом с его глазами.

— Тогда не говори об этом теперь. Просто помни, какой она была тогда.

Покончив с двумя вишнями, ворон сделал паузу, чтобы размять крылья. Бесшумно они расправились и столь же бесшумно сложились.

— Зачем ты взяла эту фотографию с собой, когда пошла к ней? — спросил Билли.

— Я ношу их с собой всюду, последние фотографии мертвых.

— Но почему?

— Я же гаруспик, — напонила она ему. — Изучаю их. Они предсказывают будущее.

Билли отпил чая.

Ворон наблюдал за ним, раскрыв клюв, будто кричал. Не издавая ни звука.

— И что они предсказывают насчет Барбары? — спросил Билли.

Пауза перед ответом могла толковаться двояко: то ли Айви обдумывала, что сказать, то ли мыслями была где-то далеко и ей требовалось время, чтобы вернуться.

— Ничего.

— Совсем ничего?

Она уже ответила. Повторять не собиралась.

И богомол с фотографии, лежащей на столе, ничего не сказал Билли.

— Откуда у тебя взялась эта идея, гадать по мертвым? — спросил Билли. — От бабушки?

— Нет. Она этого не одобряла. Набожная католичка, она полагала веру в оккультное грехом. И тот, кто верил в подобное, подвергал опасности свою бессмертную душу.

— Но ты не согласна с нею.

— И согласна, и не согласна, — ответила Айви даже тише, чем обычно.

После того как ворон съел мякоть третьей вишни, косточки остались лежать на подоконнике, бок о бок, свидетельство того, что он признает принятые в доме правила аккуратности и порядка.

— Я никогда не слышала голос матери, — добавила Айви.

Билли не понял, что это значит, потом вспомнил, что ее мать умерла при родах.

— Еще будучи совсем маленькой, я знала, что мать должна сказать мне что-то очень важное.

Впервые он заметил настенные часы. Без секундной, минутной и часовой стрелок.

— Этот дом всегда был таким тихим, — продолжала Айви. — Таким тихим. Здесь учишься слушать.

Билли слушал.

— У мертвых есть что сказать нам.

Блестящими черными глазами ворон смотрел на свою хозяйку.

— Стена здесь тоньше. Стена между мирами. Душа может докричаться через нее, если есть на то сильное желание.

Откладывая в сторону пустые скорлупки, кладя орешки в миску, Айви производила очень тихие звуки, на пределе слышимости.

— Иногда ночью, или в те моменты во второй половине дня, когда, случается, все застывает, или в сумерках, когда горизонт проглатывает солнце и полностью заглушает его, я знаю, она меня зовет. Я буквально слышу ее голос... но не слова. Слова пока не слышу.

Билли подумал о Барбаре, говорящей из глубин своего неестественного сна, о словах, бессмысленных для всех, но имеющих значение для него, пусть пока еще загадочное.

Он находил, что Айви Элгин не только влечет к себе, но и тревожит. Несмотря на всю

ее невинность, предупреждал себя Билли, в ее сердце, как у любого мужчины или женщины, должен быть уголок, куда не проникал свет, куда не могла попасть успокаивающая тишина.

Тем не менее, несмотря на то что он думал о жизни и смерти, несмотря на мотивы, которыми руководствовалась Айви, если такие мотивы у нее и были, Билли чувствовал, что она искренне верит в стремление матери дотянуться до нее, в то, что мать не оставит этих попыток и в конце концов своего добьется.

Более того, Айви произвела на Билли такое сильное впечатление, и веское слово тут сказало не здравомыслие, а подсознательная логика, что он не мог полагать ее обычным эксцентричным человеком. В этом доме стена между мирами действительно могла утончиться, размытая многими годами тишины.

Ее предсказания, базирующиеся на мертвых, редко сбывались хотя бы в малой степени. Она винила себя в неумении правильно истолковать увиденное, но отметала предположение, что гадание по мертвым в принципе бесполезно.

Теперь Билли понимал ее упрямство. Если живой не мог узнать будущее по уникальным особенностям каждого мертвого тела, тогда, возможно, и мертвые ничего не могли сказать живым, и девочка, жаждущая услышать голос матери, никогда его не услышит, как бы ни прислушивалась, сколько бы времени ни молчала, ловя каждый звук, нарушающий тишину.

Вот она и изучала фотографии сбитых автомобилями опоссумов на обочинах дорог, мертвых богомолов, птиц, упавших с неба.

Она тихонько ходила по дому, беззвучно чистила фисташки, едва слышно говорила с вороном или совсем не говорила, и временами тишина становилась гробовой.

Так случилось и на этот раз, но Билли разорвал тишину.

Заинтересованный не столько в анализе ее поведения, сколько в ее реакции, наблюдая за нею более пристально, чем это делала птица, Билли сказал:

— Иногда убийцы-психопаты оставляют себе сувениры, которые напоминают им о жертвах.

Словно не увидев в этой реплике Билли ничего странного, с тем же успехом он мог сказать, что день выдался жарким, Айви глотнула чая и продолжила чистить орехи.

Он подозревал, что ничего из сказанного Айви кем бы то ни было не вызывало у нее удивления, словно она всегда заранее знала, какие слова будут произнесены.

— Я слышал об одном случае, — продолжил Билли, — когда убийца срезал лицо жертвы и хранил его в банке с формальдегидом.

Айви сгребла скорлупки со стола и опустила их в мусорное ведро, которое стояло у ее стула. Не бросила, а *опустила* так, чтобы обойтись без шума.

Глядя на Айви, Билли не мог определить, слышала ли она раньше о такой мерзости или его слова стали для нее новостью.

— Если бы ты увидела тело без лица, ты бы смогла что-нибудь по нему сказать? Не о будущем, а о нем, убийце?

— Театр, — без запинки ответила Айви.

— Не понял.

— Он любит театр.

— Почему ты так решила?

— Драма срезания лица.

— Не улавливаю связь.

Из вазы она взяла вишню.

— Театр — это обман. Ни один актер не играет себя.

Билли смог сказать только одно слово: «Согласен» — и ждать продолжения.

Айви положила вишню в рот. Мгновением позже выплюнула косточку в руку, а мякоть проглотила.

Хотела ли она этим сказать, что косточка — это сущность вишни, или нет, но Билли ее понял именно так.

Вновь Айви встретила с ним взглядом.

— Он взял лицо не потому, что это лицо. Он взял его, потому что это маска.

Глаза ее были прекрасны, но по ним он не мог сказать, что собственная догадка потрясла Айви так же, как его. А может, если человек всю жизнь пытается услышать голоса мертвых, потрясти его не так-то легко?

— Ты хочешь сказать, что иной раз, когда он один и в соответствующем настроении, он достает лицо из банки и носит его?

— Возможно, и носит. Возможно, оно потребовалось ему, потому что напомнило о важнейшей драме его жизни, любимом представлении.

Представление .

Это слово произнес Ральф Коттл. Айви могла повторить его сознательно, а может быть, случайно. Он этого знать не мог.

Она продолжала смотреть ему в глаза.

— Билли, ты думаешь, каждое лицо — маска?

— А ты?

— У моей глухой бабушки, нежной и доброй, как ангел, были свои секреты. Невинные, даже очаровательные секреты. Ее маска была почти такой же прозрачной, как стекло, но все-таки она ее носила.

Билли не знал, что Айви ему этим говорит, к какому выводу хочет подвести своими словами. И не *верил*, что на прямой вопрос получит менее расплывчатый ответ.

И не то чтобы она стремилась обмануть. Она всегда предпочитала говорить не прямо, а намеками, не намеренно, такой уж была. Все, что она говорила, звучало ясно, словно удар колокола... и, однако, вызывало трудности при толковании.

Часто ее молчание было красноречивее произнесенных ею слов — чего еще можно было ожидать от человека, воспитанного глухим?

Если он понимал ее хотя бы наполовину, получалось, что Айви совершенно его не обманывала. Но почему она тогда подчеркивала, что каждое лицо, включая и ее собственное, маска?

Если Айви навещала Барбару только потому, что однажды Барбара проявила по отношению к ней доброту, если она взяла фотографии мертвых тел в «Шепчущиеся сосны» только потому, что всюду носила их с собой, тогда фотография мертвого богомола не имела никакого отношения к ловушке, в которую попал Билли, а она ничего не знала о выроде.

В этом случае ему следовало встать, уйти и заняться куда более срочными делами. Однако он остался за столом.

Ее взгляд вернулся к фисташкам, руки вновь принялись их чистить.

— Моя бабушка была глухой от рождения. Она никогда не слышала сказанного слова, не знала, как их произносить.

Наблюдая за ловкими пальцами Айви, Билли чувствовал, что ее дни заполнены полезной работой: уходом за садом, уборкой в доме, готовкой, и она всеми силами избегает безделья.

— Она никогда не слышала смеха других, но знала, как нужно смеяться. У нее был потрясающий, заразительный смех. А как бабушка плачет, я впервые услышала в восемь лет.

Билли понимал, что трудолюбие Айви — отражение его собственного, необходимость занять себя, и сочувствовал ей. Она ему нравилась, независимо от того, мог он ей довериться или нет.

— Когда я была гораздо моложе, я не могла полностью осознать того, что моя мать умерла в родах. Раньше я думала, что убила ее и несусь за это ответственность.

В окне ворон вновь размял крылья, расправил и сложил так же бесшумно, как в первый раз.

— В восемь лет я наконец-то поняла, что вины на мне нет. Когда я знаками рассказала бабушке о моем открытии, она впервые на моей памяти заплакала. Это звучит смешно, но, когда она заплакала, я предположила, что плакать она будет молча, лишь по щекам польются

слезы. Но рыдала она так же громко, как смеялась. Поэтому, по части этих двух звуков, она ничем не отличалась от любой другой женщины, которая могла слышать и говорить. Была одной из них.

Раньше Билли думал, что Айви околдовывает мужчин красотой и сексуальностью, но, как выяснилось, чары у нее были куда более сильными.

Он понял, что собирается открыть ей, лишь когда услышал собственный голос:

— В четырнадцать лет я застрелил отца и мать.

Она ответила, не поднимая головы:

— Я знаю.

— Насмерть.

— Я знаю. Ты когда-нибудь думал, что кто-то из них захочет поговорить с тобой через стену?

— Нет. Никогда. И, Господи, я надеюсь, что они не заговорят.

Она чистила фисташки, он наблюдал, а потом она сказала:

— Тебе нужно идти.

По ее тону он понял: она говорит, что он может остаться, но понимает, что у него есть важные дела.

— Да, — он поднялся.

— У тебя беда, Билли?

— Нет.

— Это ложь.

— Да.

— И это все, что ты мне скажешь.

Он промолчал.

— Ты пришел сюда в поисках чего-то. Нашел?

— Не уверен.

— Иногда ты так прислушиваешься к самому тихому из звуков, что не слышишь куда более громких.

Он несколько секунд обдумывал ее слова, прежде чем спросить:

— Ты проводишь меня до двери?

— Дорогу ты теперь знаешь.

— Тебе нужно запереть за мной дверь.

— Она сама закроется на защелку.

— Этого мало. До темноты ты должна запереть ее на взрезной замок и закрыть эти окна.

— Я ничего не боюсь. И никогда не боялась.

— А я боялся всегда.

— Я знаю. Двадцать лет.

По пути к двери шаги Билли отдавались от паркета гораздо тише. Он закрыл входную дверь, проверил защелку и пошел по дорожке-тоннелю к улице, оставив Айви Элгин с чаем, фисташками и вороном на окне, в гробовой тишине кухни, где на стене висели часы без стрелок.

Глава 44

Стив Зиллис снимал безликий одноэтажный дом на улице, на которой господствовала философия пренебрежения к собственности.

Только на одном участке, к северу от дома Зиллиса, поддерживался должный порядок. Жила там Селия Рейнольдс, приятельница Джекки О'Хары.

Она заявляла, что видела, как Зиллис во дворе в ярости рубил стулья, арбузы, манекены.

Гараж примыкал к дому с южной стороны, вне поля зрения наблюдательной Селии Рейнольдс. Не раз и не два посмотрев в зеркала заднего обзора и убедившись, что слежки за

ним нет, Билли припарковался прямо на подъездной дорожке.

Зиллиса и его соседа с юга разделяла восьмидесятифутовая стена разросшихся эвкалиптов, которые никто никогда не подрезал, не позволяющая увидеть, что находится по другую ее сторону.

Перед тем как выйти из кабины «Эксплорера», Билли низко надвинул на лоб синюю бейсболку. В руке он держал ящик для инструментов. Человек с ящиком для инструментов, который, ни от кого не прячась, решительно направляется к дому, может быть только ремонтником и, соответственно, не вызывает подозрений.

Бармена Билли прекрасно знали в лицо в определенных кругах, но он не собирался долго находиться на виду.

Пройдя между источающими сильный аромат эвкалиптами и стеной гаража, он, как и ожидал, нашел боковую дверь.

Пренебрежение собственностью и низкая арендная плата предполагали наличие самого простого замка. Билли не ошибся и в этом.

Просунув ламинированное водительское удостоверение в щель между дверью и дверной коробкой, он отжал собачку замка. Занес ящик с инструментами в гараж и зажег свет.

По пути из «Шепчущихся сосен» к дому Айви Элгин он проехал мимо таверны. Увидел, что автомобиль Стива уже на стоянке.

Зиллис жил один. Путь был свободен.

Билли открыл ворота гаража, загнал внедорожник, закрыл ворота.

По средам народу в таверне хватало. Стив не мог вернуться домой раньше двух часов ночи.

Тем не менее Билли не мог потратить семь часов на то, что забраться в дом и обыскать его. Задолго до рассвета предстояло избавиться от двух трупов, на которых имелись вещественные улики, однозначно указывающие, что убил этих людей не кто иной, как Билли.

В гараже хватало грязи и паутины, но не всякого хлама. За десять минут Билли нашел пауков, но не запасной ключ от двери.

Ему не хотелось оставлять следы взлома. Однако с легкостью открывать замки удастся только в кино. Точно так же, как соблазнять женщин и убивать мужчин.

Устанавливая в своем доме новые замки, Билли не только узнал, как это делается, но и понял, что очень часто работу эту выполняют спустя рукава. Он надеялся, что и здесь мастер окажется не из лучших, и его ожидания оправдались.

Возможно, дверь навесили за одну сторону, а замок купили под другую. И вместо того, чтобы перевесить дверь или поменять замок, хозяева просто его перевернули. Так что внутренняя лицевая сторона замка оказалась в гараже.

И вместо приваренной к замку рамки на Билли смотрела снимаемая, которая крепилась на двух шурупах. Личинка вытаскивалась за специальное кольцо с зацепами, для этого и предназначенное.

Так что на поиски запасного ключа он потратил больше времени, чем на открытие двери. Прежде чем войти в дом, Билли вновь собрал замок и тщательно стер отпечатки своих пальцев с поверхностей, к которым мог прикоснуться.

Инструменты положил в ящик, из него достал револьвер. На случай, если бы пришлось быстро сматываться, поставил ящик с инструментами в багажное отделение «Эксплорера».

Помимо ящика с инструментами, он захватил с собой и коробку с одноразовыми латексными перчатками. Достал две, натянул на руки.

До захода солнца оставался еще час. Билли прошелся по дому, везде зажигая свет.

В кладовой многие полки пустовали. Запас продуктов Стива был типичным для холостяка: консервированные супы, тушенка, различные чипсы.

Грязные тарелки и кастрюли в раковине числом превышали чистые на полках и в шкафчиках. Там тоже хватало пустого места.

В одном из ящиков Билли нашел запасные ключи от автомобиля, гаража и, возможно, от

дома. Действительно, один из них подошел к двери черного хода. Билли сунул его в карман, остальные положил на место.

Мебель Стив Зиллис не уважал. Около пластикового стола на кухне стоял один стул, тоже из пластика, но совершенно другого цвета.

Вся обстановка гостиной состояла из просиженного дивана, скамейки для ног, телевизора с дивиди-плеером на тумбе на колесиках. Журналы стопками лежали на полу, одной из них компанию составляла пара грязных носок.

Если бы не отсутствие постеров, могло бы создаться впечатление, что это комната в студенческом общежитии. Затянувшаяся юность вызывала жалость, но преступлением не являлась.

Если женщины здесь и появлялись, то не возвращались сюда... и не ночевали. Умения завязывать языком черенки вишен явно не хватало для установления длительных романтических отношений.

В спальне для гостей обстановку заменяли четыре манекена. Все женщины, голые, без париков, лысые. Три подверглись переделке.

Один лежал на полу, в центре комнаты. Руки сжимали рукоятки двух мясницких ножей. Оба вонзили манекену в шею, словно он дважды зарезал сам себя.

Между ног в пластике проделали дыру. Также между ног торчал металлический штырь, вероятно, выломанный из забора. Острый конец штыря загнали в грубое подобие влагалища.

Вместо ступней у манекена была вторая пара кистей, прикрепленная к голеним. Ноги в коленях согнули так, чтобы дополнительные кисти могли держать металлический штырь.

Третья пара кистей торчала из груди. Они жадно хватали воздух, словно манекен никак не мог насытить свою похоть.

Глава 45

Далеко не в одном доме, если зайти туда без спроса и иметь возможность не торопясь осмотреть его, вы сможете найти свидетельства извращенных вкусов хозяина.

Но на переделку манекенов было затрачено слишком много сил и времени, так что они представляли собой нечто большее. Скорее всего, выражали потребность насиловать и убивать, удовлетворить которую полностью никак не удавалось.

Второй манекен сидел спиной к стене, раскинув ноги. Глаза ему вырезали. Вместо них вставили зубы.

Похоже, звериные зубы, может быть, рептилий, и, скорее всего, настоящие. Изогнутые клыки, заостренные резцы.

Зубы аккуратно приклеили к глазнице. И теперь каждая напоминала пару маленьких челюстей.

Рот превратили в большую дыру. И пасть манекена тоже заполняли не человеческие зубы.

Зубы торчали и из ушей.

Из сосков и из пупка. А уж во влагалище, еще одной дыре, зубов было больше, чем в любом другом отверстии.

Что представлял собой этот монстр, страх перед женственностью или женщину, пожирающую себя, Билли не знал, да и не хотел узнать.

Он мечтал только об одном: побыстрее выбраться из этого дома. Увидел более чем достаточно. Но продолжал смотреть.

Третий манекен тоже сидел спиной к стене. Его руки лежали на коленях, держали чашу. А чаша являла собой срезанную верхнюю часть черепа.

Чашу заполняли фотографии мужских половых органов. Билли к фотографиям не прикоснулся, но поверхностного взгляда хватило, чтобы предположить, что на всех фотографиях запечатлены гениталии одного мужчины.

Аналогичные фотографии, десятки фотографий, торчали из оставшейся части головы манекена. А также из раскрытого рта.

Вероятно, Стив Зиллис провел немало времени, фотографируя свой половой орган с разных углов, в разной степени возбуждения.

Латексные перчатки Билли послужили не только для того, чтобы в доме не осталось его отпечатков пальцев. После увиденного Билли бы вытошнило, если бы ему пришлось голой рукой прикасаться к дверным ручкам, выключателям, к чему угодно.

Четвертый манекен стоял нетронутым. Зиллису, возможно, не терпелось добраться до него.

Вот, значит, какие мысли вертелись в голове Зиллиса во время его смены в таверне, когда он наливал пиво, смешивал напитки, рассказывал анекдоты, показывал фокусы.

В спальне Зиллиса обстановка была спартанской, как и в остальных комнатах. Кровать, тумбочка, настольная лампа, часы. Ни картин на стенах, ни безделушек, ни сувениров.

Простыни смятые, одна подушка на полу.

Один угол, судя по всему, служил свалкой для грязного белья. Рубашки, шорты, джинсы, нижнее белье лежали кучей.

Обыск спальни и стенового шкафа привел еще к одному тревожному открытию.

Под кроватью обнаружился десяток видеокассет с порнофильмами. На обложке изображались обнаженные женщины в наручниках, цепях, некоторые с кляпами, с завязанными глазами. Над ними угрожающе нависали садисты-мужчины.

То были не любительские, а профессиональные фильмы, которые продавались в магазинах для взрослых, как из кирпича и цемента, так и в онлайн-овых.

Билли вернул кассеты на место и задался вопросом: а достаточно ли он обнаружил, чтобы полиция могла нагрянуть сюда с ордером на арест?

Нет. Ни манекены, ни порнофильмы не доказывали, что Стив Зиллис когда-либо причинил вред человеческому существу, только свидетельствовали об отклонениях его фантазий от нормы.

Тем временем за диваном в доме Билли лежал реальный покойник, от которого следовало избавиться.

Если бы он стал подозреваемым в убийстве Гизель Уинслоу в Напе или если бы обнаружили тело Лэнни Олсена и заподозрили Билли и в этом убийстве, за ним как минимум организовали бы слежку. Он потерял бы свободу действий.

А вот если бы полиция нашла тело Коттла, его бы сразу арестовали.

Никто бы не понял, что грозит Барбаре. В существование такой угрозы просто бы не поверили. Его предупреждения не восприняли бы всерьез. Когда ты — главный подозреваемый, полиция хочет услышать от тебя только одно: признание в совершенных преступлениях.

Он знал, что при этом происходит. Он совершенно точно знал, что при этом происходит.

В течение двадцати четырех часов или сорока восьми часов (или недели, месяца, года), которые потребуются ему, чтобы доказать свою невиновность, если он вообще сможет это сделать, Барбара останется беззащитной, без охранника.

Его слишком глубоко затянули в трясины. И спастись он мог, рассчитывая только на свои силы.

Если бы он нашел лицо в банке с формальдегидом или другие, не менее жуткие сувениры, то мог бы попытаться сдать Зиллиса властям. Ничто другое их бы не убедило.

Как и в большинстве домов в Калифорнии, подвала в доме Зиллиса не было, зато был чердак. Люк находился в потолке коридора, веревка свисала вниз.

Когда он потянул за веревку, крышка откинулась, с нее сползла раздвижная лестница.

За спиной раздался какой-то шум. Мысленно он увидел зубастый манекен, ринувшийся на него.

Развернулся, выхватив из-за пояса револьвер. Никого. Наверное, чуть осел старый дом.

Поднявшись по лестнице, он увидел закрепленный на полу чердака выключатель. Две

лампочки, покрытые пылью, осветили пустое пространство, где пахло древесной гнилью.

Очевидно, выродку хватило ума держать свои сувениры в другом месте.

Билли подозревал, что Зиллис жил здесь, но не считал это место своим домом. Минимум мебели, полное отсутствие каких-то декоративных вещей — все говорило о том, что для Стива Зиллиса это всего лишь дорожная станция. Остановка в пути. Он просто проезжал мимо.

В таверне он отработал пять месяцев. Где он провел предыдущие пять с половиной лет, прошедшие после того, как в Денвере исчезла Джудит Кессельман, студентка Университета Колорадо?

Интернет связал его только с одним исчезновением и ни с какими убийствами. Если верить «Гуглю», на Зиллисе «висело» гораздо меньше, чем на самом Билли.

Но если иметь список городов, в которых останавливался Стив Зиллис, если проанализировать исчезновения и убийства, которые имели место быть в тех городах, возможно, удастся составить более четкую картину.

Наиболее удачливые серийные убийцы были бродягами, которые совершали свои преступления в самых разных местах. Места, где они убивали, разделяли сотни миль, и относились эти места к разным юрисдикциям, так что связать эти убийства в серию было непросто. То, что бросается в глаза с самолета, невозможно увидеть шагающему по земле.

Странствующий бармен, который умеет смешивать напитки и ладить с посетителями, может найти работу где угодно. Далеко не везде у него будут спрашивать рекомендации с прежних мест работы, ограничатся только карточкой социального страхования, водительским удостоверением и разрешением от Совета по контролю за употреблением спиртных напитков штата. Джекки О'Хара, типичный представитель работодателей Стива, не звонил в те места, где раньше работал человек, который нанимался к нему. Он принимал решения, основываясь на собственных впечатлениях.

Билли погасил все лампы и вышел из дома. Запасным ключом закрыл за собой дверь и вновь положил его в карман, потому что собирался вернуться.

Глава 46

Умиравшее солнце окрашивало в яростно-кровавый цвет огромное сооружение, строящееся по другую от таверны сторону автострады.

Когда Билли ехал домой, чтобы забрать тело Коттла, это сверкающее зрелище настолько захватило его внимание, что он свернул на обочину и остановил внедорожник.

Команда, реализующая проект: художники, инженеры, рабочие, — собралась около большого желто-пурпурного шатра, в котором они обедали, проводили совещания, принимали знаменитостей мира искусства и искусствоведения, чтобы насладиться закатом, этим мимолетным чудом природы.

Рядом с шатром стоял большущий желто-пурпурный дом на колесах, построенный на шасси автобуса для междугородных перевозок, с надписью «ВАЛИС» на борту. Во внешней отделке дома на колесах активно использовались никель и хром, в которых теперь отражался яростный блеск солнца. Тонированные окна обрели цвет алой бронзы.

Но остановиться Билли заставили не желто-пурпурный шатер, не дом на колесах, в каких обычно путешествуют рок-звезды, не группа людей, восторгающихся закатом.

Поначалу он бы сказал, что его внимание прежде всего привлек ало-золотой блеск зрелища. Но это объяснение не соответствовало действительности.

Сооружение было светло-серым, но, отражая яркий солнечный свет, оно поменяло цвет. От нагретых солнцем поверхностей поднимался еще и горячий воздух, и в сочетании с ослепительным блеском отраженного света создавалось полное ощущение, что гигантская скульптурная композиция охвачена огнем.

Именно это заставило Билли остановиться: полная иллюзия пожара на сооружении,

которое после свершения строительства действительно собирались сжечь.

Сочетание местоположения солнца и атмосферных условий как бы предсказывало будущее гигантской скульптуры: огонь придет. А серость, которая иной раз проглядывала сквозь фантомный огонь, являла собой золу и пепел.

В яркости цветов, рожденных заходящим солнцем, Билли все лучше понимал причину гипнотической мощи этого зрелища. Особенно завораживала его фигура, взятая в оборот этой стилизованной машинерией, мужчина, пытающийся выжить между перемалывающих все и вся колес, шестерней, поршней.

Все эти недели, пока продолжалось строительство и скульптурная композиция приобретала завершающие очертания, казалось, что человек пойман машиной, как, собственно, и задумывал художник. Стал жертвой сил, над которыми не властен.

Теперь же, под заходящим солнцем, человек вроде бы и не горел, в отличие от окружающей его машины. Светился, да, но светился как бы изнутри, могучий и крепкий, неподвластный языкам пламени, которые пожирала машину.

Эта фантасмагорическая машина строилась не инженером. Была простым нагромождением символов машин, не имела функционального назначения.

Машина, не реализующая некую производительную функцию, не имела смысла. Не могла служить даже тюрьмой.

Человек мог выйти из этой машины, когда бы захотел. Он не был в ловушке. Он только верил, что находится в ловушке, но вера эта родилась из потакания собственному отчаянию, а потому была ложной. Мужчина должен был уйти от бессмысленности, найти значение своей жизни, а найдя его, поставить перед собой достойную цель.

Откровения не были характерны для Билли. Он всю жизнь бежал от них. Проницательность и боль воспринимал как синонимы.

Но на этот раз, понимая, что перед ним откровение, он не убежал от него. Вместо этого, вновь выехав на трассу и продолжив путь домой, в надвигающиеся сумерки, он забирался вверх по ментальной лестнице возможных толкований этого откровения, добирался до площадки, где лестница поворачивала, и поднимался дальше, к следующему повороту лестницы.

Он не мог предвидеть, какие выводы сделает из этой внезапной интуитивной догадки, но точно знал: догадка эта обязательно ему поможет, прежде всего в принятии правильных решений.

Когда он приехал домой, на западном горизонте осталась лишь узкая полоска заката. Билли съехал с дорожки на лужайку, задом подогнал «Эксплорер» к заднему крыльцу, чтобы облегчить погрузку тела Ральфа Коттла.

Его не могли увидеть ни с дороги, ни с участка ближайшего соседа. Выходя из кабины, он слышал первое уханье ночной совы. Только сова увидела бы его и звезды.

На кухне он достал стремянку из кладовой и проверил записывающее устройство, установленное в шкафчике над микроволновкой. Произведенная на диск запись показала, что в отсутствие Билли в его дом никто не входил, во всяком случае, через кухню.

Он никого и не ожидал. Стив Зиллис сейчас работал в таверне.

Убрав стремянку, он, ухватившись за веревочную петлю, протащил Коттла через дом на заднее крыльцо, спустил со ступенек. Загрузка трупа в багажное отделение «Эксплорера» потребовала больше терпения и мускульных усилий, чем ожидал Билли.

Он оглядел темный двор, темный лес, деревья-часовые. Ощущения, что за ним наблюдают, не было. Наоборот, он остро чувствовал собственное одиночество.

Хотя запирать дом казалось бессмыслицей, он запер дверь и отогнал «Эксплорер» в гараж.

При виде циркулярной пилы, сверлильного станка, инструментов Билли вдруг захотелось забыть о кризисе, с которым он столкнулся. Ему захотелось вдохнуть запах свежих опилок, насладиться точностью соединения «ласточкин хвост».

В последние годы он столько сделал по дому, сам, все сам. И если теперь ему

предстояло сделать что-то для других, он бы начал с того, в чем они нуждались: с гробов. Он мог бы найти себе новую профессию: гробовщика.

С мрачным лицом Билли загрузил в «Эксплорер» еще одно полотнище пленки, моток веревки, липкую ленту, фонарь, кое-что из мелочей. Все, что могло понадобиться. Добавил несколько сложенных одеял и пустых картонных коробок, чтобы получше замаскировать труп.

Перед Билли лежала долгая ночь похоронных работ, и он боялся не только выроodka-убийцу, но и многого того, что обитало в темноте. Последняя нагоняет ужас на разум, но правда и в том (и в этом он черпал надежду), что темнота напоминает нам о свете. Независимо от того, что ждало его в ближайшие часы, Билли верил, что он вновь будет жить при свете дня.

Глава 47

Четырех часов сна, плюс «Викодин» и пиво «Элефант» не могло хватить для полноценного отдыха.

Прошло более двенадцати часов с того момента, как Билли поднялся с кровати. Физических ресурсов ему еще хватало, но вот голова работала не так быстро и четко, как ему хотелось.

Уверенный в том, что «Эксплорер» не выглядит как катафалк, пусть в багажном отделении и лежал труп, он остановился около небольшого магазинчика. Купил «Анацин», чтобы справиться с головной болью, и кофеиновые таблетки «Не спи».

За завтраком он съел две оладьи, потом сэндвич с ветчиной, так что организму определенно не хватало калорий.

В магазине продавались сэндвичи в вакуумной упаковке. Для их разогрева имелась микроволновая печь. Но по какой-то причине его желудок дал бурную реакцию на одну только мысль о мясе.

Он купил шесть шоколадных батончиков «Херши», источник сахара, шесть ореховых батончиков «Плантерс», источник белка, и бутылку «Пепси», чтобы запить таблетки «Не спи».

— День Валентина в июле или что? — спросила кассирша, указав на сладости.

— Хэллоуин, — ответил Билли.

Сев за руль внедорожника, принял по таблетке «Анацина» и «Не спи».

На пассажирском сиденье лежала газета, которую он купил в Напе. Он еще не успел прочитать статью об убийстве Уинслоу. В газете сложены распечатки нескольких заметок из «Денвер пост». О Джудит Кессельман, пропавшей навсегда.

Он читал распечатки, откусывая сначала от батончика «Херши», потом от «Плантерс». Цитировались представители администрации, студенты, родственники и друзья, сотрудники полиции. Все, кроме полицейских, выражали сдержанную надежду на возвращение Джудит.

Копы высказывались крайне осторожно. В отличие от ученых, чиновников и политиков, они избегали пустопорожней болтовни. И получалось, что только их действительно волновала судьба молодой женщины.

Расследование вел детектив Рэмси Озгард. Некоторые из коллег называли его Озом.

На тот момент ему было сорок четыре года. По ходу службы он трижды награждался за проявленную храбрость.

В пятьдесят лет он по-прежнему мог оставаться на службе. Информация, имеющаяся в заметках, позволяла сделать такое предположение. В тридцать восемь лет Рэмси Озгарда ранили в левую ногу. Он мог выйти в отставку, получив полноценную пенсию, но предпочел остаться на службе. И даже не хромал.

Билли хотелось поговорить с Озгардом. Для этого, однако, он не мог воспользоваться ни своим именем, ни телефоном.

Как только батончики, «Пепси» и таблетки «Не спи» начали смазывать шарики и ролики в его голове, Билли поехал к дому Лэнни Олсена.

Не припарковался у церкви, чтобы добраться до него пешком, как сделал в прошлый раз. Прибыв к уединенно стоящему дому, последнему на тупиковой дороге, пересек наклонный, поднимающийся в гору двор, проехал мимо тира, в котором задником служили тюки соломы.

Лужайка уступила место дикой траве, далее пошла каменистая земля. Поднявшись достаточно высоко по склону, Билли перевел ручку переключения скоростей в нейтральное положение, поставил автомобиль на ручник.

Включенные фары ему бы не помешали, но их могли увидеть снизу, из домов, которые он миновал ранее.

С тем чтобы не привлекать внимания и не разжигать чьего-либо любопытства, Билли выключил фары и заглушил двигатель.

На своих двоих, подсвечивая себе фонарем, быстро нашел уходящую в землю шахту.

До виноградников, до прибытия европейцев, до того, как предки американских индейцев пришли сюда по ледяному мосту из Азии, вулканы создали эту долину. Они же определили ее будущее.

Старую винокурню Росси, винные подвалы Хайца и другие здания в долине строили из риолита, вулканического минерала, напоминающего гранит, который здесь же и добывался. Холм, на котором стоял дом Олсена, был из базальта, еще одного вулканического материала, темного и тяжелого.

Когда извержение заканчивается, оно иногда оставляет после себя лавовые трубы, длинные тоннели, пробитые в камне. Билли недостаточно хорошо разбирался в вулканологии и не мог сказать, то ли на этом холме выходит наружу такая вот лавовая труба, то ли это фумарола, через которую вырывались горячие газы.

Знал он другое: шахта на выходе диаметром четыре фута и невероятно глубокая.

В этих местах Билли ориентировался прекрасно, потому что Перл Олсен приютила его, когда в четырнадцать лет он остался один. Она совершенно не боялась его, чего нельзя было сказать о других. Легко могла отличить правду от лжи. Ее доброе сердце открылось ему и, несмотря на раковое заболевание, которое сводило ее в могилу, воспитывала сироту, как сына.

Двенадцатилетняя разница между Билли и Лэнни означала, что они не чувствовали себя братьями, пусть и жили в одном доме. Кроме того, Лэнни всегда держался сам по себе и, возвращаясь со службы в управлении шерифа, принимался за рисование.

Впрочем, отношения у них сложились дружелюбные. Иногда Лэнни мог даже изобразить доброго дядюшку.

В один из таких дней Лэнни предложил Билли попытаться определить глубину шахты.

Хотя маленькие дети не играли на этом холме, Перл волновалась о безопасности даже воображаемых малышей. Многими годами раньше она заказала раму из красного дерева, которую закрепили на базальте по периметру шахты. А зев последней накрыли крышкой из красного дерева, которую винтами соединили с рамой.

Сняв крышку, Лэнни и Билли начали исследования с помощью полицейского фонарика, электроэнергия к которому поступала по проводам от двигателя пикапа.

Луч осветил стены на глубину в добрых триста футов, но дна они так и не увидели.

Уходя вглубь, шахта расширялась до восьми или десяти футов. Стены были неровные, кое-где в трещинах.

Они привязали фунт медных шайб к концу веревки и опустили их по центру шахты, рассчитывая услышать звон колец, когда те стукнутся о дно. Веревка у них была в тысячу футов, и ее не хватило, чтобы достать до дна.

Наконец они стали бросать вниз стальные шарики от подшипников, засекая время падения, чтобы потом, по формуле из учебника, определить глубину шахты. Минимальная глубина, на которой шарик обо что-то ударялся, составила тысячу четыреста футов.

Но дно шахты находилось глубже.

Шахта достаточно долго уходила вертикально Вниз, но дальше, вероятно, изгибалась, и, возможно, не один раз. После первого удара шарик продолжал рикошетом отлетать от стен, и звуки эти не обрывались, затихали и затихали, пока не сходили на нет.

Билли полагал, что длина этой лавовой трубы — многие мили и она спускается на несколько тысяч футов под поверхность долины.

Теперь, в свете фонарика, он воспользовался приводимой в движение аккумулятором электроотверткой, чтобы отвернуть двенадцать винтов, которые соединяли раму и крышку. Последний раз он и Лэнни проделывали эту операцию чуть ли не двадцать лет тому назад. Потом он сдвинул крышку.

Из шахты не тянуло ветерком. Билли с трудом уловил слабые запахи пепла и соли.

Покрякивая от напряжения, он выволок мертвеца из багажного отделения внедорожника и подтащил к шахте.

Оставленные на земле следы его не волновали.

Камень, он и есть камень. Если что и осталось, то через несколько дней точно исчезло бы.

Хотя покойник мог этого не одобрить, учитывая его принадлежность к Обществу скептиков, Билли пробормотал над телом короткую молитву, прежде чем сбросить его в дыру в земле.

От Ральфа Коттла, летящего вниз, шума было куда больше, чем от любого из стальных шариков. Первые удары о стены были громовыми.

Потом удары сменились свистящим звуком, который издавала пленка от трения по каменной стене. Возможно, тело спиралью скользило по стенам лавовой трубки, совсем как пуля по нарезному стволу.

Глава 48

Билли оставил «Эксплорер» на лужайке за гаражом, где его не мог увидеть автомобилист, который заехал бы в тупик, чтобы развернуться. Натянул на руки латексные перчатки.

Запасным ключом, который достал из дупла в пне менее девятнадцати часов тому назад, открыл дверь черного хода, прошел на кухню.

С собой захватил пленку, клейкую ленту, веревку. И, разумеется, револьвер калибра 0,38 дюйма.

Проходя по первому этажу, везде зажигал свет.

Среда и четверг были выходными днями Лэнни, поэтому в ближайшие тридцать шесть часов хватиться его не могли. А вот если бы подъехал кто-нибудь из друзей, увидел свет в окнах, но дверь бы ему не открыли, мог подняться переполох.

Билли намеревался закончить все свои дела как можно быстрее, после чего везде погасить свет.

Плакаты с изображениями рук, указывающих путь к трупам, висели на прежних местах, приклеенные липкой лентой к стене. Билли намеревался снять их позже, замечая все следы.

Если бы на теле Лэнни нашлись улики, свидетельствующие о том, что Билли — убийца (а такие улики, по словам Коттла, остались на теле Гизель Уинслоу), их не удалось бы использовать в суде, если Лэнни будет покоиться в миле или около того под землей.

Билли понимал, что, уничтожая подложные улики, он одновременно уничтожал свидетельства причастности выроodka к убийству Лэнни, если тот случайно их оставил. Он заметал следы за них обоих.

Хитрость, с которой расставлялась ловушка, и тот выбор, который поначалу делал Билли, в точности соответствуя замыслу представления, фактически указывали на то, что выродок предполагал его появление в доме Лэнни именно с той целью, с какой он здесь и

появился.

Билли это не волновало. Все отошло на второй план, за исключением благополучия Барбары. Он мог защитить ее, лишь оставшись на свободе, а другого защитника у Барбары не было.

Если бы на Билли пало подозрение в убийстве, Джон Палмер тут же усадил бы его за решетку. Шериф приложил бы все силы, чтобы добиться обвинительного приговора, а уж потом, используя его, попытался бы переписать историю.

Они могли держать его в камере только по подозрению в убийстве. Сколь долго, Билли не знал. Но сорок восемь часов наверняка могли.

К тому времени Барбару бы убили. Или она пропала бы без вести, как Джудит Кессельман, которая училась музыке, любила собак, обожала гулять по берегу океана.

Представление завершилось бы. Возможно, у выроodka появилось бы еще одно лицо в еще одной банке.

Прошлое, настоящее, будущее — все время от начала до скончания веков собралось здесь и сейчас и помчалось галопом (он мог поклясться, что слышит, как со свистом вращаются стрелки его наручных часов), вот он и поспешил к лестнице, чтобы подняться на второй этаж.

На подъезде к дому у него вдруг возникла мысль, что он не найдет тело Лэнни в кресле в спальне, где видел его в последний раз. Еще один ход в игре, еще один поворот сюжета представления.

И на последней ступеньке он замер, остановленный этой самой мыслью. Замер и еще раз, у двери спальни. А потом переступил порог и включил свет. Лэнни сидел в кресле, с книгой на коленях, с фотографией Гизель Уинслоу между страницами.

Выглядел труп не очень. Кондиционер в доме работал, поэтому более низкая, чем за стенами, температура воздуха приостановила разложение, но кровеносные сосуды явственно проступили, выделяясь каким-то зеленоватым оттенком.

Глаза Лэнни следили за приближающимся Билли, но, разумеется, причину следовало искать в отражающемся от них свете ламп.

Глава 49

Расстелив пленку на полу, Билли, перед тем как начать паковать труп, сел на край кровати и взял телефон. Следя за тем, чтобы не допустить ошибки, в которой признался раньше, набрал номер 411. Узнал у оператора телефонный код Денвера.

Даже если Рэмси Озгард продолжал служить в управлении полиции Денвера, он мог жить не в городе, а в одном из пригородов, и в этом случае поиски бы усложнились. Более того, его домашнего телефона могло не быть в справочнике.

Когда Билли позвонил в справочную Денвера, выяснилось, что ему повезло. Но действительно, удача когда-то должна была повернуться к нему лицом. Озгард, Рэмси Дж., жил в городе, и Билли продиктовали номер его домашнего телефона.

В Колорадо было 22:54, и звонок в столь поздний час говорил за то, что причина важная и дело не терпит отлагательств.

Мужской голос ответил на втором гудке, и Билли спросил:

— Детектив Озгард?

— Он самый.

— Сэр, это помощник шерифа Лэнни Олсен из управления шерифа округа Напа в Калифорнии. Прежде всего хочу извиниться за то, что беспокою вас в столь поздний час.

— У меня хроническая бессонница, помощник шерифа, а здесь у меня порядка шестисот телевизионных каналов, вот я и смотрю «Остров Гиллигана» или еще какую-нибудь муру до трех часов утра. Что стряслось?

— Сэр, я звоню из дома по поводу одного дела, которое вы вели несколько лет тому

назад. Возможно, вы захотите позвонить в управление шерифа нашего округа, чтобы получить подтверждение, что я там служу, а потом взять мой домашний номер и перезвонить мне.

— Ваш номер у меня высветился, — ответил Озгард. — Так что пока мне этого достаточно. Если ваш вопрос окажется скользким, тогда я сделаю то, что вы говорите. А пока готов вас выслушать.

— Благодарю вас, сэр. Речь идет о человеке, пропавшем без вести. Примерно пять с половиной лет тому назад...

— Джудит Кессельман, — прервал его Озгард.

— Вы попали в десятку.

— Помощник шерифа, только не говорите мне, что вы ее нашли. Во всяком случае, не говорите, что нашли ее мертвой.

— Нет, сэр. Ни живой, ни мертвой.

— Помогите ей Бог, но я не верю, что она жива, — Рэмси вздохнул. — Но если я точно узнаю, что она мертва, для меня это будет ужасный день. Я люблю эту девочку.

— Сэр? — в удивлении вырвалось у Билли.

— Я никогда с ней не встречался, но люблю ее. Как дочь. Я так много узнал о Джудит Кессельман, что теперь она мне ближе многих и многих людей, которые были частью моей жизни.

— Понимаю.

— Она была удивительным человеком.

— Я это слышал.

— Я говорил со многими ее друзьями и родственниками. Никто не сказал о ней плохого слова. Эти истории о том, что она делала для других, о ее доброте... Вы знаете, как иногда образ жертвы преследует вас, вы не можете быть совершенно объективным?

— Конечно, — без запинки ответил Билли.

— Ее образ преследовал меня, — продолжил Озгард. — Она так любила писать письма. Если какой-то человек входил в ее жизнь, она не отпускала его, не забывала, оставалась на связи. Я прочитал сотни писем Джудит Кессельман, помощник шерифа Олсен, сотни.

— То есть вы впустили ее в сердце.

— Ничего не мог поделать, она сама туда вошла. Это были письма женщины, которая любила людей, старалась отдать им все. *Светящиеся* письма.

Билли смотрел на дыру от пули во лбу Лэнни Олсена. Потом перевел взгляд на открытую дверь в коридор.

— Ситуация у нас следующая, — сказал он. — В подробности я вдаваться не буду, потому что мы только собираем улики и еще не предъявили обвинения.

— Я понимаю, — заверил его Озгард.

— Но я хочу назвать вам одну фамилию и узнать, не звякнет ли у вас в голове звоночек.

— Волосы у меня на затылке встали дыбом, — ответил Озгард. — Так мне хочется, чтобы звякнул.

— Я прокрутил по «Гуглю» нашего парня, и единственная зацепка связана с исчезновением Кессельман, да и зацепка эта хиленькая.

— Так прокрутите его через меня, — попросил Озгард.

— Стивен Зиллис.

В Денвере Рэмси Озгард с шипением выпустил застоявшийся в легких воздух.

— Вы его помните.

— Да.

— Он был среди подозреваемых?

— Официально нет.

— Но вы лично его подозревали.

— С ним мне было как-то не по себе.

— Почему?

Озгард ответил после паузы:

— Даже если с этим человеком ты не хочешь пить пиво, не хочешь пожать ему руку, нельзя сбрасывать со счетов его репутацию.

— Это всего лишь сбор информации, неофициально, — заверил его Билли. — Говорите мне только то, что считаете нужным, а там увидим, окажется что-то мне полезным или нет.

— Дело в том, что на тот день, когда Джудит похитили, если ее похитили, в чем лично я не сомневаюсь, на весь тот день, более того, на сутки, на двадцать четыре часа и даже больше, у Зиллиса было алиби, которое не разбить и атомной бомбой.

— А вы пытались?

— Будьте уверены. Но даже без алиби не было никаких улик, которые указывали бы на него.

Билли ничего не сказал, но почувствовал разочарование. Он надеялся получить что-то определенное, но Озгард ничего не мог ему предложить.

Почувствовав это разочарование, детектив продолжил:

— Он пришел ко мне до того, как попал в поле моего зрения. Более того, мог никогда не попасть, если бы не пришел ко мне сам. Очень хотел помочь. Говорил и говорил. Она была ему очень дорога, он воспринимал ее как любимую сестру, но он *знал ее всего лишь месяц*.

— Вы говорили, что она легко сходилась с людьми, раскрывала им сердце, они привязывались к ней.

— По словам ее близких друзей, она не знала Зиллиса так хорошо. Это было очень поверхностное знакомство.

Билли ничего не оставалось, как и дальше играть роль адвоката дьявола, от которой он с удовольствием бы отказался.

— Возможно, ему казалось, что он ближе к ней, чем она была к нему. Я хочу сказать, если она обладала магнетизмом, который притягивал...

— Вам бы его увидеть, когда он пришел ко мне, посмотреть, как он себя вел, — прервал его Озгард. — Он словно хотел, чтобы я заинтересовался им, проверил его и нашел стопроцентное алиби. А после того как я нашел, он просто раздулся от самодовольства.

Билли почувствовал отвращение в голосе Озгарда.

— Вы все еще злитесь на него.

— Злюсь. Зиллис, он продолжал приходить ко мне какое-то время, потом пропал, но старался помочь, звонил, заходил, что-то предлагал, и все время у меня было ощущение, что это представление, что он играет какую-то роль.

— Играет роль. У меня такое же ощущение, но мне нужно больше.

— Он — говнюк. Это не значит, что он преступник, но он самодовольный говнюк. Этот говнюк даже начал вести себя так, словно мы приятели, он и я. Потенциальные подозреваемые, они никогда так себя не ведут. Это неестественно. Черт, вы сами все знаете. Но у него была такая легкая, шутливая манера.

— «Все нормально, Кемосабе?»

— Черт, он до сих пор это говорит?

— До сих пор.

— Он говнюк. Прикрывается своими шуточками, но говнюк, все точно.

— Значит, какое-то время он крутился вокруг вас, а потом пропал.

— Да, и расследование зашло в тупик. Джудит исчезла, будто ее и не существовало. В конце того года Зиллис бросил учебу, ушел со второго курса. После чего я его больше никогда не видел.

— Сейчас он в наших краях.

— Интересно, где он побывал в промежутке?

— Может, мы это выясним.

— Надеюсь, вы это выясните.

— Я вам еще позвоню, — пообещал Билли.

— По этому делу в любое время. У вас служба в крови, помощник шерифа.

На мгновение Билли его не понял, практически забыл, кем представлялся, но быстро нашелся с правильным ответом:

— Да. Мой отец был копом. Его похоронили в форме.

— У меня в полиции служили отец и дед, — сказал Озгард. — Так что я тоже потомственный служака. И я не могу забыть Джудит Кессельман. Я хочу, чтобы она покоилась с миром, а не просто валялась в какой-то канаве. Видит Бог, на свете не так уж много справедливости, но очень хочется, чтобы в этом деле она восторжествовала.

Отключив связь, Билли какое-то время не мог сдвинуться с места. Так и сидел на краю кровати, глядя на Лэнни, а Лэнни смотрел на него.

Рэмси Озгард плыл по жизни, не боясь волн, не стремясь прибиться к берегу. Без остатка отдавал себя городу, в котором жил.

Билли слышал эту преданность людям в словах Озгарда, ее не могли заглушить сотни миль, которые их разделяли, она слышалась так же явственно, как если бы детектив находился в одной комнате с ним. И вот тут Билли осознал, насколько полным был его уход из жизни других людей. И насколько опасным.

Барбара начала вытаскивать его из затворничества, коснулась его сердца, и тут этот чертов вишисуас. Жизнь показала две своих стороны: жестокость и абсурдность.

Но сейчас он находился среди волн, и не по своему выбору. События отбросили его далеко от берега, на глубину.

Двадцать лет сдерживания эмоций, ухода от общественной жизни, затворничества лишили его многих навыков. Теперь он пытался вновь научиться плавать, но течение, похоже, уносило его все дальше от людей, к еще большей изоляции.

Глава 50

Словно зная, что его ждет лавовая труба, куда не придут скорбящие и не положат цветы, Лэнни не хотел, чтобы его упаковали в пластиковый саван.

Убили его не в этой комнате, поэтому ни кровь, ни ошметки мозгов не марали стены и мебель. Билли хотел, чтобы исчезновение Лэнни не вызвало никаких подозрений и не повлекло за собой полномасштабного расследования, а потому старался, чтобы все так и осталось чистым.

Из стенного шкафа для белья он вытащил стопку махровых полотенец. Лэнни пользовался тем же стиральным порошком, что и Перл. Билли сразу узнал запах.

Полотенцами укрыл подлокотники и спинку кресла, в котором сидел труп. Если бы что-то выплеснулось из раны в затылке, то попало бы на полотенца, а не на ткань обивки.

Из дома Билли привез небольшой пластиковый мешок, какие используются для мусорных ведерок в ванной. Избегая смотреть в выпученные глаза, надел мешок на голову мертвеца, липкой лентой закрепил на шее: еще одна мера предосторожности на случай, если из развороченного затылка что-то выплеснется.

Хотя Билли знал, что грязная работа никого не может свести с ума, знал, что ужас приходит вслед за безумием, не прежде, он тем не менее задался вопросом: как долго ему еще понадобится возиться с мертвецами, чтобы его сны, если не часы бодрствования, превратились в вопящий ужас?

Лэнни с готовностью перебрался с кресла на пленку, но в дальнейшем сотрудничать отказался. Лежал на полу в позе человека, сидящего в кресле, никак не желал выпрямить ноги.

Rigor mortis. Трупное окоченение. Если труп достаточно долго остается в одном положении, ранее мягкие ткани становятся жесткими. Потом разложение приводит к их размягчению.

Но Билли понятия не имел, сколько на это могло уйти времени. Шесть часов, двенадцать? Ждать, чтобы выяснить это на практике, он не мог.

Поэтому попытался завернуть в пленку застывшего Лэнни. Иногда казалось, что мертвец сопротивляется сознательно и целенаправленно.

Но в конце концов Билли своего добился: запаковал покойника в пленку и оклеил липкой лентой.

На полотенцах не осталось ни пятнышка. Билли сложил их и убрал обратно в стенной шкаф.

Только теперь они пахли не так хорошо.

Доставить Лэнни к лестнице труда не составило, но первый пролет Лэнни преодолевал с грохотом. Согбенное тело громко билось о каждую ступеньку.

На лестничной площадке Билли напомнил себе, что Лэнни предал его, чтобы спасти свою работу и пенсию, и они *оба* здесь из-за его предательства. После этого Лэнни столь же громко преодолел второй пролет.

Потом Билли протащил труп коридором, через кухню, заднее крыльцо. Короткая лестница, и они уже во дворе.

Он подумал о том, чтобы загрузить труп в «Эксплорер» и подвезти как можно ближе к шахте. Но расстояние было невелико, и он решил, что дотащит тело волоком. Едва ли на это ушло бы больше сил, чем на погрузку Лэнни в багажное отделение и извлечение обратно.

Земля, накалившаяся за день, отдавала запасенное тепло, но, к счастью, с горы подул легкий ветерок.

Маршрут, все время в горку, сначала по двору, потом через траву и кусты, оказался более длинным, чем он предположил, оценивая расстояние от подножия лестницы, ведущей на заднее крыльцо. Заныли руки, плечи, спина.

Где-то по пути Билли вдруг понял, что плачет. Его это испугало, он понимал, что должен оставаться крепким, как кремень.

Причину слез он понимал. Чем ближе приближался к лавовой трубе, тем труднее ему удавалось воспринимать этот груз как инкриминирующий его труп. Как ни крути, это был Лэнни Олсен, сын женщины, которая открыла сердце и дом издерганному донельзя четырнадцатилетнему подростку.

В звездном свете Билли показалось, что валун рядом с лавовой трубой — вылитый череп.

Но что бы ни ждало его впереди — гора черепов или усыпанная ими равнина, — он не мог повернуть назад, как и не мог вернуть Лэнни к жизни. Он был всего лишь Билли Уайлсом, хорошим барменом и несложившимся писателем. Чудес он творить не мог, в нем лишь жила надежда на лучшее и способность к выживанию.

Поэтому под звездным светом и обдуваемый горячим ветерком, он добрался до черепа, оказавшегося обычным камнем. А потом, не мешкая, даже не переведя дыхания, отправил труп в дыру в земле.

Навалился грудью на раму из красного дерева, всматриваясь в темноту, слушая, как тело спускается все глубже и глубже.

Когда наступила тишина, он закрыл глаза и выдохнул: «Все кончено».

Разумеется, покончил он только с одним делом, впереди его ждали другие, возможно, такие же плохие, но определенно ничем не хуже.

Фонарь и электроотвертку он оставил на земле около лавовой трубы. Теперь вернул крышку из красного дерева на место, выудил из кармана стальные винты и закрепил крышку.

К тому времени, когда он вернулся в дом, пот смыл со щек остатки слез.

За гаражом он положил фонарь и электроотвертку в «Эксплорер». Латексные перчатки порвались. Билли их снял, запихнул в мешок для мусора, взял из коробки новую пару.

Вернулся в дом, чтобы осмотреть его с первого этажа до чердака. От него требовалось убрать из дома все следы присутствия трупа и его самого.

На кухне не смог решить, что делать с ромом, «колой», нарезанным лаймом, другими предметами, стоявшими на столе. Решил дать себе время подумать об этом.

Коридором направился к лестнице, чтобы подняться в главную спальню. Подходя к

фойе, заметил справа, за аркой, яркий свет: в гостиной горели все лампы.

Револьвер в руке сразу оказался не куском железа, оттягивающим руку, а очень нужным инструментом.

Первый раз, проходя по дому, прежде чем подняться наверх и убедиться, что тело Лэнни по-прежнему в кресле, Билли включил в гостиной люстру, но не более того. Теперь там горело все, что могло гореть.

А на диване, лицом к арке, сидел Ральф Коттл, все в том же дешевеньком, мятом костюме.

Глава 51

Ральф Коттл, какие-то сорок минут тому назад отправленный в лавовую трубу, сумел скинуть с себя пленочный саван, подняться на тысячи футов из-под поверхности долины и зайти в дом Олсена, оставаясь при этом мертвым и зарегистрированным скептиком.

Очень уж неожиданным стало для Билли появление Коттла в гостиной Олсена, и на мгновение он поверил, что Коттл жив, никогда не умирал, но уже в следующее он все понял: в лавовую трубу он сбросил тело не Коттла, а кого-то еще, начинку пластикового буррито заменили.

Билли услышал, как произнес: «Кто?», то есть спрашивая себя, чей труп, завернутый в пленку, он отправил в глубины земли, начал поворачиваться, чтобы застрелить любого, кто мог оказаться в коридоре, уже не задавая никаких вопросов.

Но в этот момент его ударили по шее чем-то тяжелым, у основания черепа, вызвав скорее не боль, а вспышку света. Яркие звезды, иссиня-синие и раскаленно-красные, вспыхнули в голове.

Он не помнил, как пол поднялся ему навстречу. Потому что, казалось, долгие часы летел и летел в чернильной темноте лавовой трубы, гадая, чем развлекаются мертвяки в холодном сердце давно потухшего вулкана.

Темноте он, похоже, приглянулся больше, чем свету, потому что в себя он приходил рывками, то всплывая на поверхность сознания, то вновь проваливаясь в глубины бессознательного.

Дважды незнакомый голос задавал ему вопрос, во всяком случае, он дважды этот вопрос слышал. Оба раза его понял, но ответить смог только со второй попытки.

Еще окончательно не придя в себя, Билли настроился слушать голос, чтобы уловить тембр, интонации, а потом, при необходимости, их опознать. Да только голос звучал не как человеческий: грубый, странный, искаженный. Не вызывало сомнений лишь одно: его спрашивали.

— *Ты готов к своей второй ране?*

Услышав вопрос второй раз, Билли оказался в силах ответить:

— Нет.

Обнаружив, что к нему вернулся дар речи, пусть голос больше напоминал писк, он также понял, что может открыть глаза.

Хотя поначалу перед глазами все плыло и стоял туман, через какие-то мгновения он увидел стоящего над ним высокого человека в натянутой на лицо лыжной шапочке с прорезями для глаз и черной одежде. Руки выроodka были в кожаных перчатках, и в обеих он держал какое-то оружие будущего.

— Нет, — повторил Билли.

Он лежал на спине, наполовину на ковровой дорожке, наполовину на деревянном полу, с правой рукой на груди, левой откинутой, револьвера ни в одной не было.

Наконец туман более не застилал глаза, и Билли понял, что выродок держит в руках не оружие будущего, а следовательно, не является путешественником во времени или пришельцем с другой планеты. Мужчина в маске держал портативный перфоратор, которому

для того, чтобы забивать гвозди, не требовался компрессор.

Левая рука Билли лежала на деревянном полу, и мужчина в маске приколачивал ее к полу.

Часть третья ОБРАЗ ЖИЗНИ — ВСЕ, ЧТО У ТЕБЯ ЕСТЬ

Глава 52

Боль и страх мешают мыслить логично, туманят мозг.

Пронизывающая боль заставила Билли вскрикнуть. Парализующий туман ужаса заволок мысли, замедлил их ход, и он не сразу осознал, что его прибивают к полу, лишают возможности передвижения.

Боль можно выдержать и победить, если сумеешь взять ее под контроль. Если ее отвергать или бояться, она только вырастает, начинает казаться непереносимой.

Лучший ответ ужасу — праведная злость, уверенность в том, что справедливость в конце концов восторжествует, а зло будет наказано.

Эти мысли не маршировали стройными рядами в его голове. То были истины, которые хранились в подсознании, основывались на собственном, дорого стоившем ему опыте, и Билли действовал на основании их, словно они были инстинктами, с которыми он родился.

Падая, он выронил револьвер. У выроodka его не было. Возможно, оружие лежало в пределах досягаемости.

Билли повернул голову, оглядывая коридор. Правой рукой ощупал пол рядом с собой.

Выродок что-то бросил в лицо Билли.

Тот дернулся, ожидая нового укуса боли. Но выродок бросил всего лишь фотографию.

Билли не смог разглядеть, что на ней. Замотал головой, чтобы сбросить фотографию с лица.

Фотография упала ему на грудь, и он внезапно подумал, что следующим гвоздем выродок прибьет ее к его груди.

Нет. С перфоратором в руках выродок уже шагнул по коридору к кухне. Одного гвоздя хватило, чтобы удержать Билли на месте. Здесь он свою работу закончил.

Запечатлей его образ. Сохрани в памяти. Приблизительный рост, вес. Широкие плечи или нет? Узкие бедра или нет? Какая-нибудь особенность в походке, грациозной или не очень?

Боль, страх, кружащаяся голова, а главное, неудобный угол обзора (Билли — лежащий на полу, выродок — на ногах) не позволили создать достоверный образ мужчины, который лишь несколько секунд находился в поле его зрения.

Выродок исчез на кухне. Ходил по ней, шумел. Что-то искал. Что-то делал.

Билли заметил отблеск стали на темном полу фойе. Револьвер лежал у него за спиной, вне пределов досягаемости.

Отправив Лэнни вниз по лавовой трубе, Билли подумал, что уже не способен испытать большего ужаса, но ошибся, осознав, что теперь ему предстоит проверить, насколько крепко сидит гвоздь в полу. Он боялся шевельнуть рукой.

Боль не отпускала ни на секунду, была терпимой, не столь ужасной, как он мог бы себе представить. Попытка двинуть рукой, расшатать гвоздь, конечно же, привела бы к усилению боли.

Он боялся не только шевельнуть рукой, но и смотреть на нее. И хотя он знал, что «картинка», которую рисовало сознание, будет страшнее реальной, у него свело желудок, когда он повернул голову и взглянул на рану.

Если не считать лишнего пальца, белая резина хирургической перчатки превращала его руку в руку Микки-Мауса, вроде изображенных на плакатах, приклеенных к стенам и

направляющих к креслу, где и застыл Лэнни с одной из книг матери на коленях. Даже раструб перчатки чуть завернулся, образуя манжет.

По запястью под перчаткой бежали чьи-то лапки: Билли понял, что это течет пока невидимая глазу кровь.

Он-то ожидал, что кровотечение будет куда более сильным. Гвоздь мешал потоку крови. Затыкал собой рану. Если его убрать...

Билли затаил дыхание. Прислушался. На кухне тишина. Должно быть, убийца ушел.

Гвоздь. Шляпку не вогнали в плоть. От ладони ее отделял зазор в три четверти дюйма. Он видел насечку на металле.

Длину гвоздя он определить не мог. Судя по диаметру, она составляла как минимум три дюйма от шляпки до острия.

Если учесть, что над полом, с учетом толщины пробитой кисти, шляпка возвышалась дюйма на полтора, получалось, что половина гвоздя ушла в пол. Пробив паркет и черный пол, острие гвоздя должно было войти в лагу.

А если гвоздь в четыре дюйма, то в лагу вошло бы не только острие, но и немалая часть самого гвоздя. И вытаскивание его стало бы на один дюйм ужаснее.

В те времена, когда строился этот дом, строители знали свое дело лучше. Лаги ставили крепкие, шириной в четыре, иногда в шесть дюймов.

Тем не менее Билли полагал, что ему и тут могло повезти. Из каждой четырнадцати дюймов пола на лагу приходилось только четыре.

Забейте в пол наугад десять гвоздей, и только три попадут в лагу. Острия семи остальных выйдут в пустые пространства между ними.

Попытавшись согнуть пальцы левой руки, чтобы проверить их гибкость, Билли с трудом подавил произвольный вопль боли, который рванулся из груди. Не до конца, вопль все-таки вырвался, пусть и хрипом.

Внезапно Билли задался вопросом. А вдруг убийца, прежде чем уйти, набрал номер 911 и, не сказав ни слова, положил трубку?

Глава 53

Ральф Коттл, словно часовой, сидел на тахте, недвижимый и внимательный, каким может быть только труп.

Убийца положил правую ногу мертвеца на левую, руки — на колени. Тот вроде бы терпеливо ждал, когда хозяин дома принесет поднос с коктейлями... а может, на огонек заглянут сержанты Наполитино и Собецки.

Хотя Коттла не изувечили и не снабдили парой лишних рук, Билли подумал о жутких манекенах, которые с такой заботой модифицировали в доме Стива Зиллиса.

Зиллис сейчас стоял за стойкой бара. Билли видел его автомобиль на стоянке чуть раньше, когда остановился на обочине шоссе напротив таверны, чтобы посмотреть, как заходящее солнце «сжигает» гигантскую скульптурную композицию.

Коттл — позже. Зиллис — позже. Сейчас — гвоздь.

Очень осторожно Билли повернулся на левый бок, чтобы наконец-то посмотреть на приколотенную руку.

Большим и указательным пальцем правой руки ухватился за шляпку гвоздя. Попробовал чуть покачать его взад-вперед в надежде, что он пошевелится, но гвоздь сидел крепко.

Будь шляпка маленькой, он мог бы потянуть руку вверх и, чуть расширив ранку, оставить гвоздь в полу.

Но шляпка была широкая. Если бы он даже сумел вытерпеть боль, руке досталось бы слишком сильно, и наверняка пришлось бы обращаться к врачу.

Когда Билли решил активнее раскачивать гвоздь, боль мгновенно превратила его в

ребенка. Он пытался зажать боль зубами, сжимал их так сильно, что у него едва не свело челюсти.

Гвоздь сидел крепко, и казалось, он скорее сломает зубы, так они упирались друг в друга, чем вытащит гвоздь. А потом гвоздь вдруг шевельнулся.

Крепко зажатый между большим и указательным пальцем, начал подаваться, двигаться вместе с ними, пусть и чуть-чуть. Но, двигаясь в дереве пола, он одновременно двигался и в руке.

Боль ослепляла, молниями, одна за другой, вспыхивала в голове.

Он почувствовал, как металл трется о кость. Если бы гвоздь сломал кость или она треснула бы, без медицинского вмешательства уже не обошлось бы.

Пусть кондиционер и работал, раньше у Билли не создавалось ощущения, что в доме холодно. Теперь же пот, похоже, едва выступая на коже, превращался в лед.

Билли раскачивал гвоздь, а боль в голове становилась все ярче и ярче, пока он наконец не подумал, что стал прозрачным и весь светится болью. Правда, кроме Коттла, увидеть это никто не мог.

Хотя вероятность того, что гвоздь попадет в лагу, была не столь велика, острее, похоже, не висело в воздухе, а сидело в твердом дереве. Сказывался принцип рулетки отчаяния: ты ставишь на красное, а выпадает черное.

Гвоздь таки вышел из дерева, и с криком триумфа и ярости Билли едва не отбросил его в гостиную. Если бы он это сделал, ему пришлось бы искать гвоздь, потому что на нем осталась его кровь.

В итоге гвоздь остался между большим и указательным пальцем правой руки, и Билли положил его на пол, рядом с дыркой в полу.

Ослепительный свет боли потемнел, и, пусть она продолжала пульсировать, он смог подняться на ноги.

Левая кисть кровоточила в тех местах, где гвоздь вошел и вышел из нее, но кровь не текла струей. Руку ему, в конце концов, только пробили, а не просверлили, так что ранки были небольшими.

Подставив правую руку под левую, чтобы кровь не капала на дорожку и паркет, Билли поспешил на кухню.

Над раковиной, пустив ледяную воду, Билли держал левую руку под струей, пока она наполовину не онемела.

И скоро кровь из ранок уже едва капала. Выдернув из контейнера несколько бумажных полотенец, Билли обвязал ими левую руку.

Вышел на заднее крыльцо. Задержал дыхание, прислушиваясь не столько к убийце, сколько к приближающимся сиренам.

Минуту спустя решил, что на этот раз обошлось без звонка по номеру 911. Убийца-постановщик гордился своей изобретательностью; сюжетные ходы у него не повторялись.

Билли вернулся в переднюю часть дома. Увидел фотографию, которую убийца бросил ему в лицо. Он совершенно про нее забыл, и теперь она лежала на полу в коридоре.

Симпатичная рыжеволосая женщина смотрела в объектив. Испуганная до смерти.

У нее наверняка была обаятельная улыбка.

Билли эту женщину никогда не видел. Значения это не имело. Она была чьей-то дочерью. Где-то люди любили ее.

Отделайся от суки.

От этих слов, эхом отразившихся в памяти, Билли чуть не рухнул на колени.

Двадцать лет он не просто сдерживал эмоции. Некоторые просто запрещал себе испытывать. Позволял чувствовать только то, что он полагал безопасным.

Злость допускал только в малых дозах, заставил себя забыть, что такое ненависть. Боялся, что даже одна капля ненависти может дать выход потоку неистовости, который его же и уничтожит.

Сдерживаться перед лицом зла, возможно, не добродетель, и ненависть к маньяку-

убийце не могла быть грехом. Это была праведная страсть, и она вспыхнула даже ярче боли, которая, казалось, превратила его в сияющую лампу.

Он поднял с пола револьвер. Оставив Коттла в гостиной, Билли поднялся по лестнице, гадая, будет ли мертвец сидеть на диване, когда он вернется.

Глава 54

В аптечном шкафчике в ванной, примыкающей к главной спальне, Билли нашел спирт, тюбик медицинского клея и батарею аптечных пузырьков с надписями: «ОСТОРОЖНО! БЕРЕЧЬ ОТ ДЕТЕЙ!»

Сам гвоздь, возможно, не был источником инфекции, но мог занести в рану грязь с поверхности кожи.

Билли налил спирт в сложенную горстью кисть, надеясь, что он потечет внутрь и дезинфицирует рану по всей длине. Через мгновение руку начало жечь. Поскольку он старался не сжимать и не разжимать кисть больше необходимого, кровотечение практически прекратилось. И не началось вновь от спирта.

Конечно, стерилизация была так себе. Но у него не было ни времени, ни возможности на что-то еще.

Он залил медицинским клеем входную и выходную ранки, предотвратив дальнейшее попадание в них грязи.

Что более важно, медицинский клей, образуя мягкую резиноподобную корочку, исключал кровотечение.

В каждом из лекарственных пузырьков лежало по несколько таблеток или капсул. Судя по всему, Лэнни был плохим пациентом, никогда не доводил лечение до конца, часть таблеток оставлял про запас.

Билли нашел два пузырька с антибиотиком «Ципро». В одном остались три таблетки по пятьсот миллиграммов, в другом — пять.

Билли пересыпал все восемь в один пузырек. Сорвал наклейку и бросил в мусорное ведро.

Больше, чем инфекции, он боялся воспаления. Если рука распухнет и не будет гнуться, это ухудшит его шансы в стычке с выродком, которой, как прекрасно понимал Билли, не избежать.

Среди лекарств он обнаружил и «Викодин». Помешать воспалению этот препарат не мог, но боль снимал. Четыре оставшиеся таблетки Билли добавил к «Ципро».

Боль в раненой руке продолжала пульсировать в такт пульсу. И когда он вновь посмотрел на рыжеволосую, возникла другая боль, уже не физическая, а эмоциональная, от которой сжало сердце.

Боль — это дар. Без боли человек не знал бы ни страха, ни жалости. Без страха не было бы гуманизма, каждый человек превратился бы в монстра. Признание боли и страха в других подвигает нас к жалости, а в жалости — наша человечность, наше искупление.

В глазах рыжеволосой стоял чистый ужас. На лице читалось осознание своей судьбы.

Спасти ее он не мог. Но если выродок играл согласно своим правилам, ее хотя бы не пытали.

Когда же Билли перевел взгляд с лица на фон, он узнал свою спальню. Ее держали взаперти в доме Билли. И там же убили.

Глава 55

Сидя на краю ванны Лэнни, держа в руках фотографию рыжеволосой, Билли восстановил хронологию убийства.

Психопат позвонил (когда?)... примерно в половине первого в этот самый день, после отъезда сержантов и после того, как он запаковал Коттла в пленку. Билли, которому он прокрутил запись, предлагалось выбрать: рыжеволосая умрет в муках или ее убьют одним выстрелом или ударом ножа.

К этому времени убийца уже схватил рыжеволосую. И наверняка сделал так, чтобы она услышала запись на пленке.

В час дня Билли уехал в Напу. А убийца привез женщину в его дом, сфотографировал и убил сразу, не подвергая мучениям.

Когда выродок увидел Ральфа Коттла, который в пленочном коконе лежал за диваном, сработало его чувство юмора. Он поменял их местами, запаковал в пленку молодую женщину вместо бродяги.

И Билли, сам того не зная, сбросил рыжеволосую в лавовую трубу, в результате чего лишил родственников несчастной возможности ее похоронить.

Замена трупов указывала на Зиллиса: тот же подростковый юмор, безразличие, с которым устраиваются злые шутки.

Стив приходил в таверну в шесть вечера. В час дня он вполне мог привезти в его дом рыжеволосую, убить ее и поменять трупы.

Но сейчас этот подонок был в таверне. Он не мог усадить Коттла на диван и пригвоздить руку Билли к полу.

Билли взглянул на часы. Одиннадцать сорок пять.

Он заставил себя еще раз взглянуть на фотографию рыжеволосой, поскольку понимал, что должен отправить ее в лавовую трубку вместе с остальными компрометирующими его уликами. Хотел запомнить женщину, чувствовал, что должен навсегда сохранить в памяти ее лицо.

Если рыжеволосая, связанная и с кляпом во рту, находилась рядом с выродком, когда тот проигрывал запись по телефону, она, возможно, слышала и ответ Билли: *«Отделайся от суки»*.

Эти слова избавили ее от мучений, но теперь мучили Билли.

Он не мог выбросить фотографию. Но и оставлять ее было крайне опасно. Однако Билли аккуратно сложил ее, чтобы перегиб не пришелся на лицо, и положил в бумажник.

Пошатываясь, направился к «Эксплореру». Подумал, что почувствовал бы выродка, если бы тот находился поблизости, наблюдал за ним. Но присутствия посторонних не ощутил.

Положил пробитую гвоздем перчатку в мешок для мусора, надел новую, отсоединил сотовый телефон, заряжавшийся от аккумулятора, взял с собой.

Вернувшись в дом, обошел оба этажа, собирая улики в большой мешок для мусора, включая фотографию Гизель Уинслоу (ее он оставлять не собирался), плакаты с нарисованными руками, гвоздь...

Закончив, поставил мешок у двери черного хода.

Взял чистый стакан. Из бутылки налил несколько унций теплой «Кока-колы».

От всех этих движений боль в руке усилилась. Билли принял таблетку «Ципро», таблетку «Викодина», запил их «колой».

Решил убрать все свидетельства ночной выпивки его друга. Пришел к выводу, что полиция не должна обнаружить в доме ничего необычного.

Если Лэнни не появится на службе, к нему обязательно приедут, постучат, заглянут в окно, в конце концов войдут в дом. Если увидят, что он пил ром, могут подумать, что он впал в депрессию и, возможно, покончил с собой.

Чем раньше у них появятся такие мысли, тем быстрее они начнут обыскивать прилегающую территорию. А хотелось бы этот обыск оттянуть, чтобы примятая трава и сломанные ветки не привлекли их внимание к лавовой трубе.

После того как все компрометирующее оказалось в мешке с завязанной горловиной и осталось только заняться Ральфом Коттлом, Билли по своему мобильнику позвонил в

таверну, на телефон, что стоял за стойкой.

— Таверна, — ответил Джекки О'Хара.

— Как там свиньи с человеческими мозгами? — спросил Билли.

— Сегодня они пьют где-то еще.

— Потому что таверна — семейный бар.

— Совершенно верно. И всегда будет.

— Послушай, Джекки...

— Как я ненавижу «послушай, Джекки». Это всегда означает, что я услышу какую-то гадость.

— Завтра мне тоже придется остаться дома.

— Насчет гадости я не ошибся.

— Не такой уж это повод для огорчений.

— По голосу ты не болен.

— У меня не простуда. Что-то с желудком.

— Приложи телефон к животу, дай мне послушать.

— Теперь ты еще и злишься.

— Это не дело, когда хозяин сам должен разливать пиво.

— Народу так много, что Стив не справляется?

— Стива здесь нет, только я.

Пальцы Билли сжались на мобильнике.

— Когда я проезжал мимо таверны, его автомобиль стоял на стоянке.

— Сегодня у Стива выходной, помнишь?

Билли, конечно же, об этом забыл.

— Поскольку я не смог найти тебе замену, Стив поработал с трех до девяти, чтобы дать мне передохнуть. А чего это ты разъезжаешь на автомобиле, если ты болен?

— Ездил к врачу. Стив смог поработать только шесть часов?

— У него были дела до и после.

Понятное дело, убить рыжеволосую до, прибить руку Билли к полу после.

— И что сказал врач? — спросил Джекки.

— Это вирус.

— Они всегда так говорят, если не могут определить, чем человек болен.

— Нет, я действительно думаю, что это вирусное заболевание, которое пройдет через сорок восемь часов.

— Как будто вирус умеет отсчитывать время, — хмыкнул Джекки. — Когда ты придешь к ним с третьим глазом во лбу, они тоже скажут, что это вирус.

— Извини, что так вышло, Джекки.

— Я переживу. В конце концов, это всего лишь таверна. Не война.

А вот Билли Уайлсу, когда он отключил связь, казалось, что он как раз на войне.

В кухне на столике лежали бумажник Лэнни Олсена, ключи от автомобиля, мелочь, сотовый телефон и табельный пистолет калибра 9 мм, на том самом месте, где Билли видел их и вчера.

Он взял бумажник. Уходя, он собирался забрать и мобильник, и пистолет, и кобуру «Уилсон комбат».

В хлебнице нашел половинку батона в пластиковом пакете с герметизирующей полоской.

Выйдя на заднее крыльцо, выбросил хлеб на лужайку, чтобы утром птицы хорошо позавтракали.

Вернувшись в дом, положил в пластиковый мешок посудное полотенце.

В кабинете стоял оружейный шкаф со стеклянными дверцами. В ящиках под ними Лэнни держал коробки с патронами, четырехдюймовые аэрозольные баллончики с «мейсом»^[24] и запасной служебный пояс с различными кармашками, баллончиком с «мейсом», «тазером»^[25], наручниками, дубинкой и кобурой.

Билли снял с пояса запасную обойму, а также наручники, баллончик «мейса» и «тазер». Положил их в пакет из-под хлеба.

Глава 56

Какие-то шустрые летающие существа, возможно, летучие мыши, которые охотились за мотыльками в первый час четверга, низко пролетели над двором, мимо Билли и поднялись в вышину. Когда он повернулся на звук, то увидел крохотный серпик нарождающейся луны.

И хотя, скорее всего, этот серпик появился раньше, начав свой путь на запад, до этого момента Билли его не замечал. Удивляться этому не приходилось. После наступления темноты у него не было времени смотреть на небо, все его внимание занимали сугубо наземные проблемы.

Ральфа Коттла, с закоченевшими под неудобными углами конечностями, Билли завернул в одеяло, потому что пленки под рукой не нашлось. Завязал он одеяло галстуками Лэнни, и тащить этот куль через поднимающийся в гору двор было ой как нелегко.

Коттл говорил, что не может быть чьим-то героем. И, конечно же, умер он смертью труса.

Он хотел и дальше влачить свое жалкое существование (*«А что еще делать?»*), поскольку просто не мог представить себе чего-то лучшего, а потому ни к чему и не стремился.

В тот момент, когда лезвие вошло ему между ребрами и остановило сердце, он, должно быть, осознал, что если от жизни и можно уйти, то от смерти — нет.

Билли где-то сочувствовал этому человеку, отчаяние которого было даже более глубоким, чем у него, а эмоциональных ресурсов явно не хватало.

И поэтому, когда кусты начали рвать мягкое одеяло, цепляясь за него, и тащить тело стало тяжелее, он взвалил его себе на плечо, без отвращения и не жалуясь на судьбу. Согнулся под ношей, но на ногах устоял.

За несколько минут до этого он уже прогулялся к лавовой трубе налегке, снял крышку, и теперь черная дыра ждала очередную добычу.

Завернутое в одеяло тело полетело вниз. Стукнулось о стенку, отскочило, полетело дальше, в черную тьму.

Когда идущие снизу звуки затихли, предполагая, что скептик нашел покой вместе с хорошим сыном и неизвестной женщиной, Билли поставил крышку на место, убедился, что отверстия в ней совпали с гнездами в раме, и еще раз завернул винты.

Он надеялся более не видеть этого места. Но подозревал, однако, что ему не останется иного выхода, кроме как вернуться сюда.

Отъезжая от дома Олсена, он не знал, куда едет. Билли прекрасно понимал, что ему предстоит неминуемая встреча со Стивом Зиллисом, но не сразу, не тотчас. Сначала ему требовалось подготовиться к ней.

В другую эпоху мужчины в преддверье битвы шли в церковь, чтобы подготовить себя духовно, интеллектуально, эмоционально. Шли к благовониям, к свету свечей, к гуманизму, которому учились у Спасителя.

В те дни каждая церковь была открыта днем и ночью, предлагая войти в нее всем и каждому.

Времена изменились. Нынче некоторые церкви могли оставаться открытыми круглосуточно, но в основном работали в определенные часы, и двери в них закрывались задолго до полуночи.

В одних церквях шли на это из-за высокой стоимости отопления и электричества. Там главенствовал бюджет, а не стремление помочь страждущему.

Другие оскверняли вандалы с баллончиками краски и неверующие, которые заходили в церковь, чтобы совокupиться, и оставляли использованные презервативы.

В прежние времена буйной ненависти с такими безобразиями боролись, решительно их пресекая, разъяняя, взывая к совести. Теперь церковное сообщество пришло к выводу, что замки и охранные системы лучше бывших в ходу ранее, более мягких средств.

Вместо того чтобы ездить от церкви к церкви, пытаясь найти единственную открытую, Билли отправился туда, где большинство современных людей могут глубокой ночью найти место для размышлений: стоянку дальнобойщиков.

Поскольку ни одна из скоростных автомагистралей округ не пересекала, такая стоянка, расположенная около шоссе 29, была довольно скромной по масштабам сети «Маленькая Америка», стоянки которой размерами не уступали небольшим городкам. Однако и здесь ряды заправочных колонок сияли ярким светом, гости могли воспользоваться магазином, бесплатной душевой, доступом в Интернет и рестораном, который работал двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Там могли поджарить что угодно и подавали кофе, от которого волосы вставали дыбом.

Билли не нуждался ни в кофе, не в холестерине. Он искал лишь островок рационального, чтобы уравновесить им ту иррациональность, с которой ему пришлось столкнуться, публичное место, где он мог не опасаться внезапного нападения.

«Эксплорер» он припарковал около ресторана, под фонарным столбом, и лампа была такой мощности, что света, поступающего в кабину через тонированное лобовое стекло, хватало для чтения.

Из «бардачка» Билли достал пакетики из фольги с влажными салфетками. Протер ими руки.

Влажные салфетки предназначались для того, чтобы стирать жир после бигмака и картофеля фри, съеденных в кабине, но не для стерилизации рук, прикасавшихся к трупам. Но положение Билли (да и настрой) заставляло забыть о брезгливости.

Левая кисть, проткнутая гвоздем, слегка затекла. Ранка словно горела огнем. Он медленно сжал и разжал пальцы.

Благодаря «Викодину» боли он не чувствовал. Но радоваться этому, возможно, не следовало. Рука могла неожиданно подвести, ослабить хватку, причем в самый неподходящий момент.

Теплой «Пепси» он запил еще две таблетки «Анацина», который обладал и противовоспалительными свойствами. «Мортин» подошел бы больше, но у него был только «Анацин».

Дозированный прием кофеина как-то компенсировал недостаток сна, но его избыток мог подействовать возбуждающе на нервную систему и подтолкнуть его к поспешным действиям. Тем не менее он принял одну таблетку «Не спи».

Прошел уже не один час после того, как он съел батончики «Херши» и «Плантерс». Поэтому отправил в рот сначала первый. Потом второй.

Пока ел, думал о Стиве Зиллисе, своем главном подозреваемом. Своем единственном подозреваемом.

Улик против Зиллиса было выше крыши. Однако все они были косвенными.

Это не означало, что перспективы у этого дела не было. Половину, а то и более обвинительных приговоров в уголовных судах выносили именно на основе комплекса косвенных улики, и невиновных осуждали менее чем в одном проценте случаев.

Убийцам совсем не обязательно оставлять на месте преступления прямые улики. Особенно в наш век сравнения ДНК. Любой преступник, у которого в доме есть телевизор, может детально ознакомиться с деятельностью экспертов и узнать, какие наиболее простые меры предосторожности он должен предпринять, чтобы не подставиться.

Все, от антибиотиков до зудеко[26], имело оборотную сторону, однако Билли слишком хорошо знал опасность косвенных улики.

Он напомнил себе, что проблема заключалась не в уликах, а в Джоне Палмере, теперь шерифе, а тогда молодом, честолобивом лейтенанте, рвущемся в капитаны.

В ночь, когда Билли сделал себя сиротой, правда была ужасной, но очевидной и легко

определяемой.

Глава 57

Из эротического сна четырнадцатилетнего Билли Уайлса вырвали громкие голоса, сердитые крики.

Поначалу он ничего не понимает. Ему кажется, что из отличного сна он перескочил в другой, далеко не столь приятный.

Он кладет одну подушку себе на голову, а лицом утыкается в другую, стараясь вернуться в первый сон.

Реальность мешает. Реальность *настаивает на своем*.

Голоса принадлежат отцу и матери и доносятся снизу, такие громкие, что потолок первого этажа и пол второго практически не могут их приглушить.

В наших мифах полным-полно чародеев и чародеек: морские sireны, своим пением направляющие моряков на скалы, Цирцея, превращающая мужчин в свиней, дудочки, сзывающие детей на смерть. Все они — отголоски тайного стремления к самоуничтожению, которое сидит в нас с момента первого укуса первого яблока.

Билли — своя собственная дудочка — позволяет себе подняться с кровати, влекомый голосами родителей.

Ссоры в доме случаются не каждый день, но не так уж и редки. Обычно они спокойнее, заканчиваются быстро, а до таких криков не доходило никогда.

Горечь остается, но проявляется в долгих периодах молчания, которые, однако, с течением времени сходят на нет.

Билли не думает, что родители несчастливы в семейной жизни. Они любят друг друга. Он знает, что любят.

Босиком, по пояс голый, в одних лишь пижамных штанах, просыпаясь на ходу, он выходит в коридор, спускается по лестнице.

Билли не сомневается, что родители его любят. Каждый по-своему. Отец выражает строгое расположение. Мать мечется между едва ли не полным забвением и приступами телячьей нежности, совершенно искренней, пусть иногда родительница где-то и переигрывает.

Природа трений между отцом и матерью всегда оставалась для Билли загадкой и вроде бы не имела причины. До этого момента.

К тому времени, когда Билли добирается до столовой и уже видит дверь на кухню, он, против воли, посвящен в секреты тех, кого он считал лучшими в мире.

Он и представить себе не мог, что отец способен на такую злость. Громкий голос, яростный тон, ругательства, все говорит за то, что наружу прорвалось негодование, которое копилось очень и очень давно.

Его отец обвиняет мать в сексуальном предательстве, прелюбодеянии с разными мужчинами. Называет ее шлюхой. Кипящая в нем злость переходит в ярость.

Стоя в гостиной, пораженный этими откровениями, Билли перебирает в памяти обвинения, выставленные матери. Его родители всегда казались ему асексуальными, симпатичными, но безразличными к таким низменным желаниям.

Если бы он когда-то и задумался о своем зачатии, то отнес бы случившееся к исполнению супружеских обязанностей и стремлению создать семью, а не связал со страстью.

Более шокирующими становятся признания матерью всех этих обвинений и ее контробвинения, которые указывают, что его отец — мужчина и при этом не мужчина. Еще более грубыми словами, чем те, что бросались ей в лицо, она честит своего мужа и высмеивает его.

Ее насмешки быстро доводят его ярость до белого каления. Звук удара плоти по плоти

предполагает, что его ладонь с размаху вошла в контакт с ее лицом.

Она вскрикивает от боли, но тут же кричит:

— Ты меня не запугаешь, ты не сможешь меня запугать!

Что-то летит, ударяется, бьется, потом приходит более страшный звук, звук яростного, мощного удара дубинкой.

Она кричит от боли, от ужаса.

Не помня, как он покинул столовую, Билли оказывается на кухне, кричит отцу, чтобы тот прекратил бить мать, но отец, похоже, не только не слышит, но и не знает о его присутствии.

Его отец, судя по всему, загипнотизирован той властью, которую дает ему дубинка, разводной ключ с длинной рукояткой. Он превратился в придаток этой дубинки.

Мать Билли ползает по полу, как полураздавленная оса, не в силах больше кричать, только постанывает от боли.

Билли видит другое оружие на стойке по центру кухни. Молоток. Мясницкий нож. Револьвер.

Его отец, должно быть, выложил весь этот арсенал, чтобы запугать мать.

А она, похоже, не испугалась, наверное, подумала, что он — трус, неспособный на решительные действия. Он, конечно, трус, раз поднял руку с дубинкой, пусть это и разводной ключ, на беззащитную женщину, но она недооценила его способность творить зло.

Схватив револьвер, сжимая рукоятку обеими руками, Билли кричит, чтобы отец немедленно прекратил избивать мать, а когда его слова вновь остаются неслышанными, стреляет в потолок.

Отдача с такой силой выворачивает плечи, что он от изумления едва не плюхается на зад.

Отец поворачивается к Билли, но не для того, чтобы уговорить. Разводной ключ в его руке — воплощение тьмы — контролирует мужчину в большей степени, чем мужчина контролирует этот самый разводной ключ.

— А чье семя ты? — спрашивает его отец. — Чье сына я кормил все эти годы, чье ты отродье?

Ужас, которым охвачен Билли, нарастает, но когда он понимает, что сейчас или убьет он, или убьют его, то нажимает на спусковой крючок, раз, другой, третий, от отдачи его руки так и прыгают.

Две пули мимо, и ранение в грудь.

Его отец вздрагивает, спотыкается и падает на спину, когда пуля рисует красный цветок у него на груди.

Разводной ключ летит в сторону, подпрыгивает, затихает на плитках пола, и уже нет сердитых криков, нет злобных слов, слышится только тяжелое дыхание Билли да стоны матери.

А потом она говорит:

— Папа? — Язык еле ворочается, от боли голос совсем не ее. — Папа Том?

Ее отец, офицер морской пехоты, погиб в бою, когда ей было десять лет. Папа Том был ее отчимом.

— Помоги мне, — голос больше похож на хрип. — Помоги мне, папа Том.

Папа Том — худосочный мужчина с волосами цвета пыли и желто-коричневыми, как песок, глазами. Губы у него постоянно сжаты, а от смеха по коже слушателя бегут мурашки.

Только в самом крайнем случае кто-либо мог обратиться к папе Тому за помощью, но никто не ожидал, что он откликнется на просьбу.

— Помоги мне, папа Том.

Кроме того, старик живет в Массачусетсе, на другой стороне континента относительно округа Напа.

Критичность ситуации выводит Билли из ступора, сострадание направляет его к матери.

Она, похоже, парализована, только мизинец на правой руке дергается, дергается, все

остальное от шеи и ниже неподвижно.

Словно у плохо склеенного глиняного горшка, что-то не так с формой черепа, чертами лица.

Один открытый глаз, теперь ее единственный глаз, останавливается на Билли, и она говорит:

— Папа Том.

Она не узнает своего сына, своего единственного ребенка, и думает, что он — ее отчим из Массачусетса.

— Пожалуйста, — голос переполнен болью.

Разбитое лицо и череп говорят о непоправимых повреждениях мозга, и с губ Билли срывается рыдание.

Взгляд ее единственного глаза смешается с лица Билли на револьвер в его руке.

— Пожалуйста, папа Том. Пожалуйста.

Ему только четырнадцать, он — обычный мальчик, совсем недавно был ребенком, а его ставят перед выбором, который он просто не может сделать.

— Пожалуйста.

Этот выбор, перед которым пасует любой взрослый, и он не может выбрать, никогда не сможет. Но ее боль. Ее страх. Ее *душевная боль*.

Едва ворочающимся языком она молит:

— Иисус, Иисус, где я? Кто ты? Кто здесь ползает, кто это? Кто здесь, кто *пугает* меня? Пугает меня!

Иногда сердце принимает решения, на которые не способен разум, и хотя мы знаем, как сердце обманчиво, мы также знаем, что в редкие моменты крайнего напряжения и потери близких оно очищается от лжи страданием.

В грядущие годы Билли так и не сможет прийти к однозначному выводу, что он поступил правильно, доверив в тот момент выбор сердцу. Но он делает то, что велит сердце.

— Я тебя люблю, — говорит он матери и пристреливает ее.

Лейтенант Джон Палмер первым прибывает на место преступления.

И то, что вначале представляется смелым поступком ответственного полицейского, потом, во всяком случае Билли, кажется пикированием стервятника на падаль.

В ожидании полиции Билли не в силах покинуть кухню. Он не может оставить мать одну.

Он чувствует, что она ушла не полностью, ее душа еще здесь и черпает утешение в его присутствии. А возможно, он ничего такого не чувствует и только хочет, чтобы это было правдой.

И все равно он не может смотреть на нее, точнее, на такую, какой она стала. Он держится поблизости, но отводит глаза.

Когда входит лейтенант Палмер, когда Билли уже не одинок и ему нет необходимости быть сильным, стресс дает себя знать. Билли начинает бить такая дрожь, что мальчик едва не падает на колени.

Лейтенант Палмер спрашивает:

— Что здесь произошло, сынок?

С двумя этими смертями Билли становится круглой сиротой и уже остро чувствует свое одиночество, страх перед будущим.

И когда он слышит слово «сынок», оно уже не простое слово, а протянутая рука, предложенная надежда.

Билли идет к Джону Палмеру.

Поскольку лейтенант расчетлив, а может, потому, что он, в конце концов, человек, Палмер раскрывает ему объятия.

Дрожа, Билли приходит в эти руки, и Джон Палмер прижимает мальчика к груди.

— Сынок? Что здесь случилось?

— Он ее избил. Я его застрелил. Он бил ее разводным ключом.

— Ты застрелил его?

— Он бил ее разводным ключом. Я застрелил его. Я застрелил ее.

Другой человек мог бы позволить столь юному свидетелю прийти в себя, дать улечься буре в его душе, но лейтенант прежде всего думает о том, как бы стать капитаном. Он честолобив. И нетерпелив.

Двумя годами раньше семнадцатилетний подросток в округе Лос-Анджелес, далеко к югу от Напы, застрелил своих родителей. Он просил признать его невиновным, потому что, мол, убил, не выдержав многолетнего сексуального растления.

Тот судебный процесс, буквально за две недели до этой, поворотной ночи в жизни Билли, завершился обвинительным приговором. Ученые мужи предсказывали, что юношу оправдают, но детектив, ведущий расследование, оказался дотошным, собрал массу улик и постоянно ловил обвиняемого на лжи.

В последние две недели этот детектив стал героем для прессы. Его все время показывали по тиви. И куда больше людей могли назвать его фамилию, не зная при этом фамилии мэра Лос-Анджелеса.

В признании Билли лейтенант Палмер видит возможность не отыскать правду, а добиться желанного повышения по службе.

— Кого ты застрелил, сынок? Его или ее?

— Я за-застрелил его. Я застрелил ее. Он так избил ее разводным ключом, мне пришлось за-застрелить их обоих.

Уже слышны другие сирены, и лейтенант Палмер уводит Билли из кухни в гостиную. Приказывает мальчику сесть на диван.

Уже не спрашивает: «*Что здесь случилось, сынок?*» Теперь вопрос другой: «Что ты сделал, мальчик? Что ты сделал?»

Слишком долго Билли Уайлс не улавливает разницу.

Вот так начались шестьдесят часов ада.

В четырнадцать лет он еще не мог предстать перед судом, как взрослый. Поскольку ему не грозили ни смертная казнь, ни пожизненное заключение, копы, конечно же, не должны были допрашивать его, как взрослого.

Но Джон Палмер видит своей целью расколоть Билли, вырвать из него признание, что он сам избил мать разводным ключом, застрелил отца, когда отец пытался защитить ее, а потом добил и мать, пулей.

Поскольку наказания для несовершеннолетних преступников не столь строги, как для взрослых, их права охраняются не так, как должно. К примеру, если задержанный не знает, что он имеет право требовать адвоката, ему могут об этом и не сказать или сказать не сразу.

Если у задержанного нет средств, а потому адвоката ему назначает суд, всегда есть шанс, что попадется неумеха или любитель выпить, который не успел опохмелиться.

Не каждый адвокат так же благороден, как герои телевизионных сериалов, в реальной жизни чаще происходит с точностью до наоборот.

У опытного полицейского вроде Джона Палмера, при поддержке некоторых вышестоящих офицеров, обуреваемого безмерным честолобием и готового рискнуть карьерой, есть не один способ достаточно долго не подпускать к подозреваемому адвоката и безостановочно допрашивать его сразу после задержания.

Один из наиболее эффективных способов состоял в превращении Билли в «пассажира». Назначенный судом адвокат прибывает в следственный изолятор Напы, чтобы узнать, что из-за нехватки мест в камерах или по какой-то другой надуманной причине его подзащитного отправили в Калистогу. По приезде туда слышит о досадной ошибке: подзащитного в действительности увезли в Сент-Элен. В Сент-Элене адвоката посылают обратно в Напу.

Более того, при транспортировке подозреваемого автомобиль иногда ломается. И час пути может превратиться в три или четыре, в зависимости от сложности ремонта.

Двое с половиной суток превращаются для Билли в непрерывную череду обшарпанных кабинетов, комнат для допросов, камер. Он постоянно на грани нервного срыва, страх не

отпускает ни на минуту, кормят его редко, но хуже всего переезды в патрульной машине.

Билли возят на заднем сиденье, отгороженном решеткой. Руки в наручниках, сами наручники прикреплены цепью к металлическому кольцу, вваренному в пол.

За рулем водитель, который никогда не говорит ни слова. А Джон Палмер, в нарушение всех инструкций, делит с Билли заднее сиденье.

Лейтенант — крупный мужчина, а подозреваемый — четырнадцатилетний подросток. В ограниченном пространстве заднего сиденья такая разница в габаритах сама по себе пугает Билли.

Более того, Палмер — эксперт по устрашению. Бесконечный разговор и вопросы время от времени сменяются зловещим молчанием. Многозначительными взглядами, тщательно подобранными словами, неожиданными переменами настроения он подавляет волю мальчика, пытаясь вырвать из него признание.

Прикосновения хуже всего.

Палмер иногда садится ближе, чем всегда. Случается, садится так близко, как юноша может захотеть сидеть с девушкой, его левое бедро прижимается к правому бедру Билли.

Он ерошит волосы Билли, демонстрируя фальшивую благожелательность. Кладет большую руку то на плечо Билли, то на колено, то выше по ноге.

— Убить их — не преступление, Билли. Если у тебя была веская причина. Если твой отец многие годы растлевал тебя, а твоя мать об этом знала, никто не будет тебя винить.

— Мой отец никогда так не прикасался ко мне. Почему вы постоянно говорите, что он это делал?

— Я не говорю, Билли. Я спрашиваю. Тебе нечего стыдиться насчет этого, если он лапал тебя с детских лет. Это превращает тебя в *жертву*, разве ты не понимаешь? И даже если тебе это нравилось...

— Мне бы это не понравилось.

— Даже если бы тебе это нравилось, у тебя нет причин стыдиться, — рука лежит на плече. — Ты все равно жертва.

— Я не жертва. И не был ею. Не говорите так.

— Некоторые мужчины, они творят что-то ужасное с беззащитными мальчиками, и есть мальчики, которым это начинает нравиться, — рука выше колена. — Но от этого вины у мальчика не прибавляется, Билли. Мальчик все равно остается невиновным.

Билли уже хочет, чтобы Палмер его ударил. Эти прикосновения, эти ласковые прикосновения хуже удара, потому что у него все равно есть шанс познакомиться с кулаком Палмера, если прикосновениями тот ничего не добьется.

Не раз и не два Билли находится на грани того, чтобы признаться в том, чего никогда не было, лишь бы смолк сводящий с ума голос лейтенанта Джона Палмера, лишь бы избавиться от его прикосновений.

Он начинает задумываться, а почему... почему, положив конец страданиям матери, он позвонил в полицию, а не нажал на спусковой крючок, сунув дуло револьвера себе в рот?

Спасла Билли добросовестная работа судебного медика и технических экспертов, да и старшие офицеры, которые поначалу дали Палмеру зеленый свет, поняли, что поторопились. Все улики указывали на то, что мать избил отец, не сын.

Отпечатки пальцев на пистолете принадлежали Билли, а вот на стальной длинной ручке разводного ключа — отцу Билли.

Убийца наносил удары разводным ключом, держа его в левой руке. В отличие от отца, Билли был правшой.

На одежде Билли нашли пятнышко крови матери. Зато эта кровь буквально залила рукава рубашки отца.

Мать Билли пыталась защититься от отца голыми руками. Под ее ногтями обнаружили его кровь и частички кожи, не Билли.

Со временем два высокопоставленных сотрудника полицейского управления ушли в отставку, одного уволили. Когда дым рассеивается, лейтенант Джон Палмер каким-то

образом выходит сухим из воды.

Билли думает о том, чтобы подать на лейтенанта в суд, но боится давать показания и — больше всего — боится последствий, к которым может привести проигрыш в суде. Благоразумие предлагает оставить все как есть.

Не высовывайся, сохраняй спокойствие, ничего не усложняй, не ожидай многого, наслаждайся тем, что есть. Двигайся дальше.

Удивительно, но дальнейшее продвижение означает переезд в дом Перл Олсен, вдовы одного помощника шерифа и матери другого.

Она предлагает Билли обойтись без услуг службы опеки сирот, и при их первой встрече он интуитивно знает, что внутри она всегда будет такой, какой он ее видит, и нет в ней ни толики фальши. Хотя ему только четырнадцать лет, он уже понял, что гармония между формой и содержанием встречается гораздо реже, чем может себе представить любой ребенок, и ему придется очень постараться, чтобы стать такой вот гармоничной личностью.

Глава 58

Припарковавшись в ярком свете фонарей стоянки для дальнобойщиков рядом с рестораном, Билли Уайлс съел батончик «Херши», съел батончик «Плантерс», поразмышлял о Стиве Зиллисе.

Улики против Зиллиса, пусть и косвенные, вроде бы выглядели куда более серьезными, чем те, на основе которых Джон Палмер пытался заставить Билли признаться в преступлении, которого он не совершал.

Тем не менее его тревожило, что Зиллис мог оказаться невиновным в преступлениях, которые он ему приписывал. Манекены, садистские порнофильмы, состояние дома Зиллиса — все говорило о том, что у парня, возможно, далеко не все в порядке с головой, но не доказывало, что он кого-то убил.

После тесного общения с Палмером Билли требовалась большая определенность.

Надеясь почерпнуть что-то новенькое, пусть какую-нибудь мелочь вроде узенького лунного серпика в небе, Билли взял газету, которую купил в Напе, но так и не успел прочитать. На первой полосе была статья об убийстве Гизель Уинслоу.

Почему-то он очень надеялся, что рядом с трупом копы нашли черенок вишни, завязанный узлом.

Вместо этого нашел другое: у убитой отрезали кисть левой руки. Выродок взял ее в качестве сувенира. На этот раз не лицо, а кисть.

Лэнни не упомянул об этом. Но Лэнни приехал на автостоянку у таверны (Билли как раз обнаружил вторую записку на лобовом стекле «Эксплорера»), когда тело Уинслоу только-только обнаружили. И в управление шерифа наверняка передали еще далеко не все подробности.

Само собой, Билли вспомнил и записку, которую приклеили к передней панели его холодильника семнадцатью часами раньше. Ту самую, что он спрятал в книге «В наше время». Записка предупреждала его: *«Мой компаньон придет к тебе в 11:00. Подожди его на переднем крыльце»*.

Память услужливо подсказала две последние строки записки, которые тогда ставили его в тупик, а вот теперь он, кажется, начал соображать, что к чему:

«Ты вроде бы такой злой. Разве я не протянул тебе руку дружбы? Да, протянул».

Даже после первого прочтения он решил, что это насмешка. Теперь это ощущение только усилилось. Да, над ним откровенно смеялись, предлагая признать, что для игр такого уровня он еще не дорос.

А где-то в его доме ждала отрезанная кисть, и рано или поздно полиция обязательно ее найдет.

Глава 59

Мужчина и женщина, дальнобойщик с подругой, оба в джинсах, футболках и бейсболках (у него с надписью «ПИТЕРБИЛТ», у нее — «ДОРОЖНАЯ КОРОЛЕВА») вышли из ресторана. Мужчина зубочисткой выковыривал остатки пищи, женщина зевнула, потянулась.

Сидя за рулем «Эксплорера», Билли смотрел на кисти женщины, думая, какие же они маленькие, как легко спрятать одну из них.

На чердаке. Под половой доской. За котлом. У дальней стенки стенового шкафа. Под любым крыльцом, что передним, что задним. Может, и в гараже, в одном из ящиков, благо их хватало. То ли в банке с формальдегидом, то ли без нее.

Если кисть одной жертвы спрятали в его доме или на участке, почему не оставить там что-нибудь от второй? Что выродок отрезал у рыжеволосой и куда это положил?

У Билли возникло желание немедленно поехать домой, обыскать дом снизу доверху. Но чтобы найти эти ужасы, ему наверняка потребовался бы и остаток ночи, и часть утра.

А если бы не нашел, продолжил поиски до второй половины дня? Наверняка продолжил бы.

Раз начав, он бы не остановился, одержимый желанием отыскать эти жуткие сувениры.

Его наручные часы показывали 1:26. До полуночи четверга оставалось чуть больше двадцати двух часов.

«Мое последнее убийство: в полночь четверга».

Уже столько часов Билли функционировал на кофеине и шоколаде, «Анацине» и «Викодине». Если бы он провел день в поисках частей тела жертв, если бы к сумеркам не идентифицировал выродка и хоть немного не отдохнул, он измотался бы что душой, что телом и не смог бы надежно охранять Барбару.

Короче, не мог он тратить время на поиски кисти Гизель Уинслоу.

А кроме того, читая статью второй раз, он вспомнил кое-что еще, помимо записки на передней панели холодильника. Манекен с шестью кистями.

Две кисти, которыми оканчивались руки, держали воткнутые в шею ножи.

Две кисти, заменившие стопы, держали железный штырь, которым манекен трахал себя.

Третья пара кистей, взятая, как и вторая, у какого-то другого манекена, торчала из груди. Так что манекен чем-то напоминал индуистскую богиню Кали.

Хотя у других манекенов число кистей не превышало положенного человеку, этот, с шестью кистями, предполагал, что женская кисть для Зиллиса — фетиш.

На фотографиях, которые украшали обложки порнокассет, женские руки присутствовали практически всегда. Или в наручниках, или крепко связанные веревкой, или в кожаных перчатках.

Тот факт, что Гизель Уинслоу отрезали кисть, говорил о многом, возможно, доказывал вину Зиллиса.

Билли, конечно, притягивал факты за уши. У него не было оснований набросить петлю на шею Стива Зиллиса.

«Разве я не протянул тебе руку дружбы? Да, протянул».

Грубый, подростковый юмор. Билли буквально увидел, как Стив Зиллис, ухмыляясь, произносит эти слова. Насмешливым, хорошо поставленным барменским голосом.

Внезапно он вспомнил, какое активное участие в его выступлениях за стойкой бара принимали руки. Они у него были необычайно проворные. Он жонглировал оливками, и не только. Показывал карточные фокусы. Монетка «прогуливалась» у него между костяшками пальцев, а потом могла исчезнуть.

Но все это не помогало Билли покрепче завязать петлю.

Время приближалось к двум утра. Если он намерен встретиться с Зиллисом, сделать это

следовало под покровом темноты.

Медицинскому клею на ранках досталось. «Заплатки» треснули по краям, обтрепались.

Билли открыл тубик и поверх первого слоя наложил новый.

Если уж он и собирался взяться за Зиллиса, то сначала с ним следовало поговорить. Ничего больше. Просто серьезно поговорить.

На случай, если Зиллис и есть выродец, ему придется отвечать на поставленные вопросы под дулом пистолета.

Разумеется, если бы выяснилось, что Зиллис — не убийца, всего лишь извращенец, он бы Билли не понял. Разозлился бы. Мог подать в суд.

И успокоить его Билли мог только одним способом: напугав. А напугать он его мог, лишь причинив сильную боль, чтобы Зиллис понял, что настроен Билли серьезно, а если Зиллис попытается обратиться в полицию, то ему будет еще хуже.

Прежде чем идти к Зиллису, Билли следовало убедиться, что сам он способен напасть даже на невинного человека и как следует врезать ему, чтобы заставить молчать.

Он сжал и разжал левую руку. Она сжималась и разжималась.

Вот этот выбор делать его не заставляли: он мог причинить боль и запугать невинного человека, а мог и выдержать паузу, подумать, посмотреть, как будут разворачиваться события, и таким образом, возможно, подвергнуть Барбару большей опасности.

«Выбор за тобой».

Так было всегда. И всегда будет. Действовать или бездействовать. Выжидать или идти. Закрывать дверь или открыть. Отгородиться от жизни или войти в нее.

У него не было часов и дней, необходимых для тщательного анализа. Более того, если бы у него и было время, он бы заблудился в лабиринте этого анализа.

Билли попытался найти ответ в личном опыте, приложив его к создавшейся ситуации, и не нашел.

Он завел двигатель. Выехал со стоянки дальнобойщиков.

Не сумел отыскать на небе месяца, этот тоненький серебряный серпик. Должно быть, он находился у него за спиной.

Часть четвертая

Глава 60

В 2:09 утра Билли припарковался на тихой улочке, застроенной жилыми домами, в двух с половиной кварталах от дома Стива Зиллиса.

Нижние ветви деревьев находились между уличными фонарями и землей и отбрасывали тени на тротуары.

Шагал Билли неторопливо, всем своим видом показывая, что у него стойкая бессонница и прогулки в столь поздний час для него — привычка.

В домах свет не горел ни в окнах, ни на крыльце. Мимо не проезжали автомобили.

К этому времени земля уже отдала большую часть тепла, запасенного за день. Так что ночь не была ни жаркой, ни прохладной. Мешок из-под хлеба, закрепленный на ремне, болтался у левого бока. В нем, прикрытые кухонным полотенцем, лежали наручники, баллончик с «мейсом» и «тазер».

На правом боку висела кобура «Уилсон комбат». С табельным заряженным пистолетом Лэнни Олсена.

Низ футболки Билли вытащил из джинсов, так что кобуру с пистолетом она скрывала. Даже с нескольких футов никто бы не понял, что это кобура.

Подойдя к дому Зиллиса, он свернул с тротуара на подъездную дорожку, последовал вдоль стены из эвкалиптов мимо гаража. На фасаде окна были темными, но мягко светились

в спальне Зиллиса и в ванной.

Билли постоял во дворе, оглядываясь, вслушиваясь в ночь. Подождал, пока глаза забудут свет уличных фонарей и привыкнут к темноте.

Вновь засунул низ футболки в джинсы, чтобы облегчить доступ к пистолету.

Из кармана достал латексные перчатки, натянул на руки.

Район был тихий. Дома стояли неподалеку друг от друга. Так что шуметь не следовало. Соседи слышали бы крики, не говоря уже о выстрелах, если не заглушить их подушкой.

Билли шагнул в маленький крытый внутренний дворик, где стоял один алюминиевый стул. Ни стола, ни мангала, ни растений в горшках.

Через стеклянные панели двери черного хода оглядел кухню, освещенную зелеными цифрами часов, духовки и микроволновки.

Вытащил из-под ремня мешок, достал из него баллончик «мейса». Полотенце заглушило звяканье наручников. Билли вновь завязал горловину мешка узлом и сунул под ремень.

При первом посещении дома Зиллиса он прихватил запасной ключ от двери черного хода. Осторожно вставил его в замочную скважину, плавно повернул, потому что скрежет замка мог разнестись по всему маленькому дому.

Дверь открылась легко. Петли не заскрипели.

Билли переступил порог и закрыл дверь за собой.

С минуту стоял столбом. Глаза уже привыкли к темноте, но ему требовалось сориентироваться.

Сердце бухало. Возможно, сказывалось действие кофеиновых таблеток.

Когда он пересекал кухню, резиновые подошвы чуть слышно поскрипывали на виниловых плитках пола. Он поморщился, но не остановился.

В гостиной пол устилал ковер. После двух бесшумных шагов Билли вновь остановился, чтобы сориентироваться уже в этой комнате.

Минимум обстановки играл ему на руку. Чем меньше препятствий могло встретиться ему на пути, тем лучше.

И тут до Билли донеслись тихие голоса. Встревожившись, он прислушался. Не мог разобрать, кто что говорит.

Он-то рассчитывал найти Зиллиса одного, а потому едва не повернулся, чтобы уйти. Но сначала требовалось уточнить, кто составляет компанию Зиллису.

Слабое свечение очерчивало вход в коридор, который вел из гостиной к двум спальням и ванной. Лампа в коридоре не горела, но свет падал в него из двух дальних дверей.

Эти двери располагались одна напротив другой, и, насколько помнил Билли, левая вела в ванную, а правая — в спальню Зиллиса.

Судя по тембру — слов Билли по-прежнему разобрать не мог, — голосов было два, мужской и женский.

В правой руке Билли зажал баллончик с «мейсом», положив большой палец на пусковую кнопку.

Интуиция нашептывала, что «мейс» надобно заменить на пистолет. Но иной раз следовало отдать предпочтение здравому смыслу, а не интуиции.

Если бы он начал с того, что выстрелил в Зиллиса, на этом все могло и закончиться. Его задача состояла в том, чтобы лишить Зиллиса способности к сопротивлению, а не ранить или убить его.

Крадясь по коридору, он прошел мимо спальни, где находились обезображенные манекены.

Голоса стали громче, и он понял, что говорят актеры. Должно быть, Зиллис смотрел телевизор.

И тут женщина закричала от боли, но сладострастно, словно боль доставила ей удовольствие.

Билли уже приближался к концу коридора, когда Стив Зиллис внезапно появился из

ванной, по левую руку от Билли.

Босиком, голый по пояс, в одних только пижамных штанах, он чистил зубы и вот поспешил в спальню, чтобы взглянуть, что происходит на экране.

Его глаза широко раскрылись, когда он увидел Билли. Заговорил он, еще не вытащив зубную щетку изо рта: «Какого х...»

Билли пустил ему в лицо струю «мейса».

Газ, используемый полицией, эффективен на расстоянии до двадцати футов, хотя оптимумом считаются пятнадцать. Стива Зиллиса от Билли отделяли семь.

«Мейс», попавший в рот или нос, только сдержит нападающего, но не остановит. Чтобы полностью обезопасить себя, струю нужно направлять прямо в глаза.

Зиллис отбросил зубную щетку, закрыл глаза руками, слишком поздно, уже ничего не видя, отвернулся от Билли. Тут же столкнулся с торцевой стеной коридора. Согнулся пополам, его начало рвать, пена от зубной пасты полезла изо рта, словно он был бешеной собакой.

Глаза жгло ужасно, зрачки раскрылись до предела, он ничего не видел, даже тени нападавшего. Жгло и горло, куда «мейс» попал через нос, а легкие старались не пустить в себя отравленный воздух.

Билли наклонился, схватился за манжет левой штанины Зиллиса, дернул.

Левая нога ушла из-под Зиллиса, он отчаянно замахал руками, пытаясь опереться на стену, дверной косяк, что угодно, ничего не нашел, грохнулся так, что завибрировали половицы.

Жадно хватая ртом воздух, чихая, кашляя, он еще и кричал, жалуясь на боль в глазах, потерю зрения.

Билли вытащил пистолет калибра 9 мм и рукояткой стукнул Зиллиса по голове, не так чтобы сильно, лишь бы тот почувствовал боль.

Зиллис завопил, и Билли предупредил:

— Успокойся, а не то я стукну тебя сильнее.

Когда Зиллис послал его куда подальше, Билли выполнил угрозу, но опять сдержал силу удара. Зиллис, однако, все понял.

— Вот и хорошо, — кивнул Билли. — Со зрением у тебя будут проблемы еще минут двадцать, может, полчаса...

Все еще учащенно дыша, Зиллис перебил Билли:

— Господи, я ослеп, я...

— Это всего лишь «мейс».

— Что ты несешь?

— «Мейс». Все пройдет.

— Я ослеп, — настаивал Зиллис.

— Стой на месте.

— Я ослеп.

— Ты не ослеп. Не двигайся.

— Черт. Как БОЛЬНО!

Струйка крови вытекла из волос Зиллиса. Билли ударил его не сильно, но кожу повредил.

— Не двигайся, слушай меня. Сделаешь все, как тебе скажу, и волноваться будет не о чем.

Он понял, что уже успокаивает Зиллиса, словно доказал себе его невиновность.

До этого момента Билли казалось, что проблем не возникнет. Все образуется, даже если выяснится, что Зиллис — не выродок, и он уйдет отсюда с минимальными для себя неприятностями.

Он представлял себе, что в конфронтации с Зиллисом удастся обойтись без насилия. Струя «мейса», Зиллис не сопротивляется, делает все, что ему говорят. Просто, как апельсин.

А в реальности ситуация уже в самом начале грозила выйти из-под контроля.

Билли постарался придать голосу максимум уверенности:

— Не хочешь лишней боли, лежи тихо, пока я не скажу тебе, что делать дальше.

Зиллис чихнул.

— Ты меня слышишь? — спросил Билли.

— Черт, да как я могу тебя не слышать?

— Ты меня понял?

— Я ослеп, но не оглох.

Билли зашел в ванную, выключил воду, текущую из крана над раковиной, огляделся.

Не нашел то, что искал, зато увидел то, чего видеть не хотел: свое отражение в зеркале. Он ожидал, что лицо его будет страшным, даже безумным, и не ошибся. Он ожидал, что можно испугаться, увидев такое лицо, и не ошибся. Чего он не ожидал увидеть, так это желания творить зло, но увидел.

Глава 61

В спальне на экране телевизора обнаженный мужчина в черной маске хлестал женщину по груди многохвостой кожаной плеткой.

Билли выключил телевизор.

— Я представляю себе, как ты режешь лимоны и лаймы для коктейлей, и мне хочется блевануть.

Лежа в коридоре у открытой двери, Зиллис то ли не услышал его, то ли сделал вид, что не слышит.

У кровати не было ни изголовья, ни изножья. Матрас лежал на раме, установленной на четырех ножках.

Рама эта была на виду, поскольку Зиллис обходился без покрывала.

Билли достал наручники из мешка. Одно кольцо закрепил на раме.

— Встань на руки и на колени, — приказал он. — Ползи на мой голос.

Оставаясь на полу, дыша все так же шумно, но уже не с таким трудом, Зиллис сплюнул на ковер. Слезы, текущие по щекам, смочили «мейсом» губы, с которых горечь попала в рот.

Билли подошел к нему и вдавил дуло пистолета в затылок.

Зиллис сжался.

— Ты знаешь, что это?

— Ствол.

— Я хочу, чтобы ты полз в спальню.

— Черта с два.

— Я серьезно.

— Хорошо.

— К кровати.

Хотя спальня освещалась одной тусклой лампой, Зиллис закрыл глаза: даже этот свет был для него слишком ярким.

Дважды Зиллис сбивался с курса, и Билли направлял его к цели.

— Теперь сядь спиной к кровати. Хорошо.левой рукой пощупай сзади себя. Наручники свешиваются с рамы. Да, это они.

— Не делай этого со мной. — Из глаз Зиллиса по-прежнему лились слезы. Пузыри лезли из носа. — Почему? За что?

— Вставь левое запястье в пустой браслет.

— Мне это не нравится.

— Неважно.

— Что ты собираешься со мной делать?

— Все зависит от тебя. Надевай браслет.

После того как Зиллис защелкнул браслет, Билли наклонился, чтобы проверить замок.

Зиллис по-прежнему ничего не видел, поэтому не мог ударить его или попытаться отобрать пистолет.

Стив не мог таскать кровать по комнате. Но, приложив определенные усилия, мог перевернуть ее, сбросить матрац, разобрать раму, скрепленную болтами, и таким образом освободиться. На это, конечно, ушло бы время.

Ковер выглядел грязным. Билли не собирался ни садиться на него, ни опускаться на колени.

Он прошел на кухню и вернулся с единственным на весь дом стулом с высокой спинкой. Поставил перед Зиллисом, за пределами его досягаемости, сел.

— Билли, я умираю.

— Ты не умираешь.

— Я боюсь за свои глаза. До сих пор ничего не вижу.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов.

— Вопросы? Ты рехнулся?

— Если не совсем, то наполовину, — признал Билли.

Зиллис закашлялся. Сильно, до хрипоты. «Мейс» продолжал действовать. Билли ждал.

Наконец Зиллис смог заговорить, пусть голос сел и дрожал.

— Ты насмерть перепугал меня, Билли.

— Хорошо. А теперь я хочу, чтобы ты сказал мне, где ты держишь оружие.

— Оружие? Зачем мне оружие?

— Из которого ты застрелил его.

— Застрелил его? Застрелил кого? Я ни в кого не стрелял. Господи, Билли!

— Ты пустил ему пулю в лоб.

— Нет. Никогда. Только не я, — его глаза застилали вызванные «мейсом» слезы, поэтому Билли не мог определить, говорит ли Зиллис искренне или играет. Он моргал, моргал, пытаясь вернуть себе способность видеть. — Слушай, если это какая-то шутка...

— Шутник — ты, — прервал его Билли. — Не я. Ты — исполнитель.

На это слово Зиллис не отреагировал.

Билли подошел к столику у кровати, выдвинул ящик.

— Что ты делаешь? — спросил Зиллис.

— Ищу оружие.

— Оружия нет.

— Оружия не было раньше, когда здесь не было и тебя, но теперь есть. И ты держишь его где-то поблизости, под рукой.

— Ты был здесь раньше?

— Тебе нравится грязь, не так ли, Зиллис? После ухода мне придется отмываться кипятком.

Билли открыл дверцу прикроватного столика, покопался на полках.

— И что ты собираешься сделать, если не найдешь оружия?

— Может, прибью твою руку к полу, а потом по одному отрежу все пальцы.

Голос Зиллиса звучал так, будто он вот-вот расплачется по-настоящему:

— Не говори так. Что я тебе сделал? Я тебе ничего не сделал.

Билли сдвинул дверь стенового шкафа.

— Когда ты был у меня дома, Стиви, где ты спрятал отрезанную кисть?

Стон сорвался с губ Зиллиса, он принялся качать головой: нет, нет, нет, нет.

Полка находилась выше уровня глаз. Обыскивая ее, Билли спросил:

— Что еще ты спрятал в моем доме? Что ты отрезал у рыжеволосой? Ухо? Грудь?

— Быть такого не может, — голос Зиллиса по-прежнему дрожал.

— Не может что?

— Господи, ты же Билли Уайлс.

Вернувшись к кровати, Билли приподнял матрац, чего бы никогда не сделал, не будь на руках латексных перчаток.

— Ты — *Билли Уайлс* , — повторил Зиллис.
 — И что с того? Ты думал, я не знаю, как постоять за себя?
 — Я ничего не сделал, Билли. *Ничего*.
 Билли обошел кровать.
 — Так вот, я знаю, как постоять за себя, путь и не кричу об этом на всех углах.
 Билли поднял матрац с другой стороны под продолжающееся верещание Зиллиса:
 — Билли, ты же меня знаешь. Я только шучу. Черт, Билли. Ты же знаешь, болтать языком — это все, на что я способен.
 Билли вернулся к стулу. Сел.
 — Теперь ты хорошо меня видишь, Стиви?
 — Не очень. Мне нужна бумажная салфетка.
 — Воспользуйся простыней.
 Свободной рукой Зиллис нащупал край простыни, потянул на себя, вытер лицо, высморкался.
 — У тебя есть топор? — спросил Билли.
 — Господи.
 — У тебя есть топор, Стиви?
 — Нет.
 — Говори мне правду, Стиви.
 — Билли, нет.
 — У тебя есть топор?
 — Не делай этого.
 — У тебя есть топор, Стиви?
 — Да, — признал Зиллис, и из груди вырвалось рыдание, свидетельствующее о том ужасе, который охватил Зиллиса.
 — Ты или чертовски хороший актер, или действительно туповатый Стив Зиллис, — сказал Билли, уже склоняясь к тому, что второй вариант и есть истинный.

Глава 62

— Когда ты рубил манекены во дворе, ты представлял себе, что рубишь настоящих женщин? — спросил Билли.
 — Они всего лишь манекены.
 — Тебе нравится рубить арбузы, потому что внутри они красные? Тебе нравится смотреть, как разлетаются ошметки красного мяса, Стиви?
 На лице Зиллиса отразилось изумление.
 — Что? Она сказала тебе об этом? Что она тебе сказала?
 — Кто эта «она», Стиви?
 — Старая сука, которая живет рядом. Селия Рейнольдс.
 — Ты не в том положении, чтобы обзывать кого-либо старой сукой, — указал Билли. — Ты в том положении, когда никого и никак нельзя обзывать.
 Зиллис, похоже, с этим согласился, энергично закивал.
 — Ты прав. Извини. Она просто одинокая женщина, я знаю. Но, Билли, она очень уж любопытная старушенция. Не хочет заниматься только своими челами. Вечно торчит у окон, наблюдает из-за жалюзи. Стоит выйти во двор, и она уже следит за тобой.
 — А есть много такого, что люди не должны о тебе *знать* , не так ли, Стиви?
 — Нет, я ничего не делаю. Просто хочу, чтобы никто за мной не подглядывал. Вот пару раз я и устроил ей шоу с топором. Изобразил безумца. Чтобы напугать ее.
 — Напугать ее?
 — Заставить не совать нос в чужие дела. Я делал это только три раза и на третий дал ей знать, что это всего лишь шоу, дал ей знать, что мне известно, кто его смотрит.

— И как ты дал ей знать?
— Это не делает мне чести.
— Я уверен, есть много такого, что не делает тебе чести, Стиви.
— Я показал ей палец, — ответил Зиллис. — Разрубил манекен и арбуз — и не представлял себе, что это совсем другое, — а потом подошел к забору и показал ей палец.
— Однажды ты разрубил стул.
— Да. Я разрубил стул. И что?
— Тот, на котором я сижу, единственный в доме.
— У меня их было два. Мне нужен только один.
Это был всего лишь стул.

* * *

— Ты любишь смотреть, как женщинам причиняют боль, — в голосе Билли вопросительные интонации отсутствовали.

— Нет.
— Ты только этим вечером нашел порнокассеты под кроватью? Их принес сюда какой-то греmlin?[27] Может, послать за изгоняющим гремлинов?

— Это не настоящие женщины.
— Они — не манекены.
— Я хочу сказать, в действительности боли им не причиняют. Они играют.
— Но тебе нравится на это смотреть.

Зиллис промолчал. Опустил голову.

В чем-то все оказалось даже проще, чем ожидал Билли. Он думал, что задавать неприятные вопросы и выслушивать ответы, которые вынужден давать на них другой человек, будет столь мучительно, что он не сможет провести продуктивный допрос. Вместо этого чувство власти давало ему уверенность. И приносило удовлетворенность. Легкость, с которой он вел допрос, удивила его. Легкость эта напугала его.

— Это отвратительные видеофильмы, Стиви. Мерзкие.
— Да, — тихо ответил Зиллис. — Я знаю.
— Ты снимал видео, в которых сам таким же образом причинял боль женщинам?
— Нет. Господи, нет.
— Что ты там шепчешь?

Он поднял голову, но не мог заставить себя встретиться взглядом с Билли.

— Я никогда таким образом не причинял боль женщине.
— Никогда? Таким образом ты никогда не причинял боль женщине?
— Никогда. Клянусь.
— А как ты причинял им боль, Стиви?
— Никак. Я не мог.
— Ты у нас такой паинька, Стиви?
— Мне нравится... на это смотреть.
— Смотреть, как женщинам причиняют боль?
— Мне нравится на это смотреть, да. Но я этого стыжусь.
— Не думаю, что стыдишься.
— Стыжусь. Да, стыжусь. Во время — не всегда, но после — обязательно.
— После чего?
— После... просмотра. Но это не... Нет, я таким быть не хочу.
— А кто хочет быть таким, какой ты сейчас, Стиви?
— Не знаю.

— Назови хоть одного человека. Одного человека, который хотел бы быть таким, как ты есть.

— Может, таких и нет.

— И как же ты стыдишься?

— Я выбрасывал эти видео. Много раз. Даже уничтожал их. А потом, ты понимаешь... через какое-то время покупал новые. Мне нужна помощь, чтобы остановиться.

— И ты к кому-нибудь обращался за помощью, Стиви?

Зиллис не отреагировал.

— Ты обращался за помощью? — настаивал Билли.

— Нет.

— Если ты действительно хочешь остановиться, почему ты не обращался за помощью?

— Я думал, что остановлюсь сам. Я думал, что смогу.

Зиллис заплакал. Его глаза блестели от «мейса», но слезы потекли настоящие.

— Почему ты так обошелся с манекенами, которые находятся в соседней комнате, Стиви?

— Ты не сможешь понять.

— Да, конечно, я всего лишь Билли Уайлс, который только и может, что наливать пиво, но ты все-таки попробуй.

— Это ничего не значит, то, что я с ними делал.

— Ты вложил в них слишком много времени и сил, чтобы это ничего не значило.

— Я не могу об этом говорить. Только не об этом, — он даже не отказывался — умолял.

— Не могу.

— Боишься покраснеть, Стиви? Разговор об этом оскорбит твои нежные чувства?

Зиллис плакал. Нет, не рыдал. Но по щекам текли слезы унижения и стыда.

— Делать — совсем не то, что говорить.

— Делать, в смысле, с манекенами? — уточнил Билли.

— Ты можешь... ты можешь вышибить мне мозги, но об этом я тебе ничего не скажу.

Не могу.

— Когда ты уродовал манекены, ты возбуждался, Стиви? У тебя все вставало?

Зиллис покачал головой, опустил голову.

— Делать такое с ними и говорить об этом совсем разные вещи? — спросил Билли.

— Билли. Билли, *пожалуйста*. Я не хочу слышать себя, слышать, как я об этом говорю.

— Потому что, когда ты делаешь, это просто одно из твоих занятий. А когда говоришь, получается, что это ты сам.

Лицо Зиллиса подтвердило, что Билли все понял правильно.

Но манекены мало что дали. Попрекать Зиллиса за его извращенность особого смысла не имело.

Билли еще не получил тех доказательств, за которыми сюда пришел.

Он одновременно чувствовал и усталость, и бодрость: пусть он и хотел спать, но его подстегивал кофеин. Временами болела пробитая гвоздем рука: действие «Викодина» начинало сходиться на нет.

Из-за того, что усталость компенсировалась химией, он не мог должным образом строить допрос.

Если Зиллис был выродком, эмоции он имитировал гениально.

Но ведь этим и отличались социопаты: ненасытные пауки, обладающие сверхъестественным талантом являть обществу убедительный образ нормального человека, который полностью скрывал ледяную расчетливость и жажду убивать.

— Когда ты проделываешь все это с манекенами и смотришь эти мерзкие видеофильмы, ты думаешь о Джудит Кессельман?

За время их короткого общения Зиллис удивлялся не один раз, но этот вопрос просто потряс его. Налитые кровью глаза широко раскрылись, лицо побледнело, челюсть отвисла.

Зиллис сидел на полу, прикованный к кровати, Билли — на стуле, и его уже начала злить увертливость пленника.

— Стиви? Я задал вопрос.

— Что все это значит? — в голосе Зиллиса вдруг послышалась нотка праведного негодования.

— Что именно?

— Почему ты пришел сюда? Билли, я не понимаю, что ты тут *делаешь*.

— Ты думаешь о Джудит Кессельман? — настаивал Билли.

— Откуда ты знаешь про нее?

— Откуда, по-твоему, я могу знать про нее?

— Ты отвечаешь вопросами на вопросы, а я должен иметь ответы на все.

— Бедный Стиви. Так что ты можешь сказать насчет Джудит Кессельман?

— С ней что-то случилось.

— Что с ней случилось?

— Это было в колледже. Пять, пять с половиной лет тому назад.

— Ты знаешь, что с ней случилось, Стиви?

— Никто не знает.

— Кто-то знает, — возразил Билли.

— Она исчезла.

— Как в шоу фокусника?

— Просто ушла и не вернулась.

— Милая была девушка, не так ли?

— Все ее любили.

— Такая милая девушка, такая невинная. Невинные — самый деликатес, не так ли, Стиви?

— Деликатес? — нахмурившись, переспросил Зиллис.

— Невинные — они самые сочные, самые вкусные. Я знаю, что с ней случилось. — Знал-то он одно: Зиллис похитил и убил ее.

Зиллис так содрогнулся, что кольцо наручников застучало о раму кровати.

— Я знаю, Стиви, — повторил Билли, довольный реакцией, которую произвели его слова.

— Что? Что ты знаешь?

— Все.

— Что с ней случилось?

— Да. Все.

Зиллис сидел, привалившись спиной к раме кровати, вытянув ноги перед собой. А тут внезапно подтянул колени к груди.

— Господи, — с губ сорвался протяжный стон.

— Абсолютно все, — заверил его Билли.

— Не причиняй мне боли, — голос Зиллиса дрожал.

— А что, по-твоему, я могу с тобой сделать, Стиви?

— Не знаю. Не хочу даже думать.

— У тебя такое богатое воображение, ты такой талантливый, когда дело доходит до изобретения новых способов причинить боль женщинам, но внезапно ты не хочешь *думать*?

— Чего ты от меня добиваешься? Что я могу сделать? — Зиллиса трясло.

— Я хочу поговорить о том, что случилось с Джудит Кессельман.

Когда Зиллис зарыдал, как маленький мальчик, Билли поднялся со стула. Он чувствовал, что сейчас Зиллис расколется.

— Стиви.

— Уходи.

— Ты знаешь, я не уйду. Давай поговорим о Джудит Кессельман.

— Я не хочу.
— А я думаю, хочешь. — Билли не приблизился к Зиллису, но присел на корточки, чтобы их лица оказались на одном уровне. — Я думаю, ты очень хочешь об этом поговорить. Зиллис яростно потряс головой:
— Нет. Нет. Если мы об этом поговорим, ты точно меня убьешь.
— Почему ты так говоришь, Стиви?
— Ты знаешь.
— Почему ты говоришь, что я тебя убью?
— Потому что тогда я буду знать слишком много, не так ли?
Билли всмотрелся в своего пленника, пытаясь понять, о чем он толкует.
— Это сделал ты! — И вслед за этими словами из груди Зиллиса вырвался стон.
— Сделал что?
— Ты убил ее, и я не знаю почему, я не понимаю, но теперь ты собираешься убить меня.
Билли глубоко вдохнул, его передернуло.
— Что ты сделал?
Вместо ответа Зиллис только всхлипнул.
— Стиви, что ты с собой сделал?
Если раньше Зиллис прижал колени к груди, то теперь вновь вытянул ноги.
— Стиви?
Промежность пижамных штанов Зиллиса потемнела от мочи. Он обдурлся.

Глава 64

Некоторые монстры в образе человеческом просто жалки и не склонны к убийствам. Их логово и не логово в полном смысле этого слова, потому что они не затаскивают туда свои жертвы. Из обстановки там минимум мебели и предметы, соответствующие их извращенному представлению о красоте. Они лишь надеются уйти с головой в свои безумные фантазии и жить своей чудовищной жизнью, и мучают себя, даже если другие оставляют их в покое.

Билли отказывался верить, что Стиви Зиллис — представитель этой жалкой породы.

Признав, что Зиллис — не психопат-убийца, Билли пришлось бы смириться с тем, что он потерял драгоценное время, преследуя волка, который на поверку оказался ничтожной дворняжкой.

Хуже того, если выродком был не Зиллис, Билли понятия не имел, куда двигаться дальше. Все улики подвели его к единственному выводу. Косвенные улики.

Следовательно, продолжая допрашивать своего пленника, он просто пользовался своим положением тюремщика. Матадора не может радовать, если бык, весь в бандерильях, теряет боевой дух и уже не обращает внимания на красную мулету.

И вскоре, стараясь скрыть нарастающее отчаяние, Билли вновь сидел на стуле и пытался ухватиться за последнюю соломинку, в надежде, что результат все-таки будет.

— Что ты делал сегодня вечером, Стиви?
— Ты знаешь. Разве ты не знаешь? Был в баре, работал в твою смену.
— Только до девяти вечера. Джекки говорит, ты работал с трех и до девяти, потому что у тебя были дела раньше и позже.
— Да. Были.
— И где ты был от девяти вечера до полуночи?
— Разве это имеет значение?
— Имеет, — заверил его Билли. — Где ты был?
— Ты собираешься причинить мне боль... ты все равно собираешься меня убить.
— Я не собираюсь тебя убивать, и я не убивал Джудит Кессельман. Я практически

уверен, что убил ее ты.

— Я? — Изумление было таким же искренним, как и любая реакция, какие он демонстрировал с самого начала.

— У тебя это хорошо получается.

— Получается — что? Убивать людей? Да ты совершенно спятил. Я никогда никого не убивал!

— Стив, если ты убедишь меня, что у тебя весомое алиби от девяти вечера до полуночи, все закончится. Я уйду, а ты будешь свободен.

На лице Зиллиса отразилось сомнение.

— Я так легко отделаюсь?

— Да.

— После всего этого... все так и закончится?

— Возможно. В зависимости от алиби.

Зиллис, похоже, не знал, что ответить.

И Билли уже решил, что наконец-то прижал его к стенке.

— А если я скажу тебе, где был, а потом окажется, что именно поэтому ты здесь, потому что ты уже знаешь, где я был, и хочешь только услышать от меня подтверждение, чтобы потом ты смог избить меня в кровь?

— Я не понимаю тебя, — в голосе Билли слышалось недоумение.

— Хорошо. Ладно. Я был с одним человеком. Я не слышал, чтобы она говорила про тебя, но, если ты к ней что-то имеешь, что ты собираешься сделать со мной?

Билли не верил своим ушам.

— Ты был с женщиной?

— Если ты про постель, то нет. У нас было свидание. Поздний обед, поздний, потому что мне пришлось работать за тебя. Это было наше второе свидание.

— Кто она?

Весь сжавшись, словно боясь взрыва ревности со стороны Билли, Зиллис ответил:

— Аманда Поллард.

— Манди Поллард? Я ее знаю. Милая девушка.

— Именно так, — кивнул Зиллис. — Милая девушка.

Поллардам принадлежал большой виноградник, продукция которого пользовалась спросом у лучших виноделов долины. Манди было лет двадцать с небольшим. Симпатичная, дружелюбная девушка уже работала в семейном бизнесе. И заслуживала того, чтобы жить в куда более лучшее время, чем наше.

Билли оглядел грязную спальню, от футляра порнокассеты, лежащей на полу у телевизора, до груды грязного белья в углу.

— Она никогда здесь не была, — сказал Зиллис. — Мы встретились только два раза. Я ищу новое место, хорошую квартиру. Хочу избавиться от всего этого. Начать жизнь с чистого листа.

— Она — приличная девушка.

— Это точно, — с жаром согласился Зиллис. — Я думаю, с ее помощью я смогу очиститься от прошлого, наконец-то все сделать правильно.

— Она должна увидеть это место.

— Нет, Билли, нет, ради бога. Это не тот я, каким я хочу быть. Для нее я хочу стать лучше.

— Куда вы ходили на обед?

Зиллис назвал ресторан. Потом добавил:

— Мы пришли в двадцать минут десятого. Ушли в четверть двенадцатого, потому что к тому времени в зале, кроме нас, никого не осталось.

— После этого?

— Поехали покататься. Нигде не парковались. Она этого не любит. Просто ездили, разговаривали, слушали музыку.

— До которого часа?
— Я привез ее домой в самом начале второго.
— И вернулся сюда.
— Да.
— И включил порнуху, в которой мужчина стегает плеткой женщину.
— Да. Я знаю, какой я сейчас, но также знаю, каким смогу стать.
Билли подошел к прикроватному столику, взял телефонный аппарат. Шнур был длинным. Он принес телефон Зиллису:
— Позвони ей.
— Что? Сейчас? Билли, уже четвертый час.
— Позвони ей. Скажи, какое ты получил наслаждение от вечера, какая она необыкновенная. Она не будет возражать, если ради этого ты ее разбудишь.
— У нас еще не такие отношения, — обеспокоился Зиллис. — Она найдет мой звонок странным.
— Позвони ей и дай мне послушать, или я воткну ствол этого пистолета тебе в ухо и вышибу мозги. Выбор за тобой.
Руки Зиллиса так дрожали, что он дважды ошибся при наборе номера.
Присев рядом с пленником, вдавив ствол пистолета ему в бок, на случай если у Зиллиса возникнет мысль наброситься на него, Билли услышал, как Манди Поллард ответила на звонок и удивилась тому, что ее кавалер звонит так поздно.
— Не волнуйся, ты меня не разбудил, — заверила Манди Зиллиса. — Я просто лежала, глядя в потолок.
Голос Зиллиса дрожал, но Манди легко могла списать дрожь на волнение из-за того, что звонил он слишком уж поздно и выражал свои чувства более прямо, чем при личном общении.
Несколько минут Билли слушал, как оба вспоминают вечер, обед, поездку на автомобиле, а потом знаком предложил Зиллису закругляться.
Манди Поллард провела вечер с этим человеком, а она не относилась к тем девушкам, которые ловили кайф от общения с плохишами.
И, обедая с Манди Поллард, Зиллис никак не мог усадить труп Ральфа Коттла в гостиную Лэнни и приколотить руку Билли к полу.

Глава 65

— Я оставлю тебя прикованным к кровати, — с этими словами Билли сунул пистолет в кобуру, висевшую на ремне.
На лице Стива Зиллиса отразилось облегчение, когда он увидел, что пистолет покинул руку Билли, но тревога в глазах осталась.
Билли вырвал шнур из телефонной розетки и из аппарата, сунул его в мешок для хлеба.
— Не хочу, чтобы ты кому-нибудь звонил, пока не остынешь и не обдумаешь то, что я сейчас тебе скажу.
— Ты действительно не собираешься меня убивать?
— Действительно. Ключ от наручников я оставлю на кухонном столе.
— Хорошо. На кухонном столе. Но как мне это поможет?
— После моего ухода ты сбросишь матрас с металлической рамы. Она разборная, держится на болтах и гайках.
— Да, но...
— Свернешь гайки с болтов своими пальчиками.
— Может, они заржавели...
— Ты здесь живешь только шесть месяцев. За это время они не заржавели. Если какие-то очень уж крепко закручены, вращай части рамы, ослабь соединение. Ты что-нибудь

придумаешь.

— Я смогу что-нибудь придумать, все так, но я так и не могу понять, почему ты все это сделал? Ты не можешь верить, что я убил Джудит Кессельман, как ты сказал. Я знаю, ты не можешь в это верить. Тогда в чем дело?

Билли убрал в хлебный мешок баллончик с «мейсом».

— Я не собираюсь объяснять, и ты не захочешь этого знать. Поверь мне, не захочешь.

— Посмотри на меня, — заверещал Зиллис. — Глаза щиплет. Я сижу в луже мочи. Это унижительно. Ты ударил меня этим пистолетом, содрал кожу, ты причинил мне боль, Билли.

— Могло быть хуже, — заверил его Билли. — Гораздо хуже.

Решив истолковать его слова как угрозу, Зиллис дал задний ход:

— Ладно. Хорошо. Я тебя слышал. Я успокоился.

— В зависимости от того, как крепко закручены гайки, на разборку рамы у тебя уйдет как минимум час, может, два. Ключ от наручников возьмешь на кухне. Воспользовавшись им, сразу начинай собирать вещи.

Зиллис моргнул.

— Что?

— Позвони Джекки, скажи, что ты увольняешься.

— Я не хочу увольняться.

— Спустись на землю, Стив. Теперь мы не сможем видеться каждый день. Учитывая, что я знаю о тебе, а ты знаешь обо мне. Тебе лучше уехать.

— Куда?

— Мне без разницы. Но за пределы округа Напа.

— Мне тут нравится. А кроме того, прямо сейчас я уехать не могу.

— В пятницу придешь в таверну за расчетом. Я оставлю для тебя конверт. Джекки передаст его тебе. С десятью тысячами долларов. Их тебе хватит, чтобы обосноваться в другом месте.

— Я ничего не сделал, а всю мою жизнь поставили с ног на голову. Это несправедливо.

— Ты прав. Это несправедливо. Но будет именно так, а не иначе. Твоя мебель не стоит и гроша. Можешь ее здесь и оставить. Собери личные вещи и в пятницу вечером уезжай из города.

— Я могу позвонить копам. Предъявить обвинения.

— Правда? Ты хочешь, чтобы копы побывали на месте преступления, увидели порнокассеты, эти манекены в соседней комнате?

Несмотря на страх, Зиллис из жалости к себе надулся.

— Кто умер и назначил тебя Богом?

Билли покачал головой.

— Стив, ты жалок. Ты возьмешь десять тысяч, порадуешься, что остался жив, и уедешь. И вот что еще... больше никогда не звони Манди Поллард.

— Постой. Ты не можешь...

— Не звони ей, не встречайся с ней. Никогда.

— Билли, она может полностью изменить мою жизнь.

— Она — милая девушка. Она — порядочная девушка.

— Именно про это я и говорю. Я знаю, я очищусь от прошлого. Если она...

— Хорошая женщина может круто изменить жизнь мужчины. Но не мужчины, который так глубоко залез в крысиную нору, как ты. Если ты хоть раз позвонишь ей или увидишься с ней, я это узнаю. И я тебя найду. Ты мне веришь?

Зиллис промолчал.

— А если ты прикоснешься к ней, клянусь Богом, я тебя убью, Стив.

— Это неправильно, — пробормотал Зиллис.

— Ты мне веришь? Лучше бы ты мне поверил, Стив.

И как только Билли положил руку на рукоятку пистолета, Зиллис ответил:

— Да. Конечно. Я тебя слышу.

— И хорошо. А теперь я уйду.
— Все равно это дыра, — сказал Зиллис. — Виноградная страна — другое название для фермы. Я — не сельский житель.
— Ты — нет, — Билли направился к двери.
— Здесь скучно.
— Это точно, — согласился Билли.
— Да пошел ты.
— Счастливого пути, Кемосабе.

Глава 66

К тому времени, когда Билли отъехал на полмили от дома Зиллиса, его так трясло, что пришлось свернуть на обочину и какое-то время приходиться в себя.

В кризисной ситуации он стал тем, кого больше всего презирал. На какое-то время он стал Джоном Палмером.

И, расплатившись с Зиллисом десятью тысячами долларов, Билли все равно оставался Джоном Палмером.

Когда дрожь прекратилась, он не двинул внедорожник с места, потому что не знал, куда ехать. Чувствовал, что уперся в стену. А сквозь стену пути нет.

Он хотел поехать домой, пусть там ничто не могло помочь ему найти решение стоящей перед ним проблемы.

Он хотел поехать домой просто для того, чтобы быть дома. Узнал знакомое желание отгородиться от мира. Оказавшись дома, он взялся бы за очередную заготовку из дуба, превращая ее в деталь орнамента, а мир мог катиться в ад.

Да только на этот раз он попал бы в ад вместе с миром. Он не мог привезти Барбару домой, а если бы оставил ее одну и в опасности, то лишился бы последнего повода, который не давал ему уйти из жизни.

События заставили его действовать, бросили в гущу событий, тем не менее он остро чувствовал собственную изоляцию и отчаяние.

Слишком долго он ничего не сеял, а потому не мог рассчитывать на урожай. Его друзья, которые на самом деле были всего лишь знакомыми, теперь, пожалуй, превратились в подозреваемых. Он достоярничался до мании преследования.

Отчалив от тротуара, Билли поехал куда глаза глядят, не ставя перед собой конкретной цели. Как птичка, он отдался во власть потокам ночи, думая только о том, чтобы остаться на плаву и не впасть в абсолютное отчаяние, прежде чем затеплится хоть какая-то искорка надежды.

Один короткий визит в дом Айви Элгин позволил ему узнать о ней больше, чем за годы их совместной работы. И хотя Айви ему нравилась, теперь он находил ее еще более загадочной, чем раньше, когда практически ничего о ней не знал.

Он не думал, что она могла быть как-то связана с вырождением, который совершил все эти убийства. Но по собственному опыту, на примере отца и матери, знал, что ни в ком нельзя быть полностью уверенным.

Гарри Аваркян был добрым человеком и прекрасным адвокатом... но при этом одним из трех попечителей фонда, распоряжающегося семью миллионами долларов. И такое искушение не следовало сбрасывать со счетов. До Барбары Билли лишь раз побывал в доме Гарри. Барбара вывела его в свет. За год они обедали у Гарри раз шесть, но после того, как Барбара впадала в кому. Билли виделся с Гарри только у него на работе.

Он знал Гарри Аваркяна. И *не знал* его.

На ум пришел доктор Феррьер. Безумие. Известные в округе врачи не шастали по тому же самому округу, убивая людей.

Да только доктор Феррьер хотел, чтобы Билли на пару с ним убил Барбару Мандель.

Чтобы разрешил вытащить из желудка трубку, по которой поступало питание. Позволил ей умереть. Позволил умереть в коме от голода.

Если ты считаешь себя вправе решать за другого (за человека, не испытывающего боль), вправе определять, что качество жизни Барбары не соответствует величине ресурсов, которые на нее расходуются, тогда тебе нужно сделать лишь один шаг для того, чтобы нажать на спусковой крючок.

Нелепо. И однако, доктора Феррьера он знал не больше, чем своего отца: Билли ведь и представить себе не мог, что тот с таким упоением будет молотить мать разводным ключом.

Джон Палмер. Все знали, как сильно он любит власть, но его душа оставалась такой же загадочной, как другая планета.

Чем больше Билли думал о людях, которых знал, чем больше размышлял о том, что убийца — совершеннейший незнакомец, тем менее продуктивным становилось его раздумье, зато возрастало раздражение.

Он сказал себе, что должен заботиться, но не суетиться.

«Для того чтобы овладеть тем, чем ты не владеешь, ты должен пройти через лишение права владения».

«И то, что ты не знаешь, — единственное, что ты знаешь».

Продолжая ехать и внутренне стараясь остановиться, какое-то время спустя он, ведомый разве что шестым чувством, вновь попал на стоянку дальнобойщиков. Припарковался, где и в прошлый раз, перед рестораном.

Левая рука болела. Сжимая пальцы в кулак и разжимая их, он чувствовал, что кисть начала распухать. Действие «Викодина» заканчивалось. Он не знал, стоит принимать еще таблетку или нет, но полагал, что таблетка «Мотрина» не будет лишней.

Он проголодался, но от одной мысли об очередном сладком батончике его начинало мутить. Ему требовалась доза кофеина, но не в таблетках.

Сунув пистолет в кобуре и револьвер под водительское сиденье, пусть в кабину мог залезть кто угодно, поскольку разбитое стекло он так и не заменил, Билли прошел в ресторан.

В 3:40 утра пустых кабинок хватало. Четверо дальнобойщиков сидели у прилавка, пили кофе и ели пирог.

Их обслуживала толстенная официантка с шеей защитника из какой-нибудь команды национальной футбольной лиги и лицом ангела. Копну крашенных иссиня-черных волос украшали ярко-желтые заколки-бабочки.

Билли тоже сел к прилавку.

Глава 67

Судя по нашивке на униформе, официантку звали Жасмин. Она назвала Билли «сладеньким» и принесла заказанные чашку черного кофе и кусок лимонного пирога.

Жасмин и дальнобойщики оживленно беседовали, когда Билли подсел к прилавку. Судя по их репликам, одного звали Кудрявый, другого Арвин. К третьему обращались исключительно «Ты», а четвертый поблескивал передним золотым зубом на верхней челюсти.

Сначала они говорили о потерянном континенте, Атлантиде. Арвин предположил, что загадочная цивилизация погибла, потому что атланты увлеклись генной инженерией и создали монстров, которые их же и сожрали.

С Атлантиды разговор перекинулся на клонирование и исследования ДНК, и очень скоро Курчавый упомянул о том, что в Принстоне, Гарварде или Йеле, короче — в одном из этих дьявольских гнезд ученые собираются создать свинью с человеческим мозгом.

— Не думаю, что это будет научное достижение, — заметила Жасмин. — Уверяю вас, свиней в человеческом образе я навидалась.

— А какова цель создания такой вот очеловеченной свиньи? — удивился Арвин.

— Чтоб была, — ответил Ты.

— Была?

— Как та гора, — Ты указал на окно. — На нее люди могут взобраться. А на свинью придут посмотреть.

— А какую работу она сможет выполнять? — спросил Золотой Зуб.

— Не думаю, что они создают ее для того, чтобы она работала, — покачал головой Кудрявый.

— Но они наверняка хотят, чтобы она что-то делала, — указал Золотой Зуб.

— В одном можно не сомневаться, — заявила Жасмин, — активисты поднимут дикий шум.

— Какие активисты? — спросил Арвин.

— Те или другие, — ответила официантка. — Как только появится свинья с человеческими мозгами, нам всем запретят есть ветчину или бекон.

— Не понимаю почему, — пожал плечами Кудрявый. — Ветчину и бекон будут получать из свиней с обычными мозгами.

— Из солидарности, — пояснила Жасмин. — Как можно есть ветчину и бекон, когда твои дети ходят в школу с умными свинками и приглашают их в гости?

— Такого не будет никогда, — отрезал Ты.

— Никогда, — согласился Арвин.

Золотой Зуб по-прежнему считал, что ученые присмотрели для свиней с человеческими мозгами какое-то занятие.

— Они не будут тратить миллионы долларов ради спортивного интереса, во всяком случае, эти люди.

— Еще как будут, — возразила Жасмин. — Деньги для них ничего не значат. Это же не их деньги.

— Это деньги налогоплательщиков, — кивнул Кудрявый. — Ваши и мои.

Билли поучаствовал в разговоре парой реплик, но в основном слушал, прекрасно знакомый с такого рода разговорами.

Кофе был крепким. Пирог — отличным.

Билли удивило, какое его охватило спокойствие. Лишь оттого, что он просто сидел у прилавка, просто слушал.

— Если ты хочешь поговорить о деньгах, которые выбрасываются на ветер, — Золотой Зуб повернулся к Кудрявому, — тогда посмотри на это страшилище, которое строят у трассы.

— Что... напротив таверны, та хреновина, которая должна сгореть, как только ее построят? — спросил Арвин.

— Но это же *искусство*, — напомнила им Жасмин.

— Я не вижу здесь никакого искусства, — внес свою лепту Ты. — Искусство — это когда на века, не так ли?

— Парень, который там главный, заработает миллионы, продавая фотографии и рисунки, — заверил их Кудрявый. — Найдет сотню возможностей заработать бакс-другой.

— Любой может назвать себя художником? — любопытствовал Золотой Зуб. — Или они должны сдавать какой-то экзамен?

— Он называет себя особым художником, — заметил Кудрявый.

— Особая моя задница, — буркнул Арвин.

— Сладенький, — посмотрела на него Жасмин, — ты уж не обижайся, но твоя прыщавая задница не показалась мне отличающейся от других.

— Он называет себя художником *представления* [28], — уточнил Кудрявый.

— И что это значит?

— Как я понимаю, речь идет о произведении искусства, которое существует строго определенный период времени. Оно создается для того, чтобы что-то сделать, а потом уничтожается.

— И чем через сотню лет будут наполнять музеи? — удивился Ты. — Пустым

пространством?

— Музеев уже не будет, — ответила ему Жасмин. — Музеи — для людей. А людей не будет. Останутся только очеловеченные свиньи.

Билли окаменел. Сидел с чашкой кофе у губ, раскрыв рот, но не мог сделать глоток.

— Сладенький, что-то не так с кофе? — спросила Жасмин.

— Нет. Нет, кофе отличный. Я бы даже хотел выпить еще, и побольше. У вас подают его в кружках?

— У нас можно заказать тройную порцию в пластиковом контейнере. Мы его называем «Большая штучка».

— Принесите мне одну такую «штучку».

Глава 68

Ниша в стене ресторана служила интернет-кафе.

За одним компьютером сидел дальнбойщик, работал одновременно клавиатурой и мышкой, не отрывая глаз от экрана. То ли увлекся сайтом своей компании, то ли играл в какую-то компьютерную игру, а может, его занесло и на порносайт.

На компьютерном столике хватало места и для тарелок. А для «Большой штучки» имелось специальное углубление.

Он не знал названия сайта Валиса, поэтому начал с сайтов, посвященных искусству представления вообще, и в результате вышел на сайт www.valisvalisvalis.com.

Главная страница была так хороша, что хотелось пройтись и по всему сайту. Перед Билли предстал австралийский мост, который художник украсил двадцатью тысячами красных воздушных шариков. На его глазах они все взорвались.

Он увидел фрагменты заявлений художника по поводу его различных проектов. Отрывочные, зачастую бессвязные, пересыпанные жаргонизмами современного искусства.

В одном пространном интервью Валис сказал, что все великие художники были «ловцами человеков», потому что хотели «прикоснуться к душам, даже завоевать души» тех, кто видел их работы.

Валис помогал почитателям его таланта лучше понимать смысл своих проектов, сопровождая каждый «духовным наставлением» из трех строчек. И в любой из строчек было ровно три слова. Билли прочитал «духовные наставления» по нескольким раз.

Из бумажника достал сложенный листок, на котором распечатал шесть строк, составляющих три документа с дискеты, найденной им в руках Ральфа Коттла. Расправил, положил перед собой на стол.

Первая строка: *«Потому что я тоже ловец человеков»*.

Пятая строка: *«Мое последнее убийство: в полночь четверга»*.

Шестая строка: *«Твое самоубийство: вскоре после этого»*.

Вторая, третья и четвертая строки очень уж напоминали «духовные наставления», которые помогали поклонникам таланта Валиса в большей степени воспринимать его работы.

Первая строка этих «наставлений» говорила о *стиле* проекта, *представления*. В данном случае стилем было: *«Жестокость, насилие, смерть»*.

Вторая строка содержала в себе технику, в которой художник намеревался выполнить произведение искусства. У Билли техника была следующей: *«Движение, скорость, воздействие»*.

Третья строка описывала материал или материалы, которые собирался использовать художник. В этом представлении, или перформансе, материалами служили: *«Плоть, кровь, кость»*.

Иногда наиболее удачливыми серийными убийцами были бродяги, которые, совершив несколько убийств в одном месте, уезжали за сотни миль и уже там брались за старое.

Выродок не воспринимал убийство как игру. И только частично оно было для него представлением. Потому что он возводил убийство в ранг искусства.

На сайтах, посвященных искусству представления, Билли выяснил, что этот художник смерти не любил позировать перед камерами. Валис заявлял, что произведения искусства куда более важны, чем их создатель. Так что сфотографировать его удавалось крайне редко.

Такая философия обеспечивала ему, при богатстве и известности, достаточную степень анонимности.

Впрочем, www.valisvalisvalis.com предлагал официальный портрет. Не фотографию, а именно портрет, карандашный рисунок самого художника.

Вероятно, сознательно портрет отличался от оригинала, но Билли сразу его узнал. Это был тот самый мужчина, который во второй половине понедельника пил в таверне «Хайнекен» и терпеливо выслушивал историю Неда Пирсолла о смерти Генри Фридла от садового гнома.

«Вы — интересный парень, Билли-бармен».

Даже тогда выродок знал фамилию Билли, хотя сделал вид, что Билли для него — совершеннейший незнакомец. Должно быть, Валис уже знал о нем все. По причинам, известным только ему, Билли Уайлса идентифицировали, изучили и выбрали для представления, перфоманса.

И теперь, среди других страничек под портретом, Билли увидел и озаглавленную: «ПРИВЕТ, БИЛЛИ».

Хотя Билли думал, что его уже ничем не удивишь, он с минуту смотрел на этот заголовок.

Наконец двинул мышку и кликнул эту страничку.

Портрет исчез, на экране высветилась надпись: «ЗАКРЫТЫЙ УРОВЕНЬ — ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ».

Билли отпил кофе. Потом напечатал в пустой строке «Уайлс» и нажал клавишу «ENTER».

Тут же получил ответ: «ТЫ ДОСТОИН».

Эти два слова оставались перед ним десять секунд, после чего экран потемнел, а когда засветился вновь, на нем вновь появился карандашный портрет. Только страничка «ПРИВЕТ, БИЛЛИ» уже отсутствовала.

Глава 69

Ни один фонарь не освещал громадную скульптурную композицию. Колеса, рычаги, шестерни, поршни, арматуру — все окутывала тьма.

И мужчина, пытающийся вырваться из техники — западни, накинул на себя темный плащ.

Желто-пурпурный шатер стоял в тени, зато приглашающий янтарный свет горел в окнах большого дома на колесах.

Билли сначала остановился на обочине шоссе и смотрел на дом издали.

Шестнадцать художников и рабочих, которые возводили скульптурную композицию под руководством Валиса, жили не на стройплощадке. Для них на шесть месяцев сняли номера в гостинице «Виноградные холмы».

Валис, однако, предпочел жить здесь. Дом на колесах не составляло труда подключить к системе подачи электроэнергии и к водопроводу.

Контейнеры со стоками дважды в неделю очищала «Канализационная служба Глена». Глен Готнер очень гордился тем, что вносит посильную лепту в возведение «этого выдающегося произведения искусства».

Не зная, стоит ли ему остановиться или лучше проехать мимо, Билли тем не менее съехал с обочины и по пологой насыпи скатился на луг. Подъехал к дому на колесах.

Дверь в кабину была открыта. Свет падал на ступени и приглашающим прямоугольником лежал на траве.

Билли остановил «Эксплорер». Какое-то время не выключал двигатель, одна нога нажимала на педаль тормоза, вторая зависла над педалью газа.

Ни штор, ни жалюзи на большинстве окон не было. За окнами никто не двигался.

Занавешенными были только окна в задней части дома на колесах, где, вероятно, находилась спальня. Лампы горели и там, подсвечивая золотистые шторы.

Билли не мог не прийти к выводу, что его ждут.

Его мутило от одной мысли, что он примет это предложение. Ему хотелось уехать. Но ехать-то было некуда.

Менее двадцати часов оставалось до полуночи, времени «последнего убийства». Так что Барбаре по-прежнему грозила опасность.

Из-за улик, оставленных Валисом, Билли по—прежнему мог попасть под подозрение, как только полиции стало бы известно об исчезновении Лэнни, Ральфа Коттла и молодой рыжеволосой женщины.

Где-то в доме, или в гараже, или закопанная в землю на участке, находилась и кисть Гизель Уинслоу. Может, и какие-то другие «сувениры».

Билли перевел ручку переключения скоростей в нейтральное положение, выключил освещение, а вот двигатель глушить не стал.

Около темного шатра стоял «Линкольн Навигатор». Вероятно, на нем Валис разъезжал по окрестностям.

«Ты достоин».

Билли натянул на руки новую пару латексных перчаток.

Левая кисть двигалась чуть хуже правой, но боли он не чувствовал.

Билли пожалел, что принял в доме Лэнни таблетку «Викодина». В отличие от других обезболивающих средств, «Викодин» вроде бы не влиял ни на скорость мышления, ни на быстроту реакций, но он опасался, что, возможно, чуть-чуть притуплял и первое и второе, а в сложившейся ситуации даже такая малость могла стоить ему жизни.

Может, кофеиновые таблетки и кофе стали достаточным компенсатором. Да еще лимонный пирог.

Билли заглушил двигатель. В первые мгновения ему показалось, что ночь тихая, как дом глухого человека.

Учитывая непредсказуемость своего противника, он приготовился и к тому, чтобы убить его, и к тому, чтобы только на время вывести из строя.

Из двух смертоносных орудий Билли отдал предпочтение револьверу калибра 0,38 дюйма. Из него он уже убивал.

Билли покинул «Эксплорер».

Стрекот цикад тут же разрушил тишину вместе с кваканьем лягушек. И. полотнища шатра что-то шептали при малейшем дуновении ветра.

Билли подошел к открытой двери в дом на колесах. Постоял в световом прямоугольнике, окончательно не решив, подниматься по ступеням или нет.

Изнутри, сглаженный системой громкой связи дома на колесах, донесся голос:

— Барбаре, возможно, удастся остаться в живых.

Билли поднялся по лестнице.

В кабине стояли два удобных вращающихся кресла для водителя и второго пилота. С обивкой, как ему показалось, из кожи страуса.

Следуя команде, отданной с пульта дистанционного управления, дверь закрылась за спиной Билли.

В доме на колесах, где ценился каждый кубический дюйм пространства, перегородка отделяла кабину от жилых апартаментов. Билли ждала еще одна открытая дверь.

Переступив порог, Билли попал на кухню, выдержанную в цветах сливок и меда. Мраморный пол, резные дверцы, цветовыми исключениями были только черные столешницы

и раковины и краны из нержавеющей стали.

Инкрустированный стол из клена являл собой произведение искусства. Он стоял на дальней половине кухни, которая служила столовой.

Через арку в другой перегородке Билли прошел в большую гостиную.

Материя обивки стоила никак не меньше пятисот долларов за квадратный ярд, ковер — вдвое дороже. Мебель была самой обычной, зато бронзовые статуэтки — бесценными шедеврами эпохи Мейдзи[29].

Согласно некоторым завсегдатаям таверны, которые читали об этом доме на колесах в Интернете, стоил он более полутора миллионов долларов. Бронзовые статуэтки, само собой, в эту сумму не входили.

Такие дома иногда называли «сухопутными яхтами». Пожалуй, не преувеличивали.

Закрытая дверь в дальнем конце гостиной вела, несомненно, в спальню и ванную. Билли решил, что она будет заперта.

Валис наверняка находился за нею. Слушающий, наблюдающий, хорошо вооруженный.

Билли развернулся на шум за спиной.

Панели перегородки, разделяющей гостиную и кухню, начали подниматься вверх, открывая спрятанные в перегородке стенды.

Одновременно на всех окнах опустились стальные щитки, полностью отсекая гостиную от внешнего мира.

Билли полагал, что щитки эти несли не только декоративную функцию. Он нисколько не сомневался, что выбить такой щиток и покинуть гостиную через окно крайне трудно, а скорее, просто невозможно.

При проектировании и установке они наверняка проходили как средства «обеспечения безопасности».

Панели перегородки продолжали подниматься, открывая все новые и новые стенды, когда в динамиках системы громкой связи вновь раздался голос Валиса:

— Ты можешь увидеть мою коллекцию, которую видели лишь считанные люди. Более того, тебе, возможно, будет дан шанс остаться после просмотра в живых. Наслаждайся.

Глава 70

В выставочных стендах, выстланных черным шелком, стояли прозрачные стеклянные банки двух размеров.

Основанием каждая банка устанавливалась в специальную выемку в полу. Черная скоба фиксировала крышку банки относительно верхней полки.

Когда дом на колесах находился в пути, эти банки не могли сдвинуться с места. Они даже не дребезжали.

Каждая банка подсвечивалась снизу, так что их содержимое четко выделялось на черном фоне обивки стенда. По мере того, как свет в гостиной тускнел, чтобы экспонаты коллекции предстали в лучшем виде, Билли подумал об аквариумах.

Но рыбки в банках не плавали: в них, в формальдегиде, хранились воспоминания об убийствах, в маленьких — руки жертв, в больших — лица.

Каждое лицо напоминало бледного богомола, отправленного в вечное плавание, черты одного практически не отличались от другого.

Руки, наоборот, разнились, говорили о жертве больше, чем лица, не вызывали такого отвращения, просто казались нереальными, инородными.

— Разве они не прекрасны? — голос Валиса звучал совсем как у ХАЛ-9000 в фильме «2001 год: Космическая одиссея».

— Они грустные, — ответил Билли.

— Странное ты выбрал слово. Меня они веселят.

— Меня они наполняют отчаянием.

Билли не отвернулся от коллекции в страхе или отвращении. Он предположил, что скрытые камеры нацелены на него. Потому что его реакция, по каКИМ-ТО, ведомым только Валису, соображениям, была тому крайне важна.

А кроме того, при всей отвратительности экспонатов коллекция завораживала.

По крайней мере, коллекционеру хватило вкуса, чтобы не включать в нее груди и половые органы.

Билли подозревал, что Валис не убивал ради получения сексуального удовлетворения, не насиловал свои жертвы, потому что тем самым у него возникало бы с ними что-то общее. Он видел себя существом, стоящим вне человечества, над ним.

Не включал он в свою коллекцию и ничего безвкусного, гротескного. Ни глаз, ни внутренних органов.

Лица и руки, лица и руки.

Глядя на подсвеченные банки, Билли думал о мимах, одетых во все черное, с белыми напудренными лицами, в белых перчатках.

Да, коллекционер был извращенцем, но при этом оставался эстетом.

— Чувство равновесия, — Билли начал делиться впечатлениями, — гармония линии, чувственность формы. А самое важное, ограничения жесткие, но понятные.

Валис молчал.

Ирония ситуации: столкнувшись лицом к лицу со смертью и не позволяя страху взять верх, Билли уже ни в коей степени не уходил от жизни, наоборот, широко раскрыл ей объятия.

— Я прочитал твою книгу коротких рассказов, — наконец заговорил Валис.

— Критикуя твою работу, я не напрашивался на критику моей.

Валис рассмеялся, похоже, от неожиданности.

— Между прочим, я нашел твою прозу зачаровывающей и очень сильной.

Билли молчал.

— Это истории человека, который ищет, — продолжил Валис. — Ты знаешь правду жизни, но кружишь вокруг этого плода снова и снова, не желая взять его в руки, попробовать на вкус.

Отвернувшись от коллекции, Билли подошел к ближайшей бронзовой статуэтке эпохи Мейдзи, двум рыбкам, вроде бы простенькой, но отлитой с мельчайшими подробностями, с поверхностью, обработанной под цвет ржавеющей стали.

— Власть, — изрек Билли. — Власть — часть правды жизни.

Валис ждал за закрытой дверью.

— И пустота, — продолжил Билли. — Пропасть. Бездна.

Он перешел к другой статуэтке: ученый и олень, сидящие бок о бок, бородатый ученый улыбался, его одежды сияли золотом.

— Выбор — хаос или контроль, — развивал свою мысль Билли. — Имея власть, мы можем творить. Имея власть и с благими намерениями, мы создаем искусство. Искусство — единственный ответ хаосу и пустоте.

Валис заговорил после паузы:

— Только одно связывает тебя с прошлым. Я могу тебя от этого освободить.

— Еще одним убийством? — спросил Билли.

— Нет. Она может жить, и ты сможешь начать новую жизнь... когда узнаешь.

— И что ты знаешь такого, чего не знаю я?

— Барбара живет в Диккенсе.

Билли услышал свой шумный вдох, на его лице отразилось изумление и признание правоты Валиса.

— Будучи в твоём доме, я просмотрел записные книжки, которые ты заполнял обрывками фраз, произнесенными ею в коме.

— Правда?

— Некоторые словосочетания показались мне знакомыми. На полке в твоей гостиной

стоит полное собрание сочинений Диккенса... Оно принадлежало ей?

— Да.

— Она обожала Диккенса.

— Прочитала все романы, по нескольку раз.

— Но не ты.

— Два или три. Диккенс никогда меня не впечатлял.

— Подозреваю, он был слишком полон жизнью. Слишком полон верой в нее и ее буйством.

— Возможно.

— Она так хорошо знает эти истории, что *живет* в них в своих снах. Последовательность обрывков фраз, которые она произносит в коме, соотносится с определенными главами.

— Миссис Джо, — Билли вспомнил свое последнее посещение Барбары. — Этот роман я читал. Жена Джо Гаргери, сестра Пипа, властная мегера. Пип зовет ее «миссис Джо».

— «Большие надежды», — подтвердил Валис. — Барбара живет во всех книгах, но чаще в легких приключениях, реже в ужасах «Истории двух городов».

— Я не понимал...

— «Рождественская песнь» снится ей гораздо чаще кошмара Французской революции, — заверил его Валис.

— Я этого не понимал, а ты понял.

— В любом случае она не знает ни страха, ни боли, потому что каждое приключение — хорошо известная дорога, то есть радость и утешение.

Билли прошел к еще одной бронзовой статуэтке, мимо нее.

— Ей не нужно ничего такого, что ты можешь ей дать, — добавил Валис, — и больше того, что у нее уже есть. Она живет в Диккенсе и не знает страха.

Догадавшись, что может заставить художника выйти из спальни, Билли положил револьвер на алтарный столик слева от двери в спальню. Сам же отошел к середине гостиной и сел в кресло.

Глава 71

Вошедший Валис выглядел куда более красивым, чем на карандашном портрете на своем сайте в Интернете.

Улыбаясь, он взял револьвер с алтарного столика и осмотрел его.

Рядом с креслом, в которое сел Билли, на маленьком столике стояла еще одна японская бронзовая статуэтка эпохи Мейдзи: толстая улыбающаяся собака вела на поводке черепаху.

Валис приближался с оружием в руках. Как и Айви Элгин, двигался он с грацией танцора, словно гравитация на него не действовала и ему не было необходимости касаться подошвами пола.

Его густые, черные, как сажа, волосы чуть серебрились на висках. Улыбка располагала к себе. Серые глаза сверкали, ясные и честные.

Его отличала внешность кинозвезды. Королевская уверенность в себе. Спокойствие монаха.

Встав перед креслом, он нацелил револьвер в лицо Билли.

— Это тот самый револьвер.

— Да, — ответил Билли.

— Из него ты застрелил отца.

— Да.

— И что ты при этом чувствовал?

Билли ответил, глядя в черное отверстие ствола:

— Ужас.

— И свою мать. Билли?

— Да.

— Ты считал, что поступаешь правильно, убивая ее?

— В тот момент да.

— А потом?

— Уверенности у меня нет.

— Неправильное правильно. Правильное неправильно. Вопрос перспективы, Билли.

Билли промолчал.

«Для того чтобы стать не таким, как ты есть, ты должен пройти путь, которым не пошел бы никогда».

Вглядываясь в Билли поверх револьвера, Валис спросил:

— Кого ты ненавидишь, Билли?

— Думаю, никого.

— Это хорошо. Это правильно. Любовь и ненависть истощают мозг, туманят сознание.

— Мне очень нравятся эти бронзовые статуэтки.

— Они удивительные, не так ли? Ты можешь наслаждаться их формой, качеством поверхности, невероятным мастерством художника, и при этом тебе совершенно наплевать на философию, которая за ними стоит.

— Особенно рыбы.

— Почему особенно рыбы?

— Иллюзия движения. Ощущение скорости. Они кажутся такими свободными.

— Ты ведешь медленную жизнь, Билли. Может, ты готов к движению? Может, ты готов к скорости?

— Не знаю.

— Подозреваю, знаешь.

— Я готов к чему-то.

— Ты пришел сюда с намерением совершить насилие.

Билли поднял руки с подлокотников кресла, посмотрел на латексные перчатки. Стянул их.

— Все это кажется тебе странным, Билли?

— Абсолютно.

— Можешь ты представить себе, что произойдет теперь?

— Смутно.

— Тебя это волнует, Билли?

— Не так, как, казалось, будет волновать.

Валис нажал на спусковой крючок. Пуля вонзилась в кресло в двух дюймах от плеча Билли.

Подсознательно Билли, должно быть, понял, что грянет выстрел. Мысленным взором он увидел ворона в окне, такого недвижимого, молчаливого и наблюдающего ворона. Потом прогремел выстрел, и ворон не улетел, даже не дернулся, застыл с безразличием буддиста.

Валис опустил револьвер. Сел в кресло напротив Билли.

Билли закрыл глаза, откинулся головой на спинку кресла.

— Я мог бы убить тебя двумя способами, не выходя из спальни, — сказал Валис.

И наверняка он говорил правду. Билли не спросил как.

— Ты, должно быть, очень устал, — добавил Валис.

— Очень.

— Как твоя рука?

— Нормально. «Викодин».

— А твой лоб?

— Живает.

Билли задался вопросом, а двигаются ли его глаза под веками, как иногда двигались глаза Барбары, когда ей снились сны. По ощущениям не двигались.

— Я планировал для тебя третью рану, — признался Валис.
— Нельзя повременить с этим до следующей недели?
— Ты забавный парень, Билли.
— Не чувствую, что это забавно.
— Ты чувствуешь облегчение?
— М-м-м-м.
— Ты этим удивлен?
— Да, — Билли открыл глаза. — А ты удивлен?
— Нет, — ответил художник. — Я увидел, что в тебе есть потенциал.
— Когда?
— В твоих рассказах. До того, как встретил тебя. — Валис положил револьвер на столик у своего кресла. — Твой потенциал явственно выпирал со страниц книги. А после того, как я изучил твою жизнь, твой потенциал проявился еще отчетливее
— Я застрелил родителей.
— Не только это. Потеря доверия.
— Понимаю.
— Без доверия разум не может найти покоя.
— Ни покоя, — подтвердил Билли, — ни умиротворенности.
— Без доверия не может быть веры. В доброту. В честность. Во что угодно.
— Ты знаешь меня лучше, чем я сам.
— Ну, я старше. У меня больше опыта.
— Намного больше опыта, — уточнил Билли. Как долго ты планировал это представление? Не нашей же встречи в баре в понедельник?
— Многие недели, — ответил Валис. — Великое искусство требует подготовки.
— Ты взял заказ на создание скульптурной композиции, потому что я живу здесь, или заказ поступил раньше?
— Одновременно. Это чистое совпадение. Такс случается.
— Потрясающе. И вот мы здесь.
— Да, и вот мы здесь.
— Движение, скорость, воздействие, — процитировал Билли стиль этого проекта.
— В свете того, как все оборачивается, я бы подкорректировал эту строку: «Движение, скорость, свобода».
— Как у рыб.
— Да. Как у рыб. Ты хочешь обрести свободу, Билли?
— Да.
— Я совершенно свободен.
— Как давно ты...
— Тридцать два года. С шестнадцати лет. Первые были неудачами. Грубые удары топором. Никакого контроля. Никакой техники. Никакого стиля.
— Но теперь...
— Да, теперь я стал таким, какой есть. Ты знаешь мое имя?
Билли встретился взглядом со сверкающими серыми глазами.
— Да, — ответил за него Валис. — Я вижу, что знаешь. Ты знаешь мое имя.
Новая мысль пришла в голову Билли, он наклонился вперед, снедаемый любопытством.
— А другие люди в твоей команде...
— Они — что?
— Они тоже... твои предыдущие победы?
Валис улыбнулся.
— Нет. Никто из них не видел мою коллекцию. Такие, как ты и я... мы — редкость, Билли.
— Полагаю, что да.
— У тебя, должно быть, много вопросов.

— Может, и будут, но после того, как я посплю.

— Я недавно побывал в доме помощника шерифа Олсена. Ты оставил его чистым, как... как душа младенца.

Билли поморщился.

— Надеюсь, ты ничего туда не подложил?

— Нет, нет. Я знал, что мы приближаемся к этому знаменательному моменту, так что не считал необходимым и дальше мучить тебя. Просто прошелся по дому, восхищаясь тем, как работала твоя голова, твоим умением не оставлять без внимания никакие мелочи.

Билли зевнул.

— Косвенные улики. Я их боюсь.

— Ты, я вижу, очень устал.

— Не стою на ногах.

— У меня только одна спальня, но ты можешь воспользоваться диваном.

Билли покачал головой:

— Меня это поражает.

— Мое гостеприимство?

— Нет. То, что я здесь.

— Искусство трансформирует, Билли.

— Мои представления изменятся, когда я проснусь?

— Нет, — покачал головой Валис. — Ты уже сделал выбор.

— С этими выборами ты устроил мне серьезную проверку.

— Они дали мне возможность окончательно оценить твой потенциал.

— Эти диваны такие чистые, а я весь грязный.

— Ничего страшного, — заверил его Валис. — Обивка моющаяся.

Когда они одновременно поднялись с кресел, Билли выхватил из-под футболки баллончик «мейса».

Застигнутый врасплох, Валис попытался отвернуться.

Их разделяли каких-то десять футов, и Билли пустил струю газа художнику в глаза.

Ослепленный, Валис попытался схватить револьвер со столика, но лишь сбросил его на пол.

Билли проскочил мимо него, поднял револьвер, тогда как Валис хватал руками воздух в попытке найти Билли.

Обойдя выродка сзади, Билли со всей силой ударил рукояткой револьвера по затылку, тут же нанеся второй удар.

Уже без привычной грациозности Валис грохнулся на пол лицом вниз. Билли опустился на колени, чтобы убедиться, что выродок отключился. Так и было.

Рубашку Валис заправил в брюки. Билли вытащил полы, натянул рубашку на голову, образовав мешок, а потом завязал полы крепким узлом.

Не для того, чтобы лишить Валиса возможности что-либо увидеть, но в качестве повязки на случай, если ударами он повредил кожу и начнется кровотечение. Билли не хотел, чтобы на ковре остались пятна крови[30].

Глава 72

Билли натянул на руки латексные перчатки. Ему предстояла работа.

Спальня была еще более роскошной, чем остальные помещения дома на колесах. Ванная блистала мрамором, стеклом, зеркалами, золотым покрытием кранов.

На столике в спальне стоял сенсорный экран, управляющий всеми системами дома, от музыки до блокирования дверей.

Вероятно, доступ к этим системам мог получить только человек, знающий пароль. К счастью, Валис не выключил экран после того, как привел в действие панели, открывающие

выставочные стенды, и щитки, закрывшие окна.

А включить и выключить ту или иную систему не составляло труда: следовало лишь прикоснуться пальцем к соответствующей иконке. Первым делом Билли открыл входную дверь.

В гостиной Валис лежал в том же состоянии, обмякший и без сознания, с рубашкой, завязанной на голове.

Билли выволок художника через кухню в кабину. Потом спустил вниз по ступенькам на траву.

До рассвета оставался какой-то час. Тонюсенький серп месяца уже «поджимал» звезды где-то за западным горизонтом.

«Эксплорер» Билли припарковал между шатром и домом на колесах, так что с шоссе видно его не было. В такой час дорога пустовала.

Билли подтащил Валиса к внедорожнику.

Поблизости никто не жил. И таверна на другой стороне шоссе давно уже закрылась.

Так что выстрел Валиса в кресло никто услышать не мог.

Билли открыл заднюю дверцу. Разложил на полу багажного отделения одно из одеял, которыми маскировал труп Ральфа Коттла.

На земле Валис дернулся. Начал стонать.

Билли внезапно почувствовал слабость: закончились не столько физические силы, сколько моральные и эмоциональные.

«Мир вертится, и мир меняется, но одно остается неизменным. Как ни маскируй, в этом никаких перемен нет: идет постоянная борьба Добра и Зла».

С другим одеялом Билли опустился на колени рядом с прославленным художником.

Сунув револьвер в складки одеяла, используя последнее как глушитель, выпустил пять оставшихся пуль в грудь выродку.

Не решился ждать, выясняя, услышал кто выстрелы или нет. Быстренько разложил дымящееся одеяло на земле и закатал в него мертвеца.

Затолкать труп в «Эксплорер» оказалось сложнее, чем ожидал Билли. По сравнению с хрупким Ральфом Коттлом Валис весил куда больше.

Если бы кто-либо снимал Билли на видео, получилась бы классическая черная комедия. Это был один из тех моментов, когда он задался вопросом о предназначении Бога; нет, в его существовании Билли не сомневался, задался вопросом о предназначении.

Загрузив Валиса в багажное отделение, Билли захлопнул заднюю дверцу и вернулся в дом на колесах.

После выстрела Валиса пуля пробила кресло и отрикошетила от деревянной стеной панели. Билли попытался ее отыскать.

Поскольку отца и мать убили из этого самого револьвера калибра 0,38 дюйма, в архивах полиции оставались результаты баллистической экспертизы револьвера. Он сомневался, что при расследовании до нее доберутся, но не хотел рисковать.

Через несколько минут Билли нашел пулю под кофейным столиком и сунул в карман.

Полиция сразу бы определила, что дыра в кресле проделана пулей. То есть копы поняли бы, что в доме на колесах стреляли, но тут уж ничего поделать было нельзя.

Не могли они, однако, узнать другого: стреляли в Валиса или Валис. Без крови не было никакой возможности определить, в отношении кого совершалось насилие.

Медленно поворачиваясь вокруг своей оси, Билли пытался вспомнить, прикасался ли он к поверхностям, с которых можно было снять отпечатки пальцев. Нет. Следы его пребывания в доме на колесах отсутствовали.

Он оставил стальные щитки опущенными. Оставил поднятыми панели перегородки между гостиной и той частью кухни, что служила столовой, выставяющими напоказ коллекцию рук и лиц.

Не закрыл дверь, когда вышел из дома на колесах. Открытая, она приглашала войти.

И уж внутри гостей ждал сюрприз.

Ни одна машина не появилась на шоссе, и когда он выезжал с луга на мостовую. Если следы протектора и остались около дома на колесах, на траве и насыпи, Билли не сомневался, что прибывшие строители все затопчут.

Глава 73

Вновь он оказался у лавовой трубы, на этот раз подъехав другим маршрутом, чтобы не мять те же кусты, что и прежде.

Пока Билли отвинчивал крышку, кроваво-красная заря подсветила силуэты гор на востоке.

Молитва, понятное дело, была бы здесь неуместной.

И Билли показалось, что вниз Валис летел с большей скоростью, чем три других трупа, словно что-то притягивало его снизу.

Когда доносящиеся из лавовой трубы звуки смолкли, Билли скопировал Валиса: «Я старше. У меня больше опыта. Козел». Потом вспомнил, что надо бросить в лавовую трубу бумажник Лэнни, и установил крышку на место.

Когда ночь предпринимала последнюю, отчаянную попытку не уступить дню, Билли припарковал «Эксплорер» за гаражом Лэнни. Сам вошел в дом.

Четверг был вторым выходным Лэнни. Никто не стал бы интересоваться, как он проводит свободное от службы время, то есть искать бы его начали не раньше пятницы.

Хотя Валис и сказал, что не оставил в доме ничего компрометирующего, когда появлялся здесь в последний раз, Билли решил еще раз обыскать дом. Некоторые люди не заслуживали доверия.

Он начал со второго этажа, от усталости каждое движение давалось с трудом, в конце концов добрался до кухни, так ничего и не найдя.

Мучимый жаждой, взял с буфетной полки стакан, набрал холодной воды. Перчатки он не снимал, поэтому мог не беспокоиться насчет отпечатков пальцев.

Утолив жажду, вымыл стакан, протер посудным полотенцем, поставил на то самое место, откуда брал.

Но что-то его тревожило.

Он подозревал, что из-за усталости что-то пропустил. Увидеть — увидел, но не придал значения.

Вернувшись в гостиную, обошел диван, на котором Валис усадил труп Ральфа Коттла. Не обнаружил пятен ни на диване, ни на ковре под ним.

Билли поднял диванные подушки, чтобы проверить, не завалились ли между ними какие-то вещи из карманов Коттла. Ничего не найдя, вернул подушки на место.

Тревога не отпускала, и он сел, чтобы подумать, попытаться определить, чем она вызвана. Поскольку сильно перепачкался, на стул или в кресло садиться не решился, скрестив ноги, устроился на полу.

Он только что убил человека, или нечто в человеческом образе, но его волновала грязь на мебели обивке. Он по-прежнему уважал нормы приличия. Тактичный маленький дикарь.

Последняя мысль показалась ему крайне забавной, и он рассмеялся. Чем дольше он смеялся, тем более забавной представлялась ему забота о чистоте мебели обивки, а потом он уже смеялся над собственным смехом, раскаты которого веселили его.

Он знал, что это опасный смех, что он может перейти в истерику, нарушить с таким трудом удерживаемое душевное равновесие. Поэтому улегся на спину, вытянулся, задышал ровно и глубоко, чтобы успокоиться.

Смех начал затихать, ему уже не приходилось так глубоко дышать, и в результате он позволил себе уснуть.

Глава 74

Билли проснулся, не понимая, где находится, поначалу, моргая и глядя на ножки стульев, кресел, диванов, решил, что заснул в холле отеля, и удивился, как это никто из персонала не побеспокоил его.

Однако тут же вспомнил, что к чему, и окончательно проснулся.

Поднимаясь на ноги, схватился за подлокотник дивана левой рукой. И напрасно. Ранка, оставленная гвоздем, воспалилась. Билли вскрикнул от боли, чуть не упал, но сумел устоять на ногах.

За зашторенными окнами стоял ясный день.

Часы показывали 5:02 пополудни. Он проспал почти десять часов.

Налетела паника, гулко заколотилось сердце. Он подумал, что неожиданное отсутствие на работе превратило его в главного подозреваемого в расследовании исчезновения Валиса.

Потом вспомнил, что по болезни отпросился и на второй день. Так что в таверне его не ждали. И никто не знал, что он каким-либо образом связан с убитым художником.

Если полиция и пыталась кого-то найти, то начала бы с поисков самого Валиса, чтобы спросить о содержимом банок в гостинной.

На кухне Билли вновь достал из буфета стакан, наполнил водой.

Порывшись в карманах джинсов, нашел две таблетки «Анацина» и отправил в желудок с одним глотком воды. Потом выпил по таблетке «Ципро» и «Викодина».

На мгновение ощутил тошноту, но это чувство сразу прошло. Возможно, эти лекарственные препараты взаимодействовали между собой так, что он мог упасть замертво через минуту-другую, но, по крайней мере, он знал, что блевать не придется.

Он более не тревожился из-за того, что в доме осталось что-то компрометирующее. Тот страх был симптомом крайней усталости. Отдохнув, вспомнив принятые меры предосторожности, он не сомневался, что ничего не упустил.

Заперев дом, он вернул запасной ключ в дупло пня.

Пользуясь дневным светом, открыл заднюю дверцу «Эксплорера», осмотрел пол багажного отделения. Ни капли крови Валиса не просочилось сквозь одеяла, а сами одеяла исчезли в лавовой трубе вместе с трупом.

От дома Олсена он отъезжал с облегчением, испытывая осторожный оптимизм и нарастающее ощущение триумфа.

Площадка, где возводилась скульптурная композиция Валиса, напоминала автосалон, торгующий исключительно полицейскими автомобилями.

Множество копов крутилось около дома на колесах, шатра, самой композиции. Среди них наверняка был и шериф Джон Палмер, потому что вдоль обочины в затылок друг другу стояли фургоны новостных программ нескольких телевизионных компаний.

До Билли вдруг дошло, что он едет в латексных перчатках. И ладно. Нет проблем. Никто не мог этого видеть и задаться вопросом: а почему?

Автостоянка у таверны была забита до отказа. Новости о Валисе и его жуткой коллекции наверняка привели в таверну как завсегдатаев, так и новых клиентов. Тема-то для разговора куда более пристойная, чем свиньи с человеческими мозгами. Тем лучше для Джекки.

Когда Билли увидел свой дом, на душе у него сразу полегчало. Со смертью художника отпала необходимость в смене замков. Он опять обретал безопасность и право на уединение.

В гараже он почистил салон «Эксплорера», выбросил мусор, положил на место электроотвертку и другие инструменты.

Где-то на территории участка находились инкриминирующие его сувениры, так что предстоял последний этап поисков.

Войдя на кухню, он положился на интуицию, во всем следуя ее указаниям. Валис не мог привезти сюда руку Гизель Уинслоу в банке с формальдегидом. Слишком громоздко и

хрупко для того, чтобы все сделать быстро. Интуиция подсказала более простой вариант.

Билли подошел к холодильнику и открыл дверцу морозильной секции в нижней его части. Среди контейнеров с мороженым и пакетов с недоеденными блюдами лежали два предмета, завернутые в алюминиевую фольгу, которых он раньше здесь не видел.

Он развернул фольгу на полу. Две кисти разных женщин. Одна, вероятно, принадлежала рыжеволосой.

Валис использовал новый вид фольги, которая не прилипала к тому, что находилось внутри. Изготовитель, вероятно, порадовался бы, узнав, что характеристики материала полностью соответствуют заявленным в рекламных объявлениях.

Билли дрожал всем телом, заворачивая кисти в фольгу. Какое-то время он думал, что получил прививку от ужаса. Как выяснилось, ошибался.

На этот день прибавилась еще одна работенка: выбросить все содержимое морозильной секции.

Кисти не могли ничего заразить, но Билли мутило от одной мысли о заражении. У него даже возникло желание отправить на свалку весь холодильник.

Но прежде всего хотелось убрать кисти из дома. Он не ожидал, что полиция постучится к нему в дверь с ордером на обыск, но все равно хотел побыстрее избавиться от кистей.

Идею зарыть их где-нибудь на участке он отменил с ходу. Даже если бы их никто и не нашел, его начали бы мучить кошмары: кисти вылезают из своих маленьких могилок и ночью прокрадываются в дом.

Еще не решив, что с ними делать, Билли положил замороженные кисти в маленькую сумку-холодильник.

Из бумажника достал сложенную фотографию Ральфа Коттла, запечатленного молодым, его членскую карточку Американского общества скептиков и фотографию рыжеволосой. Держал их в надежде обратить эти вещественные доказательства против вырожденца, но теперь необходимость в этом отпала. Он положил фотографии и карточку в сумку-холодильник рядом с кистями.

У него оставался и сотовый телефон Лэнни, но его Билли в сумку-холодильник класть не стал. Словно боялся, что отрезанные кисти доберутся до аппарата и наберут номер 911. Так что мобильник Билли пока положил на кухонный стол.

Чтобы убрать отрезанные кисти из дома, отнес сумку-холодильник в гараж, поставил в «Эксплорер», на пол у переднего пассажирского сиденья. Запер гараж за собой.

Вторая половина жаркого дня клонилась к вечеру. Часы показывали 6:36.

Высоко в небе кружил ястреб, вылетевший на последнюю в этот день охоту.

Билли постоял, наблюдая, как птица описывает широкие круги.

Потом прошел в дом, чтобы принять долгий горячий душ.

Отрезанные женские кисти напрочь лишили его аппетита. Он уже и не знал, сможет ли когда-нибудь снова есть дома.

Даже подумал: а не поехать ли пообедать на стоянку дальнотойщиков? Билли полагал, что должен дать официантке Жасмин несколько большие чаевые, чем оставил на компьютерном столике.

В коридоре, направляясь в ванную, увидел горящий в кабинете свет. Заглянув в дверь, нашел, что жалюзи опущены. Такими он их и оставил.

Он не помнил, потушил настольную лампу или нет, покидая дом в спешке, чтобы побыстрее избавиться от тела Коттла. Не заходя за стол, потушил лампу.

Хотя Коттл более не сидел на унитазе, воображение тут же его там нарисовало. Но другой ванной у Билли не было, и желание принять душ пересилило.

Горячая вода избавила от боли ноющие мышцы. А как чудесно пахло мыло!

Пару раз за занавеской у него возникали приступы клаустрофобии, и он уже думал, что его отобрали на роль Джанет Ли[31] в новой версии «Психо», где в душе режут мужчину.

Однако ему удалось домыться, не отдергивая занавеску. И он выключил воду, не получив удара ножом.

Билли задался вопросом: а сколько пройдет времени, прежде чем он перестанет пугаться собственной тени? И решил, что до конца жизни будет бояться даже ее.

Он вытерся махровым полотенцем, оделся, наложил свежую повязку на раны на лбу.

Прошел на кухню, открыл бутылку пива «Элефант», запил им пару таблеток «Мотрина». Воспаление на левой кисти по-прежнему его тревожило.

Сидя за столом, он залил ранки сначала йодом, потом медицинским клеем.

За окнами надвинулись сумерки.

Билли собирался поехать в «Шепчущиеся сосны» и провести там несколько часов. Сначала-то планировал нести вахту всю ночь, но даже после того, как он проспал десять часов, у него не было уверенности, что он сможет бодрствовать так долго. С другой стороны, со смертью Валиса полночь перестала быть крайним сроком.

Когда Билли заливал ранки на левой кисти медицинским клеем, его взгляд упал на микроволновую печь. У камеры был широкоугольный объектив, но Билли не верил, что она зафиксировала, как он доставал отрезанные кисти из холодильника, и эти кадры могли бы послужить доказательством его вины.

Тем не менее...

Он достал из кладовой стремянку.

Включив режим обратного просмотра, наблюдал на маленьком экране, как он спиной вперед ходит по кухне. Отрезанные женские кисти в кадр не попали.

Внезапно задавшись вопросом, а не приходил ли Валис в его дом в промежутке между его, Билли, отъездом из дома и их встречей в доме на колесах, Билли продолжил просмотр отснятого материала.

Ему не пришлось просматривать отснятое за прошлый день. В 3:07 пополудни этого дня, когда Билли крепко спал в доме Олсена, мужчина вышел спиной вперед из гостиной, пересек кухню и покинул дом.

Незванный гость, разумеется, не был Валисом, потому что Валис к тому времени умер.

Глава 75

Билли не мог вспомнить телефонный номер. Воспользовавшись мобильником Лэнни, он позвонил в справочную Денвера, и они соединили его с детективом Рэмси Озгардом.

Билли расхаживал по кухне, пока телефон звонил в тени Скалистых гор.

Может, Валис был уверен в том, что Билли согласится сотрудничать с ним, потому что чуть раньше он уже склонил на свою сторону другого человека. Никто из его команды с ним не работал, но это не означало, что Валис был одиноким волком.

Рэмси Озгард снял трубку после пятого гудка, и Билли вновь представился помощником шерифа Лэнни Олсеном.

— По вашему голосу я чувствую, что поиск удался, помощник шерифа, — сказал Рэмси Озгард. — Скажите мне, что вы взяли вашего человека.

— Я думаю, что вот-вот возьмем, — ответил Билли. — Но у меня к вам важный вопрос. Скажите мне, в тот год, когда исчезла Джудит Кессельман, в университете работал профессор, который называл себя Валис?

— Не профессор. Художник с шестимесячным контрактом. К окончанию этого срока он сделал что-то нелепое, называемое искусством представления, задрапировал два университетских здания синим шелком и...

— У Стива Зиллиса было стопроцентное алиби, — прервал его Билли.

— Абсолютно, — заверил его Озгард. — Я могу ввести вас в курс дела, если у вас есть десять минут.

— У меня их нет. Но скажите мне, по какой тематике собирался защищать диплом Зиллис.

— По искусству.

— Сукин сын.

Не приходилось удивляться, что Зиллис не хотел говорить о манекенах. Они не являлись материальным воплощением грез социопата-убийцы. Для него они были произведениями искусства.

На момент разговора с ним Билли еще не знал ключевого словосочетания, которое позволяло идентифицировать выродка: искусство представления. Он знал только одно из двух слов: *представление*, и Зиллис подсознательно не хотел сообщать второго слова, тем более что он отлично играл роль безобидного извращенца.

— Этот сукин сын заслуживает «Оскара», — продолжил Билли. — Я уходил из его дома, чувствуя себя полным дерьмом из-за того, что так с ним обошелся.

— Помощник шерифа?

— Знаменитый и уважаемый Валис поручился за Стива Зиллиса, не так ли? Сказал, что Стив куда-то там ездил с ним в день исчезновения Джудит Кессельман.

— Вы правы. Но как вы могли узнать...

— Включите вечерний выпуск новостей, детектив Озгард. К моменту исчезновения Джудит Кессельман Стив и Валис уже работали в паре. Они и обеспечивали алиби друг другу. Простите, я должен бежать.

Билли вспомнил о том, чтобы отключить связь, прежде чем бросить сотовый телефон Лэнни на стол.

У него оставались пистолет Лэнни и «тазер». Он прицепил к ремню кобуру «Уилсон комбат».

Из стенного шкафа в спальне Билли достал пиджак спортивного покроя, чтобы скрыть кобуру. «Тазер» сунул во внутренний карман пиджака.

И что делал здесь Стив во второй половине дня? К этому времени он наверняка узнал, что его наставник исчез, а коллекция рук и лиц обнаружена. Он мог даже предположить, что Валис мертв.

Тут Билли вспомнил включенную лампу в кабинете. Направился туда, на этот раз обошел стол и увидел, что компьютер включен и работает в режиме ожидания. Таким он его не оставлял.

Стоило Билли двинуть мышкой, как на экране появился текст:

«Может ли пытка разбудить коматозницу?

Ее кровь, ее увечья станут твоей третьей раной».

Билли выбежал из дома. Спрыгнул с заднего крыльца, споткнулся, но не упал, побежал.

Спустилась ночь. Ухнула сова. На фоне звезд замелькали крылья.

Глава 76

В 21:06 на стоянке для посетителей «Шепчущихся сосен» остался лишь один автомобиль. В девять вечера время для посещения пациентов закончилось.

Парадную дверь еще не закрыли. Билли влетел в интернат, направился к сестринскому посту.

За стойкой сидели две медсестры. Он знал обеих. Начал:

— Я договорился о том, чтобы остаться на...

Лампы под потолком погасли. Погасли и фонари на автомобильной стоянке. В главном коридоре стало темно, как в лавовой трубе.

Он оставил медсестер в полном замешательстве и поспешил к западному крылу. Но уже через десяток шагов наткнулся на инвалидное кресло, схватился за него, чтобы не упасть, почувствовал, что в нем кто-то сидит.

— Что происходит? Что вы делаете? — спросил испуганный старческий голос.

— Все хорошо, с вами все будет в порядке, — заверил он старушку и проследовал дальше.

Теперь не так быстро, выставив руки перед собой, как слепой человек в поисках возможных препятствий.

На стенах включились лампы аварийного освещения, моргнули, выключились, включились вновь и потухли.

Раздался властный мужской голос:

— Пожалуйста, оставайтесь в своих комнатах. Мы к вам придем. Пожалуйста, оставайтесь в своих комнатах.

Лампы аварийного освещения попытались включиться вновь. Но только пульсировали максимум на трети мощности.

Вспышки и сменяющая их тьма дезориентировали, но Билли видел все достаточно хорошо, чтобы не сталкиваться в коридорах с людьми. Еще медсестра, санитар, старик в пижаме с недоумением на лице.

Завыла сирена пожарной сигнализации. Записанный на пленку голос зачитывал инструкцию по эвакуации.

Женщина, опирающаяся на ходунки, остановила Билли, когда тот проходил мимо нее, дернула за рукав, спросила, что происходит.

— Все под контролем, — заверил он ее, проскакивая мимо.

Обогнув угол, повернул в коридор западного крыла. Еще немного, направо... Увидел распахнутую дверь.

В комнате царил темнота. Лампы аварийного освещения там не было, а он своим телом блокировал идущий из коридора слабый свет.

У Билли похолодело сердце. Он шагнул вперед. Кровать не нащупал. Еще два шага. Кровати не было.

Поворачиваясь, размахивая руками, он нашел только высокий стул.

Кровать была на колесиках. Кто-то ее вывез.

Вернувшись в коридор, он посмотрел налево, направо. Несколько пациентов, которые могли передвигаться самостоятельно, вышли из своих комнат. Медсестра направляла их к служебному выходу.

В игре тусклого света и тени Билли увидел в дальнем конце коридора силуэт мужчины, толкающего перед собой кровать, к двери, над которой мигала красным табличка с надписью «ВЫХОД».

Отталкивая пациентов и медсестер, Билли побежал.

Дверь в конце коридора громыхнула, открываясь, когда мужчина двинул ее кроватью.

Медсестра схватила Билли за руку. Он попытался вырваться, но она держала крепко.

— Помогите мне выкатить лежащих.

— Пожара нет.

— Есть. Мы должны их эвакуировать.

— Моя жена, — заявил он, хотя они так и не поженились, — моя жена нуждается в помощи.

Он вырвался, чуть не сбив медсестру с ног, и поспешил к двери с мигающей надписью «ВЫХОД».

Проскочил дверь. Контейнеры с мусором, легковушки и внедорожники на маленькой автостоянке для персонала.

Какое-то мгновение не мог найти ни мужчину, ни кровать.

Вон они. «Скорая помощь» стояла в тридцати футах слева, с работающим двигателем. Мужчина, катящий перед собой кровать, почти добрался до нее.

Билли вытащил пистолет калибра 9 мм, но выстрелить не решился. Мог попасть в Барбару.

На бегу убрал пистолет в кобуру, достал «тазер» из внутреннего кармана пиджака.

В последний момент Стив услышал приближающегося к нему Билли. У выродка все-таки был пистолет. Поворачиваясь, он выстрелил дважды.

Но Билли уже поднырнул под руку Стива. Пистолет прогрохотал над его головой.

А он вдавил «тазер» в живот Стива и нажал на спусковой крючок. Он знал, что разряд пробивает тонкую одежду, но не проверил, заряжены ли аккумуляторы.

Зиллис дернулся. Не просто выронил пистолет — отшвырнул в сторону. Его колени подогнулись. Падая, он ударился головой о задний бампер «Скорой помощи».

Билли пнул его. Попытался попасть в голову. Пнул второй раз.

Могли приехать пожарные, полиция, шериф Джон Палмер. Раньше или позже.

Он поднес руку к лицу Барбары. Ее ровное дыхание перышком погладило ладонь. Вроде бы с ней все было в порядке. Он видел, как глаза двигаются под веками: ей снилось что-то из Диккенса.

Посмотрев на «Шепчущиеся сосны», он увидел, что еще никого не эвакуировали через дверь западного крыла.

Он откатил кровать с Барбарой в сторону.

На земле извивался Стив, произнося бессмысленное: «Аннн, аннн, аннн», словно имитировал эпилептический припадок.

Билли всадил в него второй разряд «тазера», потом убрал электрошокер в карман.

Схватил выродка за пояс и воротник рубашки, поднял с асфальта. Он не думал, что у него хватит силы поднять Зиллиса и зашвырнуть в «Скорую помощь», но паника добавила адреналина.

Костяшки пальцев выродка стучали по полу, так же как затылок.

Билли захлопнул дверцы и покатил кровать Барбары к «Шепчущимся соснам».

Когда до двери оставалось десять футов, она открылась, и санитар вывел пациента в ходунках.

— Это моя жена, — обратился Билли к санитару. — Я ее вывез. Присмотрите за ней, пока я помогу другим?

— Внутри все под контролем, — заверил его санитар. — Я лучше отвезу ее чуть подальше, на случай пожара.

Предложив мужчине в ходунках следовать за ним, санитар покатил кровать с Барбарой и от здания, и от «Скорой помощи».

Сев за руль и закрыв за собой водительскую дверцу, Билли услышал, как выродок стучал обо что-то каблуками и издавал сдавленные звуки — возможно, ругался.

Билли не знал, как долго действует разряд «тазера», но надеялся, что так сразу выродок не очухается.

Он снял «Скорую помощь» с тормоза, развернул машину, объехал здание, на автостоянке остановился рядом с «Эксплорером».

Люди выходили из здания. Но на него внимания не обращали. Им хватало и своих забот.

Билли быстренько переставил сумку-холодильник с отрезанными руками из внедорожника в «Скорую помощь» и выехал с автостоянки. Проехав два квартала, уже понял, где включаются мигалка и сирена.

Когда повстречался с пожарными машинами, которые спешили к интернату из Виноградных Холмов, его «Скорая помощь» уже мигала и голосила что было мочи.

Билли решил, что чем больше он привлечет к себе внимания, тем с меньшей подозрительностью будут смотреть на его машину. Проезжая северо-восточную часть города, он нарушил все запреты на превышение скорости, прежде чем повернул на восток, на шоссе, которое вело к дому Олсена.

Когда отъехал две мили от города и с обеих сторон шоссе потянулись виноградники, услышал, что выродок говорит более связно и шебуршится у него за спиной, возможно пытаясь встать.

Билли свернул на обочину, сирену выключил, но мигалки оставил. Между сиденьями протиснулся в салон.

Зиллис уже стоял на коленях, ухватившись за прикрепленный к борту баллон с кислородом, и пытался подняться на ноги. Глаза его сверкали, словно у койота в ночи.

Билли всадил в него еще один разряд «тазера». Зиллис в конвульсиях рухнул на пол, но «тазер» не был смертоносным оружием.

Застрелив выродка, он мог попортить оборудование и оставить улики. Опять же кровь залила бы весь салон.

На носилках Билли увидел две плоские подушки с резиновыми наволочками. Лежащий на спине Зиллис не контролировал мышцы.

Билли прыгнул коленями ему на грудь, освобождая легкие от воздуха, сломав как минимум одно ребро, а потом накрыл лицо подушками.

Хотя выродок и пытался сопротивляться, сделать он ничего не мог.

Однако Билли с огромным трудом сумел довести начатое до конца. Он заставил себя думать о Джудит Кессельман, ее прекрасных глазах, очаровательной улыбке, и задался вопросом: а загнал ли Зиллис в нее железный штырь, срезал ли верхнюю часть черепа, протянул ли ей как чашу?

Потом все закончилось.

Плача, но не по Зиллису, Билли вновь сел за руль. Выехал на проезжую часть.

За две мили до поворота к дому Олсена Билли выключил и сирену, и мигалки. Сбросил скорость.

Поскольку тревога в «Шепчущихся соснах» была ложной, пожарные не могли задержаться там надолго. Так что к его возвращению стоянка для автомобилей сотрудников наверняка бы опустела.

Электроотвертку Билли оставил дома. Но практически не сомневался, что у Лэнни была точно такая же, и собирался ее позаимствовать. Благо Лэнни возражать бы не стал.

Подъезжая к дому Лэнни, он увидел серпик месяца, который с прошлой ночи стал чуть шире и, как показалось Билли, острее.

Глава 77

Круглый год в долине жили горные голуби, воробьи, ласточки, другие птицы.

Никуда не улетали из долины и длиннохвостые соколы, с ярким, приятным глазу оперением. Их пронзительные крики, которые звучали как «килли, килли, килли, килли»[32], наоборот, не могли радовать слух, тем не менее радовали.

Билли купил новый холодильник. И новую микроволновую печь.

Снес стену, разделяющую гостиную и кабинет, потому что у него появились новые идеи относительно использования внутреннего пространства дома.

Выбрав веселый, масляно-желтый цвет, перекрасил все комнаты.

Выбросил мебель и ковры, купил все новое, потому что не знал, где могла сидеть рыжеволосая или лежать, когда ее душили или убивали каким-то иным способом.

Он даже подумывал над тем, чтобы снести дом целиком и построить на его месте новый, но потом осознал, что призраки вселяются не в дома. Они вселяются *в нас*, и, независимо от строений, в которых мы живем, наши призраки остаются с нами, пока мы сами не становимся призраками.

Если он не работал по дому или за стойкой бара, то сидел рядом с кроватью Барбары в «Шепчущихся соснах» или на переднем крыльце своего дома с томиком Чарльза Диккенса, чтобы узнать, где сейчас обитает Барбара.

С наступлением осени часть птиц все-таки улетала из долины, прежде всего наиболее активные мухоловки, хотя некоторые и оставались, приспосабливаясь к другому корму.

К осени Валиса еще поминали, особенно в таблоидах и тех телевизионных программах, которые работали в жанре журналистского расследования. Билли полагал, что на Валисе они будут кормиться минимум год, пока эта тема не канет в Лету, окончательно уступив место другим, не менее кровавым событиям.

Стива Зиллиса связали с Валисом. Эту парочку, замаскировавшуюся, но узнаваемую,

видели то в Южной Америке, то в Юго-Западной Азии, то на окраинах бывшего Советского Союза.

Лэнни Олсен, которого полагали мертвым, стал героем. Он был не детективом, а всего лишь помощником шерифа и никогда не числился в мотивированных полицейских, то есть тех, кто хотел продвигаться по служебной лестнице. Однако его звонки Рэмси Озгарду, детективу полицейского управления Денвера, однозначно указывали на то, что у него появились причины подозревать Зиллиса, а потом и Валиса.

Никто не мог объяснить, почему Лэнни не поделился своими подозрениями с вышестоящими офицерами. Шериф Палмер только сказал, что Лэнни всегда был «одиноким волком, который лучше всего проявлял свои способности, выходя за рамки обычных каналов», — и по какой-то причине никто не рассмеялся и не спросил, о чем это, черт побери, толкует шериф.

По одной версии (популярной в баре таверны), Лэнни подстрелил Валиса, но не убил, а только ранил его, и в тот момент неожиданно появился Стив Зиллис, который убил Лэнни. Потом Стив увез и труп Лэнни, чтобы где-нибудь захоронить, и раненого художника, чтобы вылечить его в каком-то убежище, потому что от законопослушных врачей требовалось докладывать в полицию обо всех огнестрельных ранениях.

Никто не знал, на каком автомобиле уехал Стив, потому что его собственный стоял в гараже у дома, который он снимал. Очевидно, на краденом. Тому, что он не уехал в трейлере Валиса, не удивлялись. Во-первых, дом на колесах требовал особенных навыков управления, во-вторых, его бы тут же остановили, едва появилось бы сообщение об исчезновении Валиса.

Психологи и криминалисты, хорошо знакомые с поведением социопатов, полагали невозможным, что один маньяк-убийца способен выхаживать другого, раненого маньяка-убийцу. Идея, что оба монстра питали друг к другу нежные чувства, приглянулась и прессе, и общественности. Если граф Дракула и чудовище Франкенштейна могли быть добрыми друзьями, какими их показывали в некоторых старых фильмах, то и Зиллис мог помогать раненому художнику.

Исчезновения Ральфа Коттла никто не заметил.

Рыжеволосой женщины, несомненно, хватились, но, возможно, жила она в другом регионе, и ее похитили на дороге, когда она проезжала по виноградному округу. Если в каком-нибудь штате и писали о ее исчезновении, то никак не связывали это происшествие с Валисом, а потому Билли так и не узнал имя рыжеволосой.

Люди пропадали каждый день. Национальные средства массовой информации не имели возможности сообщать о каждом исчезнувшем человеке.

Хотя часть птиц с окончанием лета улетела, осенью прилетели другие, чтобы провести в виноградной долине зиму.

В тех кругах, где даже самые простые мысли чрезвычайно глубоки, а серое имеет самые разные оттенки, пошли разговоры о том, что необходимо завершить сооружение скульптурной композиции. И сжечь ее, как планировалось. Валис, возможно, безумец, говорили в тех кругах, но искусство тем не менее остается искусством и требует уважения.

Сожжение привлекло такую толпу «Ангелов смерти» из Лос-Анджелеса, организованных анархистов и нигилистов всех мастей, что Джекки О'Хара закрыл таверну на тот уикенд. Не желал видеть таких клиентов в своем семейном заведении.

В конце осени Билли уволился с работы и перевез Барбару домой. Теперь часть расширенной гостиной служила ее спальней и его кабинетом. Он обнаружил, что в ее тихой компании вновь может писать.

Хотя Барбаре не требовались системы жизнеобеспечения, а только насос для подачи питательного раствора через трубку в желудок, Билли поначалу целиком зависел от постоянной помощи профессиональных медсестер. Но он учился у них, стремясь заботиться о ней самостоятельно, и через несколько недель медсестры уже дежурили у кровати Барбары только ночью, когда он спал.

Он сам опорожнял мешок с мочой, менял памперсы, мыл Барбару и не испытывал от

всего этого ни малейшего отвращения. Наоборот, на душе у него становилось легче оттого, что проделывал все это он сам, а не совершенно посторонний для Барбары человек. По правде говоря, он и не ожидал, что теперь, когда сам заботился о ней, в его глазах она стала еще прекраснее, но так вышло.

Она спасла его однажды, до того, как ее отняли у него, и теперь спасла вновь. После всего этого ужаса, жестокого насилия, убийств она дала ему возможность испытать сострадание и возродить в себе нежность, которые иначе могли бы быть утеряны навеки.

Странно, но в гости к нему начали захаживать друзья. Джекки, Айви, повара Рамон и Бен, Ширли Трублад. Из Напы частенько приезжал Гарри Аваркян. Иногда они приходили с родственниками или друзьями, которые становились друзьями Билли. Людям, похоже, нравилось в доме Уайлсов. На Рождество собралась прямо-таки толпа.

Весной, когда вернулись птицы, улетающие зимовать в другие края, Билли расширил входную дверь и превратил порог в пандус, чтобы вывозить кровать Барбары на переднее крыльцо. Часть кровати у изголовья поднималась, длины, идущей от насоса трубки, хватало, так что Барбара могла лежать, подставив лицо теплему весеннему ветерку.

Сидя на крыльце, он читал, иногда вслух. Слушал птиц. Наблюдал, как ей снится «Рождественская песнь».

Весна выдалась хорошая, за ней последовали ласковое лето, прекрасная осень, великолепная зима. В тот год люди начали называть его Билл вместо Билли, и он этого как-то не замечал, пока новое имя практически полностью не заменило собой прежнее.

Весной следующего года, когда он и Барбара были на крыльце и Билл читал, Барбара сказала: «Деревенские ласточки».

Он более не записывал произнесенные ею слова, поскольку не тревожился из-за того, что она объята страхом, потеряна, страдает. Знал, что она находится в знакомых ей местах.

Оторвавшись от книги, Билл увидел стайку деревенских ласточек, которые, двигаясь как одна, кружили над лужайкой перед домом.

Посмотрел на Барбару и увидел, что глаза у нее открыты и она вроде бы наблюдает за ласточками.

— Есть ласточки более грациозные, чем деревенские, — сказал он.

— Мне они нравятся, — ответила она.

Птицы действительно были красивы и элегантны, с длинными, заостренными крыльями, длинными, раздвоенными хвостами.

— Мне они очень нравятся, — и она закрыла глаза.

— Барбара, — позвал он, переводя дух.

Она не ответила.

«Я сказал моей душе: будь покойна и жди без надежды, ибо надежда может оказаться ложной».

Это ожидание вобрало в себя и надежду, и веру, и любовь. Власть не есть правда жизни. Любовь к власти — это любовь к смерти.

Деревенские ласточки улетели куда-то еще. Билл вернулся к книге, которую читал.

То, что должно случиться, обязательно случится. Есть время для чудес, пока есть само время, а у времени нет конца...

Авторское послесловие

В моменты крайнего напряжения или нерешительности слова мудрости приходят в голову Билли Уайлса, направляют его. И хотя Билли не указывает, что это за слова, взяты они из произведений Т.С. Элиота:

Глава 9: *«Убереги меня от врага, которому есть что приобрести, и от друга, которому есть что потерять».*

«Учить нас заботиться, но не суетиться».

Глава 13: *«Единственная мудрость, которую мы можем надеяться приобрести, — это мудрость человечности».*

Глава 17: *«Пусть суд не будет слишком строгим».*

Глава 33: *«Вот та, кто помнит путь к твоей двери: от жизни ты можешь уйти, от смерти — никогда».*

Глава 66: *«Для того чтобы овладеть тем, чем ты не владеешь, ты должен пройти через лишение права владения».*

«И то, что ты не знаешь, — единственное, что ты знаешь».

Глава 71: *«Для того чтобы стать не таким, как ты есть, ты должен пройти путь, которым не пошел бы никогда».*

Глава 72: *«Мир вертится, и мир меняется, но одно остается неизменным. Как ни маскируй, в этом никаких перемен нет: идет постоянная борьба Добра и Зла».*

Глава 77: *«Я сказал моей душе: будь покойна и жди без надежды, ибо надежда может оказаться ложной».*

Описанное в этом романе управление шерифа округа Напа не имеет ни малейшего сходства с превосходным правоохранительным учреждением, которое носит то же название в реальном мире, как и у любых персонажей романа никоим образом нет прототипов среди реальных людей, живущих в округе Напа штата Калифорния.

Самое загадочное заявление Барбары: *«Я хочу знать, что оно говорит нам, море. Что оно продолжает нам говорить...»* — цитата из романа, понятное дело, Чарльза Диккенса «Домби и сын».